

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Волшебная сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634685

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Героиня повести Надя Таирова, девочка из малообеспеченной семьи, мечтает совсем о другой жизни – о нарядах, комфорте, о жизни беззаботной, почти сказочной. И вдруг волшебным образом ее грезы становятся реальностью.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава I	4
Глава II	17
Глава III	35
Глава IV	48
Глава V	60
Глава VI	85
Глава VII	102
Глава VIII	114
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	133
Глава I	133
Глава II	151
Глава III	165
Глава IV	183
Глава V	197

Лидия Алексеевна Чарская

Волшебная сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Надя Таирова

Каждое воскресенье тетя Таша надевает свое серое «праздничное», очень ветхое и во многих местах подштопанное платье и отправляется на прием в институт. По дороге, прежде чем сесть в трамвай на Суворовском проспекте, она заходит в знакомую фруктовую. Фунт шоколада «лом», коробка карамели и пяток апельсинов-корольков (Наденькиных любимых) составляют обычную покупку тети Таши для Наденьки.

Прием в Н-ском институте начинается ровно в час дня, и, когда тетя Таша робко, «бочком», входит в двухсветный институтский зал, там уже стоит обычный воскресный гомон, так близко напоминающий пчелиное жужжание вокруг улья.

Все так же держась сторонки и невольно смущаясь за свой более чем скромный наряд, тетя Таша пробирается в «свой

уголок», на скамью между роялем и печкой, и здесь терпеливо дожидается Надю.

Когда-то тетя Таша служила кастеляншей в этом институте, и все здесь знают ее отлично. Знают ее серое старенькое платье, и давно лишенную фасона бархатную шляпу капотником, и всю ее застенчивую незначительную фигурку с седеющей головой и робкой, словно извиняющейся, улыбкой. Ее привыкли видеть через каждое воскресенье на приеме, поэтому «шестушкам» (воспитанницам шестого класса), дежурившим в зале, не приходится спрашивать у тети Таши, кого ей вызвать. Дежурные воспитанницы знают, что маленькая женщина в заношенном сером платье приходит на прием к Наде Таировой, и, отвесив наскоро традиционный реверанс перед новой посетительницей, девочка мчится в пятый класс.

– Таирова, на прием! К вам пришли! – бросает она с порога классной комнаты.

С одной из задних скамеек поднимается высокая, тонкая, как жердочка, девочка лет четырнадцати и, резким движением бросив в ящик стола книгу, в чтение которой только что углублялась, забыв весь мир, идет к кафедре.

У Нади Таировой миловидное, несколько бледное лицо, на котором застыло скупающее недовольное выражение, и большие, серые навывкат, рассеянные глаза. Если бы не это надутое выражение лица – Надя была бы прехорошенькой. Ни у кого из ее одноклассниц нет таких пышных белокурых

волос, такого изящного тонкого носика, такой милой неожиданной улыбки, которая, впрочем, так редко появляется на ее недовольном лице. Чаще внешний вид Нади не внушает симпатии. Сейчас же, когда девочка, остановившись перед кафедрой, отвешивает реверанс классной даме и тянет усталым голосом:

– Разрешите мне, m-lle, идти в приемную, – это недовольное личико делается еще более надутым и скучающим.

Наставница, маленькая, с замученным жизнью лицом пожилая женщина, смотрит несколько минут с укором на Надю.

– А вы опять вчера единицу за невнимание на уроке математики получили, Таирова, и два с минусом за немецкий? – спрашивает она по-французски.

Бледное лицо Нади густо краснеет.

– И в пятницу мне жаловался на вас учитель истории, что вы опять читали на его уроке, – продолжает классная наставница. – Я должна нынче же переговорить обо всем этом с вашей теткой... На третий год в классе оставаться нельзя. Надо довести до ее сведения о вашем нерадении. Ступайте. Я приду позднее, в конце приема. – И наклоном головы Варвара Павловна Студенцова, классная дама пятого класса, отпускает девочку.

Красная, как пион, Надя машинально одергивает на себе пелеринку и отправляется в приемный зал, куда, в сущности, ее совсем не тянет.

– Опять тетя Таша с ее укорами, нотациями и жалобами. Опять советы-наветы «Студня», опять неприятности... Терпеть не может этих приемных дней она – Надя. Хорошо еще, если отец не пришел, а то, Бог весть, чем бы все это кончилось. И зачем только эти приемные дни существуют! То ли бы дело сидеть над книгою, не отрываясь целый день. О! что за прелесть дала ей вчера эта Ньюта Беляева! Всю ночь в дортуаре и целое утро читала упоительно захватывающую книгу Надя, захлебываясь от восторга и нетерпения узнать, что будет дальше. Что за очарованье эта герцогиня Лила! А графиня Аделаида, такая героическая, такая очаровательная девушка! А молодой герцог Рудольф, не побоявшийся драться на дуэли с тремя противниками сразу!.. Что за жизнь, что за волшебную, сказочную жизнь они ведут!

В воображении Нади мелькают картины прочитанного. Веселая охота... Звуки рога... лай собак... Нарядные полумужские костюмы у дам... Развевающиеся перья беретов... Изящное оружие... Изысканная речь... звонкий смех молодой красавицы герцогини... И вдруг волк, страшный, огромный волк, бросившийся на отважную красавицу... Меткий выстрел, пуля, попавшая в пасть чудовища, общие поздравления и заздравная чаша, поднятая в честь молодой охотницы. Потом вечер... Роскошно иллюминированный дворец герцога... Тихо плещущие среди таинственного сада фонтаны... Серебристое сияние месяца, заливающее грот и красавицу герцогиню, выслушивающую признание графа... Какие

изысканные слова, какие речи! Все это так ярко переживает в своем воображении Надя, заслонившись этими образами от действительной жизни, так живо и ярко! И словно падает с облаков на землю, очутившись перед тетей Ташей, поджидающей племянницу на своем обычном месте.

– Наденька!

Тетя Таша так трогательна сейчас с ее мгновенно просветлевшим лицом и радостною улыбкой при виде Нади. Надя – ее любимица. Изо всех детей покойной сестры, которых теперь, вот уже восемь лет, воспитывает тетя Таша, Надя всех дороже и милей тетке. По ее же, теткиному, настоянию Надю отдали в институт на казенный счет. Отдали вопреки желанию отца. Маленький банковский чиновник, обреченный получать всю жизнь пятьдесят рублей жалованья, сын слесаря, с трудом убедивший в свое время отца отдать его в юности в городское училище, Иван Яковлевич Таиров с трудом пробрался в люди, стал грамотным работником. Старшего сына, Сергея, ему удалось определить в гимназию. О Наде же отец имел свое особое мнение, совершенно обратное мнению свояченицы. И поэтому, когда четыре года тому назад Татьяна Петровна пристала к деверю с настойчивыми просьбами отдать Надю в институт, благо она имела право на это, как бывшая институтская служащая, последний долго упорствовал, не сдавался на все просьбы.

– Нечего баловать девчонку, – со свойственной ему грубой прямолинейностью возражал он на все доводы тети Та-

ши. – Чем она лучше других ребят – Клавдии, Шуры? А те ведь об институте и мечтать не смеют. Не принцесса какая-нибудь, нечего ей из среды своей лезть... Еще заважничает, пожалуй, с разными там аристократками якшаться станет, нос задирать. Не потерплю, отдам в мастерство, как Клавдию, толку больше будет. В профессиональную школу куда-нибудь... А то: ин-сти-тутка, скажите на милость, важная птица какая!

– Братец! Разрешите! Сами потом благодарить будете! Ведь если кончит курс в институте наша Надя – диплом получит. А с дипломом ей всюду дорога открыта. Классной дамой может быть, учительницей. Наконец, на курсы поступит. Свое учебное заведение откроет, если захочет. И потом ведь платить за нее не надо, братец, за Наденьку, а за мою двадцатипятилетнюю службу в их стенах ее даром, на казенный счет, примут. Должны же они мне что-нибудь сделать! Ведь я столько сил и здоровья потеряла, заботаюсь и денно и нощно о казенном добре. Не мешайте же счастью Нади, братец, разрешите ей поступить в институт!

Долго и убедительно просила деверя тетя Таша. Наконец, он сдался. Последний аргумент о возможности дарового учения для дочери повлиял больше всего. Перспектива платить за дочь из своего скромного пятидесятирублевого жалованья в другое учебное заведение настолько страшила Ивана Яковлевича при других существенных вопросах жизни, что поступление Нади на казенный счет несколько успокоило его.

– Смотрите только, чтобы беды изo всего этого не вышло, сестрица, уже сдаваясь, говорил он свояченице. – Надежду я раскусил давно: ленивая, нерадивая и пустая девчонка. Бог весть, какой трухой голову себе набивает. Не на радость обучили вы ее, видно, грамоте. Намедни книжку у нее отнял, нестоящая книжонка, пустая – говорит, лавочница дала – o приключениях каких-то, про князей да графов. С десяти-то лет себе голову какой трухой набивает! За уши я ее выдрал за это. Пусть-ка попробует еще. А насчет института, конечно... Лучше бы, понятно, подождать, когда Шурка подрастет; девочка смышленная и восприимчивая и учиться будет хорошо. Шесть лет еще не минуло, а грамоту разбирает по кубикам... Что, если бы вместо Нади да ее в институт? А? А что вы на это скажете, сестрица?

Но «сестрица» думала совсем иначе. Кому же, как не Наденьке, этому белокурому ангелу, с ее манерами переодетой принцессы не быть воспитанной и образованной барышней наравне с аристократками лучших домов? Конечно, ей, Наде, этой изысканной, изящной девочке, а не мужиковатой Шуре необходимо поступить в привилегированное учебное заведение. И, решив на этом, тетя Таша, заручившись согласием деверя, начала действовать.

Этот разговор происходил четыре года тому назад. Вскоре десятилетнюю Надю отвезли и поместили на казенный счет в Н-ский институт. И почти в первый же год ее поступления опасения Ивана Яковлевича оправдались. Надя училась дур-

но, застревала в классах или переходила с переэкзаменовками. Рассеянная, нерадивая, не желающая учиться, она если и не бросала занятий совсем, то только из боязни заслужить справедливый гнев отца, перед которым трепетали дети. Все свое время Надя отдавала чтению, чтению безо всякого разбора глупых бульварных романов, к которым питала слабость с самого раннего возраста. Читала тайком, на уроках, в промежутки между ними, в дортуаре ночью, на прогулках в институтском саду. С поразительной изобретательностью доставала она книги, выменивая их на свою обеденную порцию сладкого блюда, на гостинцы, на картинки и учебные принадлежности. Тетя Таша не раз убеждала девочку прекратить это вредное занятие, советовала ей читать классиков или другие полезные книги, но Надя совсем не слушала ее. Вообще Надя мало проявляла послушания, за последние годы особенно, и Татьяна Петровна переживала далеко не первое разочарование по поводу занятий и поведения ее любимицы, но, несмотря на это, не переставала любить девочку болезненно сильной любовью.

– Наденька!

Тетя Таша широко раскинула руки и обняла свою любимицу. Потом, отстранив ее от себя, долго вглядывалась в тонкое бледное личико.

– Похудела, как будто, Надюша, щечки стали что-то прозрачнее. Да и глазки невеселые. Что с тобою? Случилось что? – И добрые глаза тети вглядываются с тревогою в черты

девочки.

Надя ежится. Ей неприятны эти слишком бурные, по ее мнению, выражения родственных чувств на глазах всего приема. Вон, на них смотрит сейчас генерал Ртищев, с дочерью которого, Наточкой, Надя учится в одном классе. И сама Наточка глядит сюда и как будто усмехается по поводу нежной родственной сцены. Вон баронесса Шталь, мать этой насмешницы Даси, тоже направляет в их сторону свой черепеховый лорнет. Наде кажется, что все глядят на нее с теткой и удивляются несдержанности и бестактности последней.

А тетя Таша ничего и никого не замечает, решительно никого, кроме своей ненаглядной Наденьки, и говорит, говорит без умолку. Она целую неделю не видела своей любимицы, и теперь ей есть о чем расспросить Надю, есть что ей порассказать. Дома у них уйма новостей. Сереженька еще один урок достал за шесть рублей в месяц. Клавдия от какой-то генеральши очень выгодный заказ получила. А Шуре новые сапоги купили, желтые с помпончиками (цветные на лето выгоднее: пыли так не принимают, как черные). А у кошки Машки котятки родились, всех раздали, одного только себе оставили – черненький, с белым пятнышком на лбу, такой забавный! Вот приедет на летние каникулы Надя, сама увидит, что за прелесть коташка. Тетя Таша увлекается, как девочка, рассказывая все это. Но мысли Нади далеки от ее рассказов, так же далеки, как и серые рассеянные глаза девочки, не видящие ни тети Таши, ни посетителей и посе-

тительниц институтского приема. И не слышит Надя ни слова из всего того, что ей рассказывает тетка. Какое ей дело, в сущности, до уроков Сергея, до желтеньких ботинок Шурки, до кошки Машки с ее котятами. Все это проза, будни жизни... А она, Надя, рождена для праздника, для сказки, для роскоши и довольства, для той жизни, о которой написано в романах, которые она проглатывает с таким увлечением. О, как хороша та жизнь, про которую пишут в книгах! Жизнь, похожая на волшебную сказку! Все эти графы, герцогини, принцессы; все эти праздники, обеды, рауты, балы, охоты, дуэли... Все эти хитросплетенные интриги, неожиданности и случайности, над которыми так колотится и замирает сердце.

– Ах, кто это такой? Не сам ли герцог Альфред вошел в залу? Он, конечно, он...

Надя вздрагивает от восторга и неожиданности и долго смотрит на высокого, тонкого юношу, появившегося на пороге приемной. Потом сразу падает с неба. Увы! Какой же это герцог? Это только Миша Боярцев, брат ее одноклассницы, Лили Боярцевой. Да.

А та высокая дама в трауре, может быть, это графиня Ада после смерти убитого на дуэли жениха-герцога? И опять не то. Опять вместо волшебных грез скучная проза. Высокая «черная» дама – известная всему институту бывшая здешняя воспитанница, явившаяся на прием к младшей сестренке.

Настроение Нади совсем падает. Она отвечает невпопад на вопросы тетки. В голове уже работает иная тревожная мысль: что если тетя Таша «отличилась» снова сегодня и, чего доброго, опять притащила эти ужасные фунтики шоколада-лома, какой-то мещанской карамели и грошевых апельсинов, от которых сводит рот и набивает оскомину... Ведь раскрыть нельзя пакета при Наточке Ртищевой, Лили Боярцевой, баронессе Шталь, которым родные приносят на прием самые изысканные лакомства, дорогие фрукты, конфеты, торты и которые в тайниках своих душ, конечно, смеются над мещанскими гостинцами Нади. Какой позор! Какая гадость – эта бедность, эти грошевые приношения, все это ничтожество и мещанство!

Надя так уходит в свои думы, что не замечает приближения Варвары Павловны, и только тогда, когда классная дама уже здоровается с тетей Ташей, девочка неожиданно видит ее и вскакивает со скамейки. Густая краска румянца заливает теперь лицо Нади. И в лице самой тети Таши смущение. Появления m-lle Студенцовой бывают только в самых исключительных случаях и никогда не приводят к добру.

Так и есть. Варвара Павловна садится около тети Таши и начинает рассказывать самые неприятные вещи про ее любимицу.

– Надежда Таирова совсем не учится, не хочет учиться, не готовит уроков. Читает слишком много и в неурочное время. Два раза у нее уже отбирали книжки, оказались совсем не

отвечающими ее возрасту романами. Этого допускать нельзя. Все учителя жалуются на нее. Все недовольны ею. Она так рассеянна, так невозможно рассеянна и ленива. И из рук вон слаба в успехах. Вчера опять получила двойку с минусом и единицу. А ведь она второгодница, на третий год ее, ни под каким видом, оставить в классе нельзя. Бесспорно ей грозит исключение, если она не возьмет себя в руки и не подтянется во время экзаменов. Казна не намерена платить за нерадивых учениц, тем более, что на их места есть столько прилежных, жаждущих учиться. Конечно, Татьяну Петровну все знают здесь, помня ее беспорочную службу, но, тем не менее, нельзя же делать исключения, согласитесь сами, во вред делу...

И долго-долго еще говорит на эту тему Варвара Павловна. Безмолвно, с растерянным выражением лица, с яркими пятнами волнения на щеках, слушает ее тетя Таша. Добрые серые глаза устремлены с молящим выражением в суровое лицо классной дамы.

И сама Надя как будто смущена на этот раз. Ей кажется, что все на нее смотрят, что весь «прием» догадывается о том, что говорит классная дама. О, как искренне хочется провалиться сейчас сквозь землю! Как стыдно ей, Наде, как мучительно стыдно сейчас!

Спасительный звонок, возвещающий о конце приема, внезапно прекращает эту пытку. Облегченный вздох вырывается из груди девочки. Классная дама уходит. Тетя Таша,

взволнованная, красная, встает со своего места, берет обе руки Нади в свои и смотрит на девочку испуганным, полным укора и слез, взглядом.

– Наденька, как же это так, родная? – шепчет она растерянно, – что же это такое будет у нас? Подтянись хоть на время экзаменов, Надя. Брось свои книжки, брось вздорные мысли. Ведь, не дай Бог, исключат – куда ты денешься? Папаша рассердится, в ремесло отдаст. Ах, мыслимо ли это! Ты, моя Надя, нежная, хрупкая и вдруг – портниха! Ведь убить тебя тяжелый труд может! Так постарайся же, Наденька, как-нибудь. – И голос маленькой женщины звенит слезами.

Надя сконфужена, смущена. А белокурую головку сверлит одна и та же мысль:

– Скорее бы кончилось это неприятное прощание, скорее бы уходила тетка домой.

Слава Богу, конец. Поцеловала, перекрестила и спешит к дверям зала. Теперь можно идти в класс, забиться там в излюбленный уголок за доскою и грезить до обеда, грезить над раскрытой страницей без конца, без конца...

Глава II

Как аукнется, так и откликнется

Что за роскошный, чарующий уголок между густо разросшимися кустами сирени отыскала себе Надя в большом институтском саду! Сюда никто не заглянет. Заросли кустов так плотны, что сквозь зеленую живую стену при всем желании нельзя рассмотреть тонкую фигурку в камлотовом платье и в белой пелеринке и переднике. Да и в голову никому не придет смотреть, кто притаился здесь в зеленой чаще. Завтра экзамен истории у пятого класса и «свои», пятиклассницы, заняты усердной к нему подготовкой. Семь экзаменов уже сошли, остается восьмой, последний и самый страшный. Михаил Михайлович Звонковский, преподаватель русской и общей истории, справедлив, но строг и требует знания «на зубок», как говорится, своего предмета. Поэтому к его экзамену воспитанницы готовятся с особенным усердием, зная, что здесь о побрякках и снисхождении не может быть и речи и что «Мишенька» режет безжалостно, невзирая ни на что.

Вот почему самым добросовестным образом нынче учатся в классе, учатся по ночам в дортуаре, учатся в саду.

Май в этом году стоит удивительный. Небо лазурно и прозрачно, словно на юге. Белые гряды облаков красиво и медлительно-важно плывут по бирюзовому фону. Солнце играет, шутит, смеется, выглядывая из своего ажурного дворца.

Зеленые побеги так бархатисты и свежи по-весеннему. А на гибких ветвях сирени повисли лиловые и белые гроздья одуряюще-вкусно пахнущих цветов.

Надя лежит, растянувшись во всю длину на молодой зеленой мураве, собрав жгутиком передник, чтобы не запачкать его случайно зеленью, и обернув его вокруг талии. Белую пелеринку она сбросила с плеч и повесила на ветку куста. В правой руке лиловая кисть сирени, в левой – учебник русской истории, другой, по всеобщей, брошен на траву. Но глаза девочки устремлены не в книгу, и мысли Нади дальше, чем когда-либо, от экзаменов, занятий, отметок и всей прочей институтской «прозы», как она называет действительную жизнь. Глаза устремлены в зеленую заросль кустов, в самую чащу, и Надя забывает весь мир в эти минуты, забывает предыдущие неудачные экзамены, забывает «провал» по арифметике, переэкзаменовку по-немецки и по-русски. Забывает и слова начальницы, строгой, сдержанной, всегда ровной в обращении со всеми воспитанницами баронессы Х. после неудачнейшего из ответов Нади во время русского экзамена, отмеченного получением девочкою злосчастной двойки:

– Тебе будут три переэкзаменовки, Таирова, в том только случае, если ты выдержишь экзамен по истории. Иначе не взыщи, твоей тете придется взять тебя из нашего учебного заведения. Смотри же, готовься к истории особенно прилежно, твое положение весьма серьезно, помни это хорошенько.

К чести Нади сказать, слова эти смутили девочку. Но ненадолго, однако, смутили они ее.

Дня за три до решительного экзамена она увидела на постели дортуарной девушки Маши небольшую затрепанную книжонку и в какой-нибудь час времени одолела ее. Такой книжки ей еще не приходилось читать. Все прочитанные ею прежде померкли перед этим сказочным, захватывающим романом, где описывалась жизнь какой-то красавицы-принцессы, похожая на волшебную сказку, полная превратностей судьбы и самых изумительных случайностей, словом, та самая жизнь, о которой так сладко грезила в своих мечтах Надя.

И сейчас она вся еще находится под впечатлением прочитанного. И грезит им наяву.

Вот раздвигаются кусты сирени, и из зеленой заросли показывается высокая стройная фигура девушки. На ней бархатный берет с плюмажем и дорогой наряд, приспособленный для верховой езды. У красных каблучков серебряные шпоры. На тонких аристократических рунах перчатки; в одной из них она держит хлыст с серебряной рукояткой. А лицо ее знакомо, очень знакомо Наде... Белокурые волосы выбиваются из-под берета. Серые глаза радостно шуряются. Счастливая улыбка не сходит с капризных губ.

Да ведь это она сама, Надя: ее лицо, ее манеры, хотя на ней и надет этот роскошный костюм, изменивший ее до неузнаваемости; этот костюм говорит за то, что она только что при-

мчалась с турнира, данного в честь дочери королем-отцом. На турнире храбрейшие рыцари прославляли в бою ее имя, имя принцессы Изольды. А вечером будет бал, на котором она встретит нынешнего победителя турнира. Она оставила ему свой первый гавот, она будет танцевать с ним весь вечер, она знает, что скоро он будет ее мужем, что герольды отца уже ездят по столице и извещают народ о ее помолвке с герцогом-победителем. Ее ждет впереди безграничное счастье.

Но что это? Почему вдруг померкли серые глаза принцессы? Кто это ползет там в кустах? Змея? Тигр? О, нет, нет! Кто этот темный, грубый человек со зловещей улыбкой? О, это он, злодей Раймунд, когда-то изгнанный королем-отцом из их королевства за тяжкую провинность и теперь жаждущий мщения. Его мысли темнее его лица, он весь горит жаждой отметить королю и его дочери за свое изгнание. Какой коварный план он замыслил теперь: похитить принцессу, увезти ее в свой замок и жениться помимо ее воли на ней. Это он, злодей и преступник, крадется в кустах, ползет, припадая к земле, как разбойник, как ночная тать... Еще минута, и девушка в бархатном берете очутится в его руках.

– Ах!

Лицо Нади, не принцессы Нади-Изольды, а настоящей скромной институтской Нади мгновенно обливается румянцем неожиданности и испуга. Какой ужас! Вместо белокурой принцессы и страшного «мстителя» среди зелени кустов появляется Варвара Павловна Студенцова.

– А вы опять размечтались, Таирова, опять не учитесь? – звучит знакомый Наде (о, какой знакомый!) голос. – Должно быть, хотите, чтобы вас исключили из института? Ну, что ж, до этого уж недалеко. Ваше желание, конечно, будет удовлетворено. Искренно сожалею вашу достойную, уважаемую тетюшку. Искренно сочувствую ей... Иметь в доме такую лентяйку! И, потом, что это у вас за поза? Лежать на земле, когда есть скамейка... И зачем вы смяли передник? Зачем сбросили пелеринку? Какое вы имеете право так небрежно относиться к казенному имуществу?

Варвара Павловна смотрит в лицо Нади недовольным, суровым взглядом. Краска негодования заливает ее лицо.

Сконфуженная, пристыженная девочка поднимается с травы. Ее передник, действительно, смят, волосы растрепаны, пелеринка висит на ветке. Смущенная улыбка застыла на лице. Эта несчастная улыбка дает повод к негодованию классной наставницы.

– Как вы смеете смеяться, когда вам делают выговор? За этот смех вы будете наказаны.

И так как Надя все еще молчит смущенная, Варвара Павловна берет ее за руку и выводит на дорожку.

– Ступайте в класс, садитесь на ваше место и извольте заниматься серьезно. Я вижу, что в саду вы не можете учиться совсем.

Ночь... Окна дортуара, несмотря на строгое запрещение начальства, открыты настежь. Нестерпимо душна майская ночь. Сиреневые деревья под окнами пахнут одуряюще сильно... Какой пряный, вяжущий аромат!

В дортуаре кишит жизнь, несмотря на позднее, ночное время. Благодаря белой северной ночи мая, здесь светло, как днем. Пятиклассницы небольшими группами расположились у окон и усердно затверживают имена, названия и года по учебникам истории.

Особенно года, хронологию. «Мишенька» исключительно требователен и строг в отношении последней. Беда перепутать у него лета царствования того или другого царя или же периоды войны и событий. Особенно взыскателен он почему-то ко всему, что касается Греции в общем и Пунических войн в частности. О, уж эти Пунические войны! К ним Михаил Михайлович чувствует какое-то исключительное, ничем необъяснимое тяготение и чуть ли не каждую экзаменуемую спрашивает на экзамене о той или другой Пунической войне.

Наточка Ртищева, «генеральша», как ее называют в классе, клюет вздернутым носиком над учебником истории у себя в «промежутке», то есть в узеньком проходе между своей кроватью и кроватью соседки. Зажав уши, чтобы не слышать

жужжанье подруг, шепотом лепечущих пройденное, Наточка изрекает, как Пифия с треножника, раскачиваясь из стороны в сторону на своей табуретке, цифры за цифрами, имена за именами.

Где-то неподалеку в коридоре пробило три. Скоро утро. А она еще семи билетов не знает из сорока. Какой ужас! Неужели провал? С нескрываемой завистью оглядывается Наточка на тех счастливиц, которые прошли уже всю программу на завтра и пользуются сейчас вполне заслуженным отдыхом и уж, конечно, проснутся с бодрым сердцем и свежую голову. Счастливая эта Лилька Боярцева, – вызубрила все билеты и теперь храпит, раскрыв с блаженным выражением свой пухлый рот. А вон Дася Шталь встает, потягиваясь, с пола, на котором сидела поверх теплого пледа, и идет, сладко позевывая, лечь в постель.

– Все билеты прошла? – завистливо спрашивает Наточка.

– Все, конечно, – радостно бросает Дася.

И опять сердце бедной Наточки вздрагивает завистливым чувством.

– Mesdames, кто знает про битву в Фермопильском ущелье и может рассказать? – неожиданно раздается чей-то повышенный шепот.

Это Саша Гурвина. Она считается одной из слабых учениц.

– Вот святая наивность! Спроси у учебника, он лучше всех знает, отвечает кто-то из «зубрящих», в то время как

другие продолжают священнодействовать, не отрываясь от книги.

– Не могу: страницы нет. Как раз вырвана на этом месте страница, жалобным голосом стонет Саша.

– Бедняжка, ступай сюда. Я тоже сейчас на Греции... Будем каждая про себя читать по одной книге. Только, чур, договор дороже денег, не жужжи, а одними глазами читай, без шепота.

– Хорошо, душка моя, хорошо, не буду! Спасибо... – и босые ножки Саши замелькали по направлению Мани Златомиримовой, самой отъявленной «зубрилки», на институтском языке, очень комфортабельно устроившейся на подоконнике огромного дортуарного окна. Теперь вместо одной закутанной в теплый платок детской фигурки на окне выросли две. Книжка лежит на коленях Мани. Она хозяйка и не хочет стеснять себя. Гостья же только бочком заглядывает в раскрытую страницу.

А короткая весенняя ночь уже выводит на далеком небе первые предрассветные узоры.

Надя Таирова, притаившаяся на другом дортуарном окне с учебником на коленях, с удивлением замечает розовую полосу зари, опоясавшую небо. Боже, как скоро промчалась эта ночь! Все казалось, что до утра еще далеко. А как прекрасны были ее ночные грезы нынче! Какое дивное настроение давал этот бледный, призрачный свет. Как рельефно переживались в воспоминаниях картины и образы прочитанного.

Действительность с ее скучной прозой отошла далеко-далеко, и девочке в эту ночь кажется снова, что не Надя она, не Надежда Таирова, воспитанница пятого класса Н-ского института, которой суждено держать последний, решительный экзамен завтра, а принцесса, пленница какого-то таинственно заколдованного замка, пленница злого чародея-чудовища, который держит ее за семью затворами высокой башни. А там, внизу, герои-рыцари осаждают замок, пытаясь освободить принцессу из плена... Но высока, неприступна башня, крепки затворы замка, далеко им до терема пленницы. Сам колдун о семидесяти драконовых головах стережет вход в башню, не допускает освободителей проникнуть в свой волшебный чертог. Пленница знает, однако, в чем ее спасение: ей необходим первый взгляд проснувшегося доброго чародея-солнца. Если первый взгляд его золотых очей упадет на нее – она спасена; тогда рухнут злые чары, падут сами собой крепкие затворы, ослабеет дракон-чудовище, и смелые рыцари проникнут в башню. Вот уже скоро-скоро поднимется с голубой постели прекрасный добрый волшебник. Алое пламя зари уже залило небо... Надя смотрит туда большими, остановившимися от ожидания глазами, и душа ее трепещет и сердце бьется частыми-частыми ударами... Сейчас-сейчас поймает она первые брызги золотых лучей!

– Таирова, ты, кажется, спишь с открытыми глазами? Вот смешная! Ха, ха, ха!

Как несносна эта Софи Голубева. Какое ей дело до На-

ди? Что ей надо от нее? Она своим неожиданным смехом нарушила очарование, прогнала грезы, прекратила волшебную сказку.

– Мильтиад при Марафоне... Мильтиад при Марафоне... При Марафоне, при Марафоне, при Марафоне... – совершенно бессознательно начинает твердить Надя, поднимая к самому лицу книгу и закрываясь ею от подруги.

А утром, когда заливается, поет звонок в коридоре, безжалостно прерывающий особенно сладкие сны институток, Надя с пустой головой и разбитым от бессонницы телом лениво и апатично одевается, чтобы идти на молитву. Из сорока билетов по курсу истории она знает только первые пятнадцать, да и то с грехом пополам.

* * *

Длинный, крытый зеленым сукном экзаменационный стол, выдвинутый на середину класса, уже сам по себе говорит за торжественность случая.

Пятый класс весь в сборе. Воспитанницы еще задолго до звонка, возвещающего о времени экзамена, сидят на своих местах и, спешно перелистывая страницы «курса», наскоро пробегают в памяти пройденное.

Надя тоже, для «очистки совести», берет учебник. Пунические войны еще туда-сюда, она с грехом пополам кое-как помнит. Но что идет дальше – все уже перепуталось в голове.

Про русскую же историю и говорить нечего. Все эти удельные князья – какая путаница, какой сумбур!.. А потом Иваны... Иван Калита, Иван Третий, Иван Грозный... И кто такой Калита? И почему Калита? Какое странное название... А татарское иго? Про иго она совсем плохо помнит... Был Мамай, был Батый... И кого-то ослепили... И будет двойка в лучшем случае, а потому только, что единиц не принято ставить на экзаменационных испытаниях, только поэтому...

Звонок. Все встают. Все кланяются.

– Nous avons l'honneur de vous saluez, madame la baronne!¹

– дружным хором восклицают девочки.

Входит начальница, инспектор классов, «свой» преподаватель, чужие учителя-ассистенты, назначенные на экзамен, и в их числе «Мишенька».

Еще не старый годами, но болезненный и старообразный, с подагрическими ногами, Михаил Михайлович Звонковский кажется особенно озабоченным и суровым сегодня. То и дело своими нервными пальцами он пощипывает маленькую жидкую бородку с пробивающейся на ней сединой. Михаил Михайлович не может не волноваться. По его мнению, пятый класс слишком мало преуспевает по истории и совсем уже не имеет понятия о хронологии. А между тем он, Звонковский, усерднее, чем с кем-либо другим, занимался с этим классом.

Экзамен начинается, по раз навсегда заведенному прави-

¹ Имеем честь здороваться с вами, госпожа баронесса! (*фр.*)

лу, общей молитвой. Все воспитанницы поднимаются, как один человек, со своих мест и выстраиваются в промежутках между скамейками. Дежурная по классу звонким голосом читает отдельно «Преплагий Господи...» Потом все снова садятся, начальство – вокруг зеленого стола, воспитанницы – на своих партах.

– Арсеньева, Аргенс, Беляева, Бобринцева... – громко произносит инспектор классов, глядя в журнал.

Маленькая Арсеньева с испуганным лицом бросается к столу.

Михаил Михайлович чуть заметно улыбается девочке ободряющей улыбкой. О, за эту ему нечего бояться: она на двенадцать баллов знает предмет, а вот Бобринцева так может смутить своими познаниями кого угодно... Веселая проказница-толстушка со смеющимися глазами и ямками на щеках развязно несет какую-то чепуху о Карфагенских войнах и Александре Македонском и так быстро при этом, что за нею трудно уследить.

– Позвольте, позвольте... – не выдержав, останавливает инспектор классов Варю, – не так скоро, не так скоро, я ничего не могу разобрать...

Но та уже несется на всех парах без удержу, сыпля первыми попавшимися в голову именами, цифрами, названиями мест и городов.

– Верениус, Вартышевская, Голубева... – продолжает вызывать инспектор.

Мишенька, с лицом, покрывшимся пятнами волнения во время ответов Вари Бобринцевой, теперь облегченно вздыхает. Добросовестная шведка Верениус и одна из лучших учениц пятого класса Софья Голубева бесспорно отличаются своими ответами и загладят предыдущие, он это знает хорошо.

Так и есть: обе девочки отвечают прекрасно. Баронесса улыбается довольной улыбкой; инспектор одобрительно кивает головой; лица ассистентов проясняются.

– Дарлинг, Дмитриева, Звонарева...

Надя Таирова, словно сквозь сон, слышит произносимые фамилии своих одноклассниц, такие знакомые и незнакомые в одно и то же время. Вслушивается в их ответы, ловит то или другое название, год или имя и обливается потом от волнения и страха.

– Нет, так, как они, она не сумеет ответить никогда. Китайскою грамотою кажутся ей все эти года событий и войн древности с их героями. Никогда она не запомнит в точности ни одного из них. Никогда.

– Мильтиад при Марафоне... Фермопильское сражение... Ах ты, Господи, и когда все это было? Когда?

А экзамен приближается между тем к концу. Добрая половина класса уже вызвана в алфавитном порядке. Все больше и больше прибавляется спрошенных. Воспитанницы с красными, взволнованными лицами одна за другою возвращаются от зеленого стола и снова помещаются за своими

партами.

Одни – удовлетворенные, счастливые вследствие удачного ответа, другие – встревоженные, с беспокойным выражением глаз.

Миновали уже буквы к, л, м, н... Скоро придет очередь Нади... Машинально перебирает девочка страницы учебника и ничего не может понять; строки сливаются со строками; в голове сумбур; в ушах звон от бессонной ночи и в мыслях не удерживается ничего, совсем как решето стала голова Нади, самые дикие мысли мелькают сейчас в ее мозгу.

– Что за лицо у инспектора? Как он похож на отца герцога Адольфа, а «Мишенька» – на того кастеляна замка, который похитил бриллиантовое кольцо герцогини... Ну, конечно, на него, вот только бы наклеить ему большую бороду и...

– Госпожа Таирова, Тонская, прошу... – откуда-то издадека-издалека звучит голос инспектора.

Вздвогнув всем телом, Надя быстро поднимается и идет к зеленому столу. На сукне лежат раскинутые красивым верером экзаменационные билеты. Тонкая трепещущая детская рука протягивается к ближайшему.

– Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... – шепчет Надя обычную школьную молитву, помогающую, по убеждению институток, во всех страшных и трудных случаях жизни, и левой рукой незаметно крестится под пелеринкой в то время, как правая уже несет неведомый билет.

– Господи, помоги, чтобы из первого десятка, из первого,

из первого... – одними губами беззвучно шевелит Надя и, вспыхнув до ушей, переворачивает к себе лицевой стороной билет.

– Пятнадцатый... – говорит как будто не она сама, а кто-то иной, чужим незнакомым голосом. Пятнадцатый... все кончено... она пропала!.. В билете стоит: по древней истории – Перикл и украшения Афин; по русской – Иоанн III, его княжение. Про Перикла Надя помнит кое-что, совсем смутно, и вот это-то обстоятельство бесспорно погубит дело. Может быть, кое-как еще выручит Иоанн? Она недавно читала про него в каком-то историческом романе. Правда, там больше описывались похождения какой-то цыганки-колдуньи, но было кое-что и про царя. Она, Надя, запомнила это «кое-что» и, может быть, сумеет рассказать экзаменаторам. Может быть, дело еще не так плохо обстоит; в сущности, и один из Иоаннов, которых так боялась Надя, выручит Перикла на этот раз.

– Помяни, Господи, царя Давида... – одними губами, побелевшими от волнения, лепечет Надя.

– Ну-с, госпожа Таирова, извольте начинать, – и глаза «Мишеньки» устремляются в лицо девочки пытливым вопрошающим взглядом. Он точно насквозь видит мысли своей ученицы и, вероятно, уже заранее уверен в неудовлетворительном ответе девочки.

Так не даст же она, Надя, ему торжествовать! Ни ему, Мишеньке, никому! Надо только быть храброй и смелой, как

герцогиня Аделаида, как принцесса Изольда, как все те девушки, которых она так много знает и которым поклоняется в глубине души.

– Мы ждем. Итак, что вы можете сказать про Перикла? – спрашивает чужой преподаватель-ассистент, поднимая глаза на воспитанницу.

Надя густо краснеет, потом бледнеет сразу. Что-то словно ударяет ей в голову... Сердце стучит... руки стискиваются конвульсивно, зажав в пальцах смятую бумажку с номером билета.

– Перикл... Перикл... Он был... он был очень смелый... он был очень храбрый... и украшал Спарту... Нет, не Спарту, а Афины и носил на плечах хорошо задрапированный плащ... И греки ему за это поставили статую... лепетала Надя, краснея снова до ушей, до корней волос и до тонкой детской шеи.

– Хорошо-с, все это так, но слишком уж сжато. Необходимо указать пространнее заслуги Перикла перед Грецией, – звучит убийственно спокойно и совсем уже не в интересах Нади вопрос Звонковского, в то время как тонкая, все понимающая улыбка играет на его губах.

Надя молчит. На что она может указать? На какие заслуги Перикла? Ничего она не может указать, решительно ничего. Что она афинянка, что ли, что должна восторгаться заслугами перед родиной какого-то противного грека?

И Надя готова расплакаться от горя и острой ненависти не

то к Периклу, не то к «Мишеньке», заставляющему ее так подробно заниматься делами Перикла. Она молчит, по-прежнему до боли, до судорог в пальцах, сжимая руки.

– Ну, в древней истории вы недостаточно, как видно, компетентны, госпожа Таирова. Перейдем к русской, – говорит снова чужой преподаватель-ассистент.

Словно гора падает с плеч Нади. Слава Богу, ей дают возможность поправиться по русской, если по древней провал, а она и не надеялась на такого рода снисхождение. Ну, роман про колдунью-цыганку, вывози! проносится в ее голове, как птица, встрепенувшаяся мысль.

Девочка откашливается, поднимает глаза на экзаменуемого и приступает к ответу. Теперь она говорит быстро-быстро, так и сыплет словами, извергая целый букет, целый фейерверк самых разнообразных событий из уст.

– Иоанн III был еще маленький, когда его мучили бояре. Потом он бросал кошек из окна... Потом людей давил на улице и при нем был пожар в Москве, и пришел Сильвестр и еще Адашев. А потом он созвал опричников, которые с песьими головами и метлами на седлах губили хороших людей из бояр и слушались одного Малюту Скуратова...

Речь Нади, вначале сбивчивая и отрывистая, делается все плавнее и последовательнее с каждой минутой. Упомянута Софья Палеолог и взятие Сибири. Кажется, все хорошо, по-видимому, идет. Так почему же с таким сожалением смотрит на нее начальница и с такой насмешкой «свой» преподава-

тель?

Смущенная на мгновение, она подбодряется, однако очень скоро и с новым жаром делает вслух открытие, что Иоанн III убил собственного сына в запальчивости и умер в муках раскаяния, видя призраки погубленных им людей.

Две молоденькие ассистентки-учительницы младших классов, не выдержав, фыркают в платки. Фыркает кто-то и из подруг там за спиною Нади, на партах. А у начальницы лицо делается таким страдающим и утомленным.

– Довольно, да довольно же, госпожа Таирова... – морщась, как от физической боли, говорит «Мишенька», повышая голос, – вы все перепутали... Мельком упоминаете про Иоанна III, а подробно рассказываете про Иоанна IV Грозного, про которого у вас в билете нет и помина. Простите, но вы совершенно не ознакомлены с предметом. Такими знаниями я удовлетвориться не могу. – И, говоря это, Звонковский отыскивает в классном списке фамилий Надино имя и ставит против него в клеточке жирную двойку.

Пошатываясь, с подгибающимися коленями, Надя возвращается на свое место. В сознании мелькает одна только мысль:

«Все кончено... Она провалилась и будет исключена».

Глава III

Исключена

С опухшими от слез веками и красными заплаканными глазами тетя Таша помогает Наде одеваться в институтской бельевой.

Знакомые светлые комнаты, сплошь установленные шкафами с казенным бельем воспитанниц, так много говорят воспоминаниям тети Таши. Здесь она проработала более двадцати лет, надеясь прослужить кастеляншею в Н-ском институте до могилы, но неожиданная смерть старшей сестры перевернула весь строй жизни Татьяны Петровны. Она бросила службу, перешла в дом брата воспитывать и нянчить его малышкой, оставшихся сиротами после кончины матери. И свою крошечную пенсию тетя Таша всю целиком отдавала на детей. Деньги, хотя и маленькие, удобства, хотя и относительные, и служба, кормившая ее и дававшая ей даже некоторый комфорт, – все было принесено в жертву семье покойной сестры. А между тем самый горячо любимый тетей Ташей член этой семьи, ее любимица Надя, чем она отплатила за все заботы о ней? Девочку исключают за лень, за нерадение. Ее приходится брать домой, помещать в мастерство к портнихе или белошвейке. Ее Надю, милую, нежную, прелестную!

Слезы снова наполняют большие кроткие глаза тети Та-

ши. Руки ее заметно дрожат, пока она застегивает крючки на «собственном» скромном коричневом платье Нади.

А вокруг них толпятся девушки-прислуги. Многих из них знает тетя Таша, только восемь лет оставившая службу кастилянши в бельевой. Здесь ее любили и уважали за чрезвычайную деликатность, человеческое обращение с низшими служащими, за ангельскую доброту и теперь сочувствуют несказанно ее горю.

– Что же вы теперь, Татьяна Петровна, делать будете с барышней вашей, куда их определять станете? – осведомляется краснощекая пожилая Маша, особенно привязанная к своей бывшей ближайшей начальнице.

Тетя Таша вздыхает тяжелым вздохом, в то время как Надя быстро поворачивается в сторону служанки и отрывисто отвечает за тетку:

– Мне кажется, это вас не касается, куда я поступлю, – и глаза девочки с явной недоброжелательностью вызывающе смотрят в лицо служанки.

Маша явно конфузится. Тетя Таша не менее ее.

А Надя, прикалывая шляпу, говорит через плечо тетке, как ни в чем не бывало:

– Ну, тетя Таша, я готова. Едем.

– А прощаться? Разве ты не пойдешь прощаться к баронессе, к Варваре Павловне Студенцовой и к твоим подругам? Ведь, как-никак, начальница и классная наставница заботились о тебе, оказывали всяческие снисхождения, а по-

други... – начала было Татьяна Петровна.

– Снисхождение... Ха, ха, ха! Ну и скажете же вы, тетя Таша... Тоже снисхождение!.. То-то и выключили меня из-за чересчур большого ко мне снисхождения. Нет, избавьте уж от трогательных прощаний. Раз исключили, так, значит, не нуждаются во мне. А раз не нуждаются...

– Наденька, а подружки как же? – удивляется тетя Таша.

– Ах, все они эгоистки и насмешницы, и никакого желания я не имею разыгрывать с ними трогательную сцену прощания. Пожалуйста, едем поскорее, тетя Таша! – уже раздражительным тоном, нетерпеливо заключает девочка.

– Как хочешь, как хочешь, твое дело, не могу неволить тебя... засуетилась Татьяна Петровна и, кивая направо и налево своим бывшим сослуживцам, поспешила из бельевой.

– Надя! Надин! Прощай!

В полутемном коридоре трудно различить лицо выскокившей откуда-то из-за двери девочки, но Надя узнала сразу Нюту Беляеву, ее постоянную и неутомимую поставщицу книг, едва ли не такую мечтательницу, как сама Надя, единственного человека, которого Надя любит в этих стенах. Еще секунда, и девочки замирают в объятиях друг друга.

– Надин, милая Надин, как мне грустно расстаться с тобой... – с некоторым пафосом говорит Нюта. – Мне так тебя жаль! Но ты не огорчайся, милая Надин, вспомни только: ведь и принцессе Изольде, и герцогине Аде, и виконтессе Лили – всем приходилось переживать превратности,

и они только закаляли ими свои души. А у тебя их натура, Надин, ты такая же героиня, как и они. И, вот увидишь, тебя ждет еще много неожиданного и интересного в жизни. Вспомнишь меня всякий раз, что слова мои будут сбываться... Это ничего, что тебя берут отсюда, ты устроишься еще лучше, еще поэтичнее где-нибудь в маленьком домике на окраине города... Там будет, верно, садик, деревья... А я буду писать тебе, буду присылать книги, приезжать иногда в гости во время каникул. Хорошо? Ты увидишь, как все это будет прекрасно.

Голос Нюты звучат так убежденно, что Надя не может не поверить ей. Нюта на целый год старше ее и кажется опытнее и «начитаннее». Надя доверяет ее советам и считается с ними. Заглушая голос до шепота, чтобы не быть услышанной тетей Ташей, Нюта продолжает говорить:

– А в класс я тебе не советую идти. К чему? Шталь, Боярцева, Голубева – все они всегда завидовали твоей красоте, изяществу и теперь, конечно, торжествуют. Лиля Боярцева несколько раз говорила мне: «Эта Таирова, Бог знает что о себе воображает...» И бранила тебя. А впрочем, иди прощаться, если хочешь.

– Нет, нет! – поспешила отклонить предложение подружки Надя. – Нет, не пойду. Еще высмеют меня, пожалуй. Такие насмешницы. Тетя Таша торопилась за мной приехать и захватила самое затрапезное платье... – солгала она, чтобы оправдать свой скромный костюм.

– Ах, душка, ты забыла, как мила была Золушка и тогда, когда еще не сделалась принцессой, – польстила Нюта подруге и, так как девочки дошли уже до дверей швейцарской, крепко обняла и поцеловала Надю.

– Смотри же пиши, не забывай!

– Конечно, тебя-то уж не забуду, может быть, единственную... произнесла растроганная Надя, и они расстались.

– Поздравляю с блестящим окончанием курса, сударыня! Нечего сказать, отличилась! Осрамила тетку и отца. Выключили! Как последнюю лентяйку прогнали... Ну; чего молчишь? Оправдывайся! Что стоишь истуканом да глаза в землю уставила? Стыдно, небось? Совесть зазрела. Поздно стыдиться-то... У-у, бесстыдница! Глаза бы на тебя не смотрели. В судомойки отдам...

Все это одним залпом вырвалось из уст пожилого седенького человека с клинообразной бородкой на желтом болезненном лице. Такими словами Иван Яковлевич Таиров, только что вернувшийся со службы, встретил дочь, Надя подошла было поцеловать руку отца, но тот резко отдернул ее и поцелуй пришелся в воздух. Девочка совсем растерялась от такого приема и стояла с поникшей головой посреди комнаты.

Три часа тому назад Надя в сопровождении тети Таши поднялась сюда по грязной черной лестнице, хронически запечатлевшей на себе запах горелого масла, кошек и керосина, и вошла в эти более чем скромные две комнатки. Сердце

девочки сжалось в комочек при виде нищенской обстановки отцовской квартиры. После огромных, полных света зал и классов института эта бедная квартирка показалась особенно убогой и жалкой Наде. В первой комнате, столовой, на диване на ночь устраивалась Клавдия, шестнадцатилетняя горбатенькая девушка, окончившая только этой весной курс в профессиональной школе по классу метельщиц. Теперь Клавдия работает с утра до вечера, помогая своим начинающимся заработком семье. Тут же у окна стояли ее пяльцы и швейная машинка для подрубки белья, которое она метит по заказу. Низенького роста, с огромным горбом за плечами, с нервным некрасивым лицом и большими умными черными глазами Клавдия кажется много старше своих лет. В детстве она упала из окна второго этажа по недосмотру няньки и с тех пор стала калекою.

В задней, темной комнате ютится сам отец семейства с Сережей, семнадцатилетним гимназистом, дельным, энергичным и серьезным юношей, вносившим тоже посильную лепту на нужды семьи. Уже с четырнадцати лет Сережа Таиров дает уроки более слабым ученикам своей и чужих гимназий. Эти уроки дают гроши, но и такие грехи очень пригодны в их скромном хозяйстве. Сам Сережа учится превосходно и идет все время в гимназии первым учеником. За прилежание его давно освободили от взносов за учение. Отец не нахвалится на сына, хотя еще большую симпатию, а главным образом его сочувствие и болезненно-острую жалость к себе

возбуждает горбатенькая Клавдия.

Наконец, в небольшой светлой кухне спит тетя Таша с Шуркой. Шурка, последний экземпляр семьи Таировых, востроносенькая, быстроглазая юркая девчурка десяти лет, очень способная, очень ловкая в работе, отличающаяся несколько чрезмерной живостью, любопытством и умением сунуть всюду и везде свой маленький носишко. Шурке часто попадает за это от отца, старших брата и сестры, но она неисправима. Когда Надя переступила сегодня порог отцовской квартирки, Шурка точно из-под земли выросла перед нею.

– Совсем приехала? Теперь дома будешь жить? В институт не возьмут обратно? А если попросить хорошенько, все же не возьмут? А папаша еще тебя не видел? А ты рада, что на кухне с нами будешь спать? А, может быть, захочешь в столовой с Клавденькой? А? – засыпала она ее вопросами.

– Да брысь ты, егоза! Чего к сестре пристала! Есть тебе дело до того, где она будет спать? – строго прикрикнула на младшую сестру старшая.

Сама же Клавдия не то с участием, не то с жалостью смотрела на Надю своими умными пронизательными глазами, когда говорила ей:

– Не горюй! Как-нибудь пристроишься. Хорошо бы тебе в нашу профессиональную поступить. Там и права по окончании и диплом получишь, советовала она сестре, не подозревая того чувства негодования, которое захватило от этих слов Надю.

Как! Она, Надя Таирова, должна будет заниматься уроками кройки и шитья или метить белье, как Клавдия? Слуга покорный. Она не создана для такого жалкого прозябания!

Сердечнее всех отнесся к сестре прибежавший со связкою книг после уроков из гимназии Сережа. Он ничего не сказал и только молча крепко пожал руку сестре.

Что-то теплой волной захлестнуло на мгновение Надину душу при этой встрече. Ей захотелось броситься на шею брата и сказать ему, как она несчастна теперь, как противна ей вся эта убогая обстановка, как тяжела такая нищенская жизнь ей, грезящей об иной жизни, о которой она знает только из романов. Но, к счастью, Надя удержалась от своих жалоб, которые, разумеется, возмутили бы серьезного, глубокого по натуре Сережу. Потом пришел отец, негодующий, возмущенный, гневный. Он говорил такие суровые слова, от которых Надя то бледнела, то краснела поочередно, а на добрых испуганных глазах тети Таши выступили слезы.

И долго еще звучал в маленькой квартирке сердитый голос Таирова и ни жива, ни мертва слушала отца Надя.

– Решено! С осени в портнихи отдам! Нечего дома баклуши бить. Не маленькая, кажется, пора о своем собственном заработке подумать. Шутка ли сказать: пятнадцатый пошел. Небось Клавдия чем тебя хуже, а как работает, какая помощница семье и год только разница между вами! Эх, Надежда, не взыщи, а дурь твою я из головы повыколочу! Шелковая будешь, дай срок!

И, оставив растерянную девочку в совершенном смятении, Иван Яковлевич прошел к себе в «темную», сильно хлопнув дверью.

И мгновенно вслед за этим все стихло в крошечной квартирке Таировых. Даже Шурка прикусила язык и убралась на кухню за ширмы, чтобы не попадаться в дурную минуту на глаза отца. Клавдия, неслышно скользя по столовой, хлопотала с обедом. Тетя Таша, готовившая в кухне и слышавшая от слова до слова все сказанное деверем, бросилась утешать Надю.

– Надюша, родненькая, не тужи. Все перемелется – мука будет, – горячо обнимая свою любимицу, зашептала она. – Дай успокоиться отцу – все обойдется, милая. Может, с Сережей позаймешься за лето, в гимназию поступишь осенью. А, Наденька?

Но Надя молчала. С надутыми губами, с нахмуренными бровями, стояла она, глядя исподлобья на дверь, за которою скрылся отец. Вдруг ее губы начали конвульсивно подергиваться; большие глаза наполнились слезами.

– Что ж... – начала, всхлипывая Надя, – что ж, если я такая дурная... нехорошая, то... то выгоните меня из дома... Я слу-жить в при-слуги по-по-пойду... В судомойки, в кухарки, в горничные!..

– Надя! Что ты говоришь, побойся Бога! – И Татьяна Петровна страстно обняла худенькие плечи девочки, в то время как у нее самой слезы брызнули из глаз.

Но эти слезы, этот испуг тетки нимало не тронул Надю. Напротив, девочке точно доставляло огромное наслаждение растравлять сердце доброй женщины «жалкими» словами.

– Да, да, в горничные... в девчонки на посылки пойду... Черную работу исполнять буду... Полы мыть, окна... Да, да, пойду и буду! Буду! Буду! Все же лучше это, нежели упреки постоянные слышать. Не хочу! Не хочу! Не хочу! Завтра же спрошу у дворника, кому здесь нужна девочка для посы...

– Надя, не смей изводить тетку! Бога побойся! Сердца у тебя нет! – И Клавденька с загоревшимися глазами и сердитым лицом внезапно появилась перед Надей.

Ее тон сразу протрезвил расходившуюся девочку. Так сурово говорил с нею только отец и сейчас вот она, Клавдия. Кто дал ей право на это? Наде страшно хотелось «надерзить» как следует непрошеной заступнице, но, взглянув на приоткрывшуюся дверь темной, она не рискнула отвечать старшей сестре.

– Обедать! – лаконически бросил Иван Яковлевич, успешный уже сменить свой служебный выходной сюртук на домашний старенький пиджак, порыжевший от времени, и вся семья разместилась вокруг круглого стола, очень бедно, но чисто сервированного.

Шурка внесла дымящуюся миску с горячими щами и поставила ее на стол. Тетя Таша – сковородку с хорошо промасленной гречневой кашей. Надя, севшая между теткой и братом, не притронулась ни к тому, ни к другому, в то вре-

мя как все остальные члены семьи, кроме тети Таши разве, с аппетитом уничтожали обед.

– В чем дело? Почему ты не ешь? – утирая губы салфеткой, осведомился Иван Яковлевич у средней дочери, – и почему надута опять? А?

– Я никогда не ем щей и каши, – брезгливо глядя на поставленную ей теткой тарелку, произнесла Надя.

– Не ешь щей и каши? А что же ты изволишь кушать, позволь спросить? Рябчики и фазаны, пломбиры да кремы разные? А? – снова закипая гневом, хмурясь, спросил Иван Яковлевич.

Надя молчала.

– У нас в институте... – начала, было, уже робея, девочка.

– Э, матушка, о чем вспомнила! Теперь институтские замашки пора бросить и мысли о разных яствах тоже. А вот я слышал, ты сейчас сказала, что служить хочешь, так это дельно. Умные речи приятно и слушать. Конечно, в служанки я тебя не пущу, а если портнихе понадобится девочка для посылок и мелкой работы, тогда – другое дело. Отдам без всякого колебания.

Ах! Сердце Нади упало... Если бы она знала, что отец слышал ее запальчивую речь, разве бы она решилась сказать то, что сейчас говорила? Ведь она только хотела попугать тетку и Клавдию!.. А что вышло из этого, сохрани Бог! Впервые за всю свою еще коротенькую жизнь Надя была искренно испугана. Она поняла, что грезам и розовым мечтам ее

настал конец, и жизнь стучалась к ней в дверь со всею ее беспощадною правдой.

Как на горячих угольях просидела девочка конец обеда. После разварного супового мяса с картофелем пили чай с сахаром вприкуску. Потом встали из-за стола, и началась уборка. За неимением прислуги, ее производили сами: тетя Таша, Клавдия и Шурка с подвязанными пестрыми передниками убрали со стола и вымыли посуду. Затем Шурке, как самой младшей из семьи, пришлось вымыть кухонный пол. К шести часам все было кончено. Отец семейства ушел из дому на вечерние занятия, которые имел по временам в банке. Сережа побежал давать урок какому-то засидевшемуся второгоднику-гимназисту. Пользуясь светлым летним вечером, Клавденька устроилась за свои пяльцы. Тетя Таша, ежедневно занимавшаяся с Шуркой, раскрыла учебник и начала диктовку на правила. В квартире постепенно наступала полная тишина, прерываемая лишь негромким голосом тети Таши, отдельно и четко нанизывающей фразу за фразой, да редкие вздохи Клавденьки, пригнувшейся над работой.

Предоставленная самой себе, Надя прошла в кухню за ширму и села здесь у окна. Из их третьего этажа ей был отлично виден узенький двор с неизбежными дровяными сараями. Какие-то дурно одетые люди сновали по двору... Голодные кошки пробирались к лестнице... Эта печальная серенькая картина обстановки уголка беднейшего петроградского квартала заставила болезненно поморщиться Надю. Вот где

придется ей провести всю жизнь, может быть, начиная с этого дня! Среди этих серых будней, этой прозы, мелких интересов, ничтожных требований от жизни. Какая мука! Какая тоска!

Почти с ужасом девочка отвернулась от окна и, бросившись ничком в постель, зарылась головой в подушки. Так пролежала она весь вечер, ссылаясь на головную боль. К ней заходила тетя Таша, прибежала Шурка, заглянул к ней в уголок и вернувшийся с урока Сережа. Но на все вопросы их Надя отвечала отрывисто, недоброжелательно и враждебно одно и то же: у нее болит голова, она устала и просит оставить ее в покое.

В эту ночь девочка уснула поздно. Уже солнце заглянуло в окно кухоньки, а Надя все еще не спала. С той минуты, как уснули ее домашние и полное спокойствие воцарилось в квартирке, Надя снова погрузилась в обычный мир своих грез, которым жила исключительно все последнее время.

Глава IV

Дома

Жизнь в семье Таировых начинается рано. Прежде всех поднимается с постели тетя Таша. Еще нет и семи часов, а ее миниатюрная, худенькая фигура в ситцевом полинявшем капоте уже маячит на кухне. К восьми она возвращается с рынка и будит детей. Сергей, напившись чая, отправляется в гимназию. Клавдия, если не идет к заказчикам, то, убрав комнату, сразу садится за пяльцы у окна. В девять встает глава семейства, которому надо поспеть на службу к десяти. Лишь только Иван Яковлевич уходит из дому, женский персонал приступает к готовке несложного обеда, мелкой стирке тут же на кухне, починке носильного белья и платья. Словом, жизнь маленького семейства кипит, как в котле. Тетя Таша, Клавденька и Шурка дружно делят между собою труд и заботы по дому.

Но все эти хлопоты не касаются Нади. Она или спит до двенадцати, или валяется в постели до позднего часа с книжкой в руках. Тетя Таша сумела убедить своих, что Надя слаба здоровьем, малокровна и ввиду этого девочке необходимо хорошенько отдохнуть, а главное, хорошенько отоспаться.

– Пусть окрепнет первое время дома, потом придется и ей вставать с петухами, суетиться и хлопотать.

Впрочем, от главы семейства тщательно скрывают несвое-

временное вставанье Нади с постели. Иван Яковлевич органически не переносит такого лентяйничанья и сибаритства.

Целыми часами Надя просиживает у себя за ширмами, жадно проглатывая страницу за страницей. Как досадно девочке, что нет новых книжек под рукою! Еще спасибо Нюте Беляевой, что она не взяла обратно тех, что давала читать в институте. Надя тщательно прячет их от отца в изголовьях кровати под жиденьким матрасом. Сохрани Бог, увидит, найдет их папаша! Теперь, прожив уже неделю дома, девочка меньше грезит о похождениях принцев, принцесс, герцогинь и герцогов, об их жизни с волшебными случайностями. Постоянная «проза», как называет Надя борьбу за существование, недостатки и лишения, которые видит вокруг себя, дают совсем новое направление ее мыслям. Теперь Надя грезит больше, чем когда-либо, богатством, роскошью и житейским комфортом. Она жадно и сотни раз перечитывает те страницы, где описывают богатые наряды, роскошные обеды и пышно обставленные празднества. Как далеки они все от действительной жизни, как ужасно далеки!

С возвращением домой Нади в семье Таировых, как на горе, жизнь еще больше осложнилась. Иван Яковлевич, простудившийся еще зимой, теперь чувствует постоянное недомогание и с трудом ходит на службу. Его сухой кашель терзает уши, а постоянная раздражительность угнетает всех. Вечерние занятия пришлось бросить из боязни окончательно-

го переутомления. Таким образом, бюджет семьи сократился на несколько рублей, пришлось урезать себя во всем. Стали пить чай с ситным хлебом вместо булок, совершенно исключили мясное блюдо из обеденного стола. К довершению всего и Сережа потерял уроки, так как его ученики разъехались на летнее время из столицы. Крошечная пенсия тети Таши и еще более мизерный заработок Клавдии шли теперь жалким добавлением к жалованью отца, из которого, за обязательным вычетом на службе, Иван Яковлевич получал весьма немного. Приходилось сокращаться поелику возможно и все это не могло не отразиться на душевном равновесии членов семьи. Заботы угнетали. Вопросы самых насущных требований заслоняли собою весь остальной мир.

– Ты еще спишь? Господи, она еще спит! А у нас новость, да еще какая. Что дашь, если скажу? – и остренькая лисья мордочка Шурки просунулась между ребром ширмы и стеною в уголок Нади.

Шурка ошиблась, Надя не спит. Она лежит, разметавшись на своей убогой постели. Глаза ее прижмурены, рот улыбается. Ах, какой сон она видела сейчас! Волшебно-прекрасный сон! Суждено ли ему когда-нибудь сбыться? Она шла по какой-то длинной-предлинной и узкой улице и вдруг видит – посреди тротуара лежит кошелек. Она наклонилась, подняла его, раскрыла... Боже, сколько денег! Бумажки цветные, радужные, пестрые так и замелькали перед нею. Она тотчас же взяла извозчика, поехала в магазин, накупила себе наря-

дов, платьев, золотых украшений, надела их на себя и стала перед зеркалом. Бархат, шелк, золото! Как все это идет к ее тонкому личику, к ее белокурым волосам!

И вдруг эта Шурка со своим неизбежным: «Ты еще спишь, Надя?» Ах, как все они надоели здесь ей. Наде! О!

– Ну вот ты, слава Богу, не спишь! – присаживаясь на кончик кровати, затрещала Шурка. – А у нас, повторяю, новость: вчера вечером папаша от доктора как вернулся – ты уже спала, а я все решительно, все слышала, как он тете Таше и Сергею говорил: – Доктор, говорит, нашел какое-то серьезное осложнение в легком, говорит, в Петрограде вредно с такою болезнью лето проводить, необходимо в деревню, понимаешь? Хоть до осени прожить на свежем воздухе, попить молока где-нибудь среди коров, коз, баранов. Папаша согласен. Не столько, говорит, за себя хлопочу, сколько за Клавденьку. Ей свежий воздух и деревня нужнее, чем мне. С утра до ночи трудится, позеленела даже, одни кости торчат. И вот решили – ехать тете Таше с Сережей искать дачу, где-нибудь неподалеку от Петрограда, чтобы папаше, когда кончится отпуск, можно было бы на службу ездить оттуда каждый день. Ты рада, Надя? А? Ведь на дачу поедем, на дачу! А?

И Шурка впиалась разгоревшимися глазенками в лицо сестры.

Презрительная улыбка скривила хорошенький ротик Нади.

– В деревню. Ха! Воображаю эту прелестную дачу в деревне, – протянула она презрительно.

– Вот глупая-то! Не все ли равно где, лишь бы – на даче, лишь бы около было поле, лес, река, – мечтательно произнесла Шурка, не выезжавшая еще ни разу из Петрограда, из этих закоптелых стен.

– Не знаю, может быть, кого-нибудь и удовлетворит эта идиллия среди коров и навоза, а мне совсем не улыбается провести лето где-то в глуши, все так же пренебрежительно тянет Надя и с убийственным хладнокровием смотрит Шурке в глаза.

Шурка разочарована. Шурка огорчена, огорчена самым искренним образом в своих лучших чувствах. Ей, собственно говоря, жаль Надю, хотя Надя «барышня» и «белоручка», каковых не выносит Шурка. А все-таки жаль смотреть на всегда печальное лицо Нади, на ее грустные глаза. Вот и хотела порадовать сестренку доброю вестью, и оказалась ни к чему она Наде, эта добрая весть, Шурке искренно сейчас досадно на Надю. Какая она... Сердца в ней нет... Эгоистка. Хотя бы папашу пожалела, папаше нужен воздух деревенский, а она...

Темные глазенки Шурки мгновенно загораются гневом. Какое негодующее личико у нее сейчас! Но Надя точно и не замечает вовсе этой возмущенной рожицы и говорит мечтательно:

– А какой я сон видела сейчас! Нашла тысячу рублей и

купила на них бархатное платье, и шляпу со страусовым пером, и бриллиантовую брошь.

Гнев Шурки мгновенно разрастается до геркулесовских столпов при этом сообщении. Как смеет она видеть такие сны, эта лежебока Надя! Дух злейшего протеста обуревают сейчас Шуркину душу.

– Не надо было бархатное покупать, лучше шелковое, теперь все шелковые костюмы носят, а ты и не знала! Ах ты, модница! – язвит Шурка сестру.

Надя вспыхивает в свою очередь, как порох.

– Отлично знала, а только не хотела! – резко отвечает она.

– А не знала! А не знала! – дрожит Шурка. – И страусовых перьев никто не носит теперь, а ты страусовые перья придумала, ха, ха, ха!

Теперь уже наступает Надина очередь закипеть гневом.

– Пошла с моей постели! Не смеешь дерзить старшей сестре! – сдвигая брови, бросает она Шурке, сталкивая ее с кровати.

– А я не уйду... Я не уйду... – подзадоривает Шурка. – Смех-то какой, Господи! Бархатное платье, страусовые перья! Да на тебя все собаки залают, когда ты по ул...

Но Шурке не приходится докончить начатой фразы. Надя соскакивает одним прыжком с постели, хватая за плечи сестру и выталкивает ее за дверь.

– Вот тебе, дрянная девчонка! Вот!

– Больно! – взвизгивает не своим голосом Шурка. – Ты

оцарапала меня! Тетя Таша, она оцарапала меня! – вопит за дверью разобиженная Шурка.

Но тети Таши нет дома, вместо нее Клавдия спешит на помощь к младшей сестре. Шурка – Клавденькина любимица. Когда умерла мать, Клавдии было всего шесть лет от роду. Шурке же только год, и старшая сестренка трогательно возилась и нянчилась с младшей. Горбатая девочка горячо полюбила младшую сестричку. С годами это чувство приняло оттенок какой-то трогательной, чуть ли не материнской нежности, и малейшая невзгода, переживаемая Шуркой, тяжелым гнетом ложилась на душу калеки. И сейчас, услыша краешком уха, что ее любимицу обижают, Клавдия бросила работу и поспешила ей на помощь.

– Надя, как тебе не стыдно дразнить сестру! – говорит с укором Клавдия, появляясь в уголке за ширмой, и замирает на мгновенье от неожиданности. – Боже мой! Ты еще валяешься в постели, Надя! Ведь душно же здесь, дымно, и как тебе самой не противна такая жизнь. А если отец узнает, когда ты встаешь: ведь он рассердится не приведи Бог! И за что ты обидела Шурку? Что она сделала тебе? Какое зло? – допытывается у сестры Клавдия.

Но Надя молчит. Ей действительно стыдно – часы на кухне показывают два. Скоро вернется тетя Таша, Сережа, а к пяти – отец. Надо вставать. Она и правда запоздала несколько сегодня. И, не отвечая ни слова старшей сестре, Надя лениво начинает натягивать чулки на свои маленькие ноги.

Тетя Таша с Сережей объездили все окрестности Петрограда, прежде чем нашли подходящее помещение на лето. Их труды не пропали даром. Дачка, если только можно назвать дачкой крошечный домик на краю деревни, расположенной в трех верстах от Петрограда, оказалась вполне подходящей по цене и по удобству для скромной семьи Таировых. Две крошечные, светлые комнатки выходят окнами в поле. За полем, перерезанным прудом, темнеет лес. В пруду водятся караси и небольшие окуньки к полному счастью Ивана Яковлевича и Сережи, ярых рыболовов. Около домика разбит небольшой палисадник со скамейкой под двумя плакучими березами. На дворе, в сарае, живут хозяйская корова и коза. Других дачников в деревне не имеется. С небольшого холмика за палисадником можно видеть крыши дворцов и купола Ново-Петергофских церквей. От деревни к вокзалу ведет длинная, змеящаяся желтой лентой между засеянными полями, дорога.

– Хорошо! Как здесь хорошо! – поминутно восклицают тетя Таша, Клавденька и Шурка, вдыхая в себя всю грудью живительный деревенский воздух.

– И заметьте, какая счастливица эта Надя! Первый год, что вернулась в дом, и уже попала на дачу. – присовокупляет кто-то.

Надя презрительно оттопыривает губку.

«Дача! Они воображают, что это дача, бедные люди! Этот деревенский хлевушник, этот дворик с запахом навоза, эта жалкая природа – это дача! Ха-ха!»

Но она предпочитает не разубеждать своих. У девочки духа не хватает омрачить их светлое настроение. Все кажутся такими довольными, счастливыми с тех пор, как поселились здесь. Даже на желтом исхудавшем лице отца появилось некоторое подобие улыбки. И серьезный, всегда сосредоточенный Сережа весь прояснился как-то с той минуты, как надел коломьянковую блузу и босой, без фуражки, удит с утра до ночи рыбу на плоту. Надя с первого же дня своего пребывания на даче взяла за правило тотчас же после обеда отправляться с книгою за три версты отсюда в Новый Петергоф. Она нашла чудесное местечко, роскошный уголок близко от входа в дворцовый парк, откуда убегают вдаль такие тенистые, такие прямые аллеи, где сверкает на солнце алмазными брызгами величавый Сампсон. Из этого уголка, со скамьи, под тенью приютившейся раскидистой березы, Наде видна верхушка гигантского фонтана с обступившими его другими фонтанами поменьше, виден кусок дворца и дальше очаровательная ротонда Монплезира. Если она поворачивает голову в другую сторону, то видит широкую аллею с самыми богатыми и нарядными дачами Петергофа. Одна из них особенно привлекает внимание девочки. Она кажется необитаемой. По крайней мере ни в саду, ни на балконе

дачи Надя еще не видела никого. Это красивый белый, точно мраморный, дом с колоннами и затеями. Тенистые деревья не скрывают его. Напротив, широкая площадка перед дачею вся забросана цветочными клумбами самых причудливых форм. Гигантские шаги, качели, лаун-теннис – все находится здесь к услугам невидимых обитателей, гриб-беседка приютилась между куртинами с благоухающими цветами. Посреди одной из них бьет небольшой фонтан. Мраморные статуи мелькают здесь так же, как и в большом парке, эффектно выделяясь своей белизною на фоне зелени. В такой даче, как по крайней мере кажется Наде, не могут жить простые, обыкновенные люди, здесь место избранным. По этим дорожкам, усыпанным гравием, могут ступать только изысканные ножки принцесс или рыцарские сапоги с серебряными шпорами. Около этого фонтана, среди роз и левкоев, могут только мечтать такие избранницы судьбы, как герцогиня Ада или графиня Лиля.

Эта белая дача дает исключительное настроение девочке, и фантазия Нади работает с удвоенной силой, сплетая все новые и новые узоры, один другого богаче, один другого удивительнее. Когда солнце пропадает в серых волнах залива, окрасив воду, как кровью, пурпуром своих заходящих лучей, Надя с сожалением отрывается от своего наблюдения и идет домой, опоздав по обыкновению к ужину.

Отец встречает ее выговором, недовольный продолжительной прогулкой дочери.

– Останешься без ужина, если опоздаешь еще мне в другой раз, – говорит он сурово. – И чего, спрашивается, за десять верст заходишь? Мало тебе леса и поля здешних для прогулок? – допытывается он на ответ Нади, что она была у дворцового парка.

Зато тетя Таша довольна. Никогда еще не ела с таким аппетитом Надя, как теперь, и притом без капризов и гримас все, что ни подается к столу: и печеный картофель, и подогретую на сковороде кашу, и макароны. И спит Надя крепче после таких прогулок. А сон и аппетит лучше всего подкрепят девочку.

И она всячески старается оправдать Надю перед отцом и оставить право удлиненных прогулок за своей любимицей.

Иван Яковлевич только рукою машет на все доводы свояченицы. В сущности, не все ли равно, где бездельничать этой белоручке? Дома ли, в лесу ли или в Новом Петергофе? До осени он решил оставить ее в покое, а осенью, пускай не прогневается Надя, заберет он ее в руки, в ежовые рукавицы. Довольно бить баклуши, пора и честь знать. Сам Иван Яковлевич чувствует себя много бодрее здесь на даче, и кашель как будто меньше, и боль в груди исчезла почти совсем, и немудрено: это рай, а не дача, мертвого воскресит к жизни. И Клавденька окрепнет здесь и расцветет. И Сергей отдохнет от своих уроков. А о Шурке и говорить нечего: за несколько дней своего пребывания на даче она загорела, как цыганенок, так что и узнать ее вовсе нельзя.

И отец семьи доволен, почти счастлив, счастлив впервые за всю свою жизнь, полную труда и лишений, и готов, пожалуй, благословлять судьбу за посланную ему болезнь, благодаря которой все члены его семьи могут хоть немножко подкрепиться на свежем воздухе и отдохнуть за лето вдали от душных, петроградских стен.

Глава V

Неприятность. Вполне неожиданная новость

Июнь... Жаркий горючий полдень... Голубое, застывшее в своем знойном покое небо. Опаленная им, затихшая природа. Одурающе благоухают цветы. Молчат петергофские фонтаны; днем они закрыты, вечером их звонкий и задумчивый ропот оживит сонный парк.

Сейчас же все тихо здесь, в этом парке, от полдневного зноя, навевающего сон. Разноцветные бабочки проносятся в воздухе, лениво шевеля крыльями. Пролетит с легким щебетаньем маленькая пичужка, и опять все безмолвно и спокойно станет кругом. В этот знойный час нет гуляющих в длинных аллеях. Вымершим волшебным царством кажется Наде этот чудесный парк.

Она сидит на обычном своем месте неподалеку от входа. Длинная аллея ведет отсюда ко дворцу и фонтанам. А налево – дачи и та белая, так сильно занявшая воображение девочки, совсем неподалеку. Впрочем, сегодня Надя забыла и про парк, и про дачу, и про свои обычные грезы. Даже любимая книга небрежно отброшена в сторону и не привлекает нынче внимания девочки. Ах, сколько неприятного и неожиданно случилось у нее сегодня утром! До сих пор мутный оса-

док остался от всего пережитого в Надиной душе, и сердце больно сжимается при одном воспоминании обо всем происшедшем. Она опять, по обыкновению, проспала сегодня. Проснулась от какого-то толчка: это Шурка будила ее, изо всех сил тряся за плечи.

– Вставай, вставай... – шептала взволнованным голосом девочка, папаша тебя зовет... Страх, сердится... Пришло письмо какое-то на твое имя. Как прочел, так ногами и затопал и затопал. «Не потерплю, – говорит, – не позволю глупой девчонке голову вертеть. Позвать мне, – говорит, – сейчас Надежду! Чтобы сейчас шла, сию минуту!» Вставай, Надя, духом вставай. Не было бы хуже! Поспеш!

И Шурка, охваченная жалостью и сочувствием к сестре, забыв недавнюю свою ссору с нею и свои постоянные пикировки с Надей, стала спешно помогать одеваться сестре. Через несколько минут кое-как умытая и причесанная Надя с замирающим сердцем появилась перед отцом.

– Что угодно, папаша? – робко прозвучал ее вздрагивающий от волнения голос.

Иван Яковлевич Таиров в старом халате, желтый от бессонницы и мучившей его снова этой ночью лихорадки, строго взглянул на дочь.

– Это что такое? – спросил он, пронизывая лицо Нади напряженным внимательным взглядом. В руке он держал какой-то конвертик небольшого формата нежно-розового цвета.

– Что?.. я не понимаю вас, папаша... – окончательно оробев, прошептала Надя, расширившимися зрачками глядя на конверт.

– Ага, не понимаешь! А вот прочти, авось тогда и поймешь, – произнес все так же строго отец.

Трепещущей рукой Надя взяла конвертик. От него нестерпимо пахло какими-то сильными, одуряющими духами. Знакомый мелкий бисерный почерк прежде всего бросился в глаза Нади. Так и есть. Письмо от Нюты Беляевой. Господи, неужели она пишет там что-нибудь «такое» про любимых героев и героинь? Но ведь Надя ее просила адресовать письма на петергофское почтовое отделение, так как же случилось то, что это злополучное письмо попало в руки отца? Но думать и делать на этот счет предположения было теперь уже поздно. Надя отлично поняла это в первый же миг.

– Читай! – услышала она снова строгий отцовский окрик и дрожащими пальцами вынула из конверта надушенный листок.

Так и есть! Сумасшедшая Нюта, и не грех ей было так подвести ее Надю! «Золотая моя, душка моя Надин... – писала своим бисерным почерком Нюта, – еще нет и месяца, как мы расстались с тобою, а я уже пишу тебе. Чувствую, как необходима тебе сейчас моя поддержка в твоём разочаровании домашней жизнью. Чувствую, как ты страдаешь, моя милая, моя очаровательная Сандрильона. Хотя меня и нет около, но, во-первых, чутьем, а во-вторых, из твоего письма,

я вижу твоё терзание дома среди людей, которые никогда не поймут тебя и твоих интересов. Они, прости меня, дорогая Надин, слишком обыкновенны и прозаичны, чтобы оценить твою душу. Они не поймут того, что ты задыхаешься среди прозы жизни и мелких интересов её. Ты, Надин, с твоим умом, с твоею красотой должна была родиться в королевском дворце, иметь сотню слуг в своём распоряжении...»

О, это уже слишком! Бог знает, что пишет эта Нюта! Господи, да она совсем погубила её, Надю, этим письмом. И Надино лицо пылает, сделавшись кумачным от стыда и смущения. Взгляд, не видя, чувствует на себе тяжело устремленные глаза отца. Сердце замирает от страха, вот-вот сейчас грянет буря. О, она, Надя, в тысячу раз охотнее провалилась бы сейчас сквозь землю, нежели так мучиться и чувствовать себя такой маленькой и ничтожной в глазах отца!

Иван Яковлевич отлично понимает, что делается сейчас в душе дочери, но снисхождения Наде он не окажет ни за что: пусть не будет глупой в другой раз и сумеет выбирать себе подруг эта глупая девчонка.

– Дальше читай! – лаконически приказывает он тоном, не допускающим возражений.

Не чувствуя ног под собою, Надя продолжает чтение. «Ты помнишь наших друзей... – пишет дальше Нюта, – помнишь принцессу Изольду, герцогиню Аделаиду, графиню Лилу? А виконта Эдмонда, который один на один вышел на тигра в честь красавицы Амиты? Ты не забыла их, Надя? Ты с любо-

вью читаешь те книги, которые я тебе дала? Ты хорошо сделала, что спрячешь их под матрасом, там их никто не найдет. А часы за чтением унесут тебя далеко на крыльях фантазии и из скромной Золушки сделают принцессой...»

Розовый душистый листок на этих строках падает из рук Нади. Она бледнеет... О, зачем Нюта написала про книги! Боже, Боже, что будет теперь! Все последующее случилось так неожиданно быстро, что девочка теперь только, по прошествии нескольких часов, может прийти в себя.

Иван Яковлевич, бледный не менее дочери и не менее взволнованный, нежели она, тяжело поднялся со своего кресла и, придерживая рукою полу халата, приблизился к Наде. Его глаза все тем же суровым взглядом впились в глаза растерявшейся Нади.

– Ты сейчас же отдашь мне все твои дурацкие книги, весь этот мусор, которым набиваешь себе голову! Слышишь, сейчас же! – раздельно, отчеканивая каждое слово, произнес он. И так как Надя все еще не двигалась, сраженная неожиданным ударом, отец взял ее за руку и повел в крошечную клетушку, где она спала в летнее время. Поднять матрас на постели, загрести в одну общую кучу все эти лубочного издания книжонки с самыми пестрыми и неожиданно-глупыми обложками и подойти с ними к жарко растопленной плите на кухне – было для Ивана Яковлевича делом нескольких минут. Когда огонь охватил книги, отец повернулся к дочери и проговорил тем суровым тоном, от которого все трепетало

в доме:

– Вот смотри: то же самое случится каждый раз, когда я увижу в твоих руках неподходящую для тебя книжонку. И помни, что меня ничуть не трогают твои глупые жалобы на печальную долю, а твои мечты о принцессах я считаю блажью, которую выбью из твоей головы. Принцесса какая, скажите, выискалась! Скучно и душно среди обыкновенных людей! Необыкновенная она, видите ли, не понимают ее дома, умна больно! Да и то правда, что необыкновенная: с придурью, что и говорить. Стыдно, сударыня! Отец поит, кормит, печется о тебе, а она... Слушай, Надежда: я шуток не терплю, и, ежели эта гусыня, твоя подруженька, еще одно письмо такое напишет, я его прямо баронессе в институт предоставлю, пусть полюбуется, какие у нее питомицы имеются, как они чужих детей портят. Так ты и знай! А теперь можешь помогать тетке обед стряпать. Да живо у меня, прин-це-сса, непонятая грубыми людьми!

Как во сне помнит Надя мучительный час, который пришлось провести ей после всего случившегося дома. Даже мысль о том, что ее любимая книжка про принцессу Изольду спрятана на груди (с нею девочка никогда не расставалась, вследствие чего книжка избегла общей печальной участи), не успокоила Надю.

В двенадцать часов (на даче Таиловы обедали рано) сели за стол. Отец молчал, изредка взглядывая строгими глазами на Надю. Молчали и младшие члены семьи, чувствуя навис-

шую над головами тучу. Одна тетя Таша всячески старалась поддержать настроение. Она очень старательно и подробно говорила о баснословной дешевизне деревенской жизни, о свежести здешних продуктов, о здоровом воздухе и не забывала класть в то же время лучшие куски на тарелку своей любимицы Нади. Но ее невинные хитрости пропадали даром, ей не удалось рассеять создавшегося гнета, и все встали из-за стола в том же подавленном настроении, с каким садились обедать.

«Слава Богу, кончилась пытка», – мысленно поблагодарила судьбу Надя, когда по приказанию отца, убрав со стола и перемыв посуду вместо Клавденьки и Шурки на этот раз, она с облегченным вздохом вышла из дому и пустилась в путь по направлению своего любимого уголка.

– Надя! Надюша! – услышала она, отойдя довольно далеко от дачи, звонкий голос Шурки, догонявшей ее, очевидно, от самого дома.

– Что тебе надо? – довольно нелюбезно бросила через плечо Надя сестре.

Запыхавшаяся, красная, как пион, Шурка, тяжело дыша, остановилась перед старшей сестрой.

– Надюша... ох... и ноги же у тебя... пряткие какие... Насилу догнала. Слушай, Надя: ты не тревожься, папаша вспльчив, да отходчив... Посердится да и пройдет, вот увидишь... И надо же было ему самому на почту пойти нынче утром, забрал все письма, которые адресованы нам, и про-

чел. Ай-ай, как сердился! Да завтра же обойдется, вот увидишь... Ты, Надя, не горюй, а только этой глупой Беляевой своей напиши...

– Что написать? – мгновенно оборачиваясь к младшей сестренке, резко, почти грубо, бросила Надя. – Что написать Беляевой? Что?

– Да чтобы она не... не подводила тебя так больше, – едва нашла в себе силы ответить испуганная грубым Надиным тоном Шурка.

Вдруг Надины руки схватили за плечи девочку, и взбешенное лицо Нади совсем приблизилось к ее лицу.

– Не твое дело, слышишь? Не твое дело мешаться и советовать мне что-либо! – взвизгнула Надя, не помня себя от гнева. – И убирайся ты от меня, и отстаньте все от меня, ради Бога, и оставьте меня в покое! Все оставьте! Не хочу я никого, никого, никого!

И, с силой оттолкнув от себя совсем растерявшуюся Шурку, Надя быстро-быстро побежала по дороге в Новый Петергофский парк.

* * *

Теперь она одна здесь на своем любимом месте и ей относительно хорошо и спокойно. Она может горевать, сколько ей угодно сейчас. Никто ее не увидит тут, никто ей не мешает, никому из здешних случайных прохожих нет никакого

дела до ее настроения, до ее дум. Мука какая эти думы! Мука какая эта жизнь, будничная, серая, полная мелких уколов, жизнь в домашней обстановке! Ах, если бы она, Надя, могла не возвращаться туда «на дачу», могла бы остаться здесь так сидеть всю жизнь с любимой книгой, с любимыми мечтами, любоваться этим, так интересующим ее белым домом с роскошными затеями, с очаровательным цветником.

Надя старается через силу забыть происшедшее с нею дома утром, все неприятности, все невзгоды и обращает глаза по направлению белой дачи.

Что это такое однако? Сон это, или она видит наяву то, чего не видела со дня своего появления здесь?

Белая дача ожила словно по мановению волшебного жезла. На широкой площадке с сеткою для лаун-тенниса Надя видит теперь целую группу девушек и молодых людей. Все это по большей части подростки, одетые в спортивные костюмы, приблизительно ее, Надиного, возраста. Девочки (их Надя насчитала до шести) в белых юбках и легких летних блузках с мужскими широкими кушаками и галстуками. Юноши в полосатых фланелевых брюках и спортсменских рубашках. На головах двоих надеты фуражки привилегированного военного заведения. Трое других с английскими кепи на головах. Все это молодое общество весело щебечет, перебрасывая шары новенькими ракетами. Порою звенит испуганно-радостный возглас или взрыв звонкого, заразительного смеха. Порою насмешливое восклицание ко-

го-либо из играющих. Очевидно, борьба идет вовсю, самая серьезная, самая отчаянная. Противники всячески стараются победить друг друга. И молодежь, и девочки-подростки, не имея ни малейшего представления об усталости, носят, как мотыльки, с одного края площадки на другой. Шары летают по воздуху, то попадая с ракеты на ракету, то тяжело ударяясь в сетку. Вдруг особенно сильным ударом юноша постарше, один из тех, на голове которого сидит форменная фуражка, посылает шар выше забора и сетки, выше положенного игрою правила... Шар перелетает через ограду дачи и катится по аллее, катится прямо в сторону скамейки, на которой сидит Надя... Юноша бросается за ним, но его быстро опережает девочка лет тринадцати с толстой, темной, пушистой, спущенной вдоль спины, косою. В несколько прыжков девочка достигает Надиной скамейки. Еще минута и Надя видит раскрасневшееся в пылу игры лицо, блестящие глаза, сверкающие в улыбке зубы.

– Наточка! – неожиданно срывается с губ Нади, и она широко раскрытыми от удивления глазами смотрит девочке в лицо.

– Надя Таирова! Какими судьбами? Вот неожиданный сюрприз! – и Наточка Ртищева, бывшая одноклассница по институту, крепко и звонко целует Надю сначала в одну щеку, потом в другую.

Надя совсем ошеломлена такую встречей. Она никогда не была особенно дружна с Наточкой, которая, как по край-

ней мере казалось самой Наде, была слишком «генеральша» и «богачиха», а ее, Надю, конечно уж, «презирала» за бедность. И вдруг теперь так радостно, так радушно и просто встречает ее Наточка!

– Ты давно здесь на даче? Где живешь? А мы только что переехали... С мамой за границу ездили... – щебетала, как птичка, Наточка. – Вчера только вернулись утром, а сегодня уже, как видишь, гостей полон дом. Все свои: кузены, сестры двоюродные. Впрочем, одну знакомую встретишь, сама увидишь кого. Ведь ты пойдешь к нам? Сыграем партию... Пожалуйста, я буду так рада, Надя!

Как мило и искренне сорвалось это приглашение с губ Наточки! Надя едва верит своим ушам.

В ответ на Наточкино приглашение она растерянно оглядела свое скромное холстинковое платье, уже много раз выдержавшее стирку и потерявшее первоначальный цвет.

– Вздор какой, Надя! Нечего стесняться, у нас все свои, повторяю, пришли запросто! Идем же скорее, кстати, вон и Ванечку командировали сюда за нами, – и Наточка кивнула головой в сторону дачи, откуда спешил мальчик лет четырнадцати в фуражке пажа.

– Куда вы пропали, кузина? – издали кричал Ванечка, – без вас партия расстраивается, никто не хочет играть.

– Идем, Ванечка, бежим! А я вам еще одного партнера веду. – И Наточка, невзирая на все протесты Нади, крепко схватила последнюю за руку и повлекла за собою.

К ним присоединился Ванечка, веселый, жизнерадостный, со смеющимися голубыми глазами пажик, и все трое, схватившись за руки, ворвались галопом на площадку лаун-тенниса.

– Mesdames et messieurs!² рекомендую вам мою институтскую подругу, Надю Таирову. Знакомьтесь и, пожалуйста, без китайских церемоний, щебетала Наточка, легонько подталкивая вперед Надю.

Пять девочек, вернее, очень юных девушек-подростков от тринадцати до шестнадцати лет, по очереди подошли здороваться к Наде. Тут были две сестрички-княжны Ратмировы: старшая Ася, красивая, стройная брюнетка с изысканными манерами, и младшая синеглазая, щебечущая, как птичка, и веселая хохотушка Лоло. Была и смуглая, с резкими, мальчишескими манерами Мари Стеблинская, «первый чемпион мира» и «ярая спортсменка», как рекомендовал Ванечка Наде свою сестру. Потом очень застенчивая, постоянно смущающаяся Зоинька Лоренц, блондинка с пышными локонами, выщипывая по плечам. И, наконец, еще одна девочка, при взгляде на которую Надя даже рот открыла от неожиданности. Перед нею стояла Софи Голубева, ее бывшая одноклассница.

– Какими судьбами? – протянула Софи, вскидывая на Надю всегда щурившиеся близорукие глазки.

Но Надя не успела ей ответить. Надо было знакомить-

² Дамы и господа! (*фр.*)

ся еще с мальчиками, которых, кроме Ванечки и его старшего брата Никса Стеблинского, было еще трое: двое братцев-близнецов, очень воспитанных и корректных баронов Штейн – Рафаил, или Ральф, как называли старшие, и Федя, похожие друг на друга, как две капли воды, оба тщательно причесанные, оба чистенькие, с изумительно свежими воротничками и манжетами, несмотря на убийственную жару, и, наконец, Митя Карташевский, пятнадцатилетний сирота-подросток, проживающий с самого раннего детства в доме Ртищевых.

Надя очень скоро перезнакомилась со всем обществом. В несколько минут она узнала от веселых пажей Никса и Ванечки, приходившихся кузенами Нате Ртищевой, что самый сильный противник в игре – это их сестра Маня, с нею играть, ой-ой как жутко, что из всего наличного мужского персонала сильнее всех братцы-двойняшки, Ральф и Федя, но что Ванечка надеется побить их всех и прослыть первым чемпионом мира, отвоевать столь почтенное место у сестры.

– А вот Софи слабовато играет, – поддразнил он Голубеву.

– Зато Софи отлично играет на рояле, – поддержала подругу Наточка.

– Каждая женщина должна уметь играть на рояле, – комическим тоном пробасил Ванечка.

– И каждый мужчина должен уметь держать язык за зубами, а то он у тебя с дырочкой! – расхохоталась Маня, взглянув ласково-насмешливыми глазами на младшего брата.

– Ха, ха, ха! – вторила ей младшая княжна Лоло.

Ванечка сделал вид, что не расслышал отпущенного по его адресу замечания и, размахивая ракетой, обратился к Наде:

– Хотите, я буду вашим руководителем в игре?

– Но я совсем плохо играю, – покривила душой Надя, которая ни малейшего понятия не имела об игре в лаун-теннис.

– Тогда к Ванечке не советую идти в ученицы: то, что и знаете забудете, вот какой он у нас учитель, – сострил Никс, высокий, стройный юноша лет шестнадцати.

– Вот так жюри выискался! А сам только этой весной стал учиться играть, – налетел на брата Ванечка.

– Где это видано, чтобы младшие на старших голос поднимали? – отшучивался Никс, улыбаясь всем лицом, таким же смуглым, как и у его младшей сестрицы, и с такими же выпуклыми темными глазами, как и у нее.

– Давайте, я вас учить буду, – предложила Маня Наде.

– Неужели отклоните предложение самого господина профессора? – не унимался Ванечка.

– Господа, а я так предлагаю прервать партию: жара невозможная да и чай сейчас пить позовут; видите, леди Пудлей идет за нами, – подняла голос Наточка.

Действительно, с террасы балкона сходила высокая, стройная дама, мало похожая на тот тип английских гувернанток, сухих и чопорных, какие обыкновенно приезжают в Россию воспитывать русских детей.

Леди Пудлей, светлая шатенка, с полными розовыми ще-

ками, увенчанными двумя чрезвычайно милыми ямочками, еще издали закивала и заулыбалась Наде. Она очень любезно поздоровалась с нею и спросила девочку что-то по-английски.

Надя вспыхнула до ушей, услыша английскую фразу: она ни слова не понимала на этом языке.

Тогда Наточка, чтобы выручить свою бывшую одноклассницу, попросила леди Пудлей говорить с Надей по-французски.

Увы! Надя оказалась и здесь немногим сильнее. Она перевирала слова, путала артикли и, наконец, окончательно смущенная, замолкла совсем, чуть ли не плача от стыда и досады, видя устремленные на нее, полные удивления, взгляды детей, ожидавших более определенных знаний языков от бывшей институтской питомицы. От глаз Нади не укрылась и легкая смешливая улыбочка, которую Софи Голубева не успела замаскировать при первых же французских фразах ее, Нади. Эта улыбочка взорвала девочку.

«Противная Софья! Не может не язвить!» – мысленно выбранила свою бывшую подругу Надя.

– Дети, вас просят пить чай, – произнесла леди Пудлей по-английски, обращаясь к юному обществу.

– Господа, идемте! А после чая я предлагаю отправиться посмотреть кое-что, что не откажется показать нам Митя. Митя, ведь ты покажешь? – с просительной улыбкой обратилась к названному брату Наточки.

– Покажу, конечно, – отвечал с полной готовностью высокий темноглазый Митя с умным, энергичным и открытым лицом, большой приятель Наточки.

– Messieurs, предлагайте руки дамам! Идем на террасу попарно, как пай-дитюши, и прошу без шалостей, – едва удерживаясь от смеха, предложила младшая княжна Лоло.

– У меня руки грязные, я могу идти только в одиночку, а то дама обидится, – дурачился Ванечка.

– Ничего, ты будешь моим кавалером. Сестры, как видишь, народ не взыскательный, – покровительственно опускающая ему на плечо руку, проговорила Маня.

– Нет, я лучше хочу за даму, – пищал Ванечка, копируя маленького беби.

– Пехота, стройся... Налево, кругом, шагом марш! – командовал Никс и, подхватив Наточку за руку, понесся с нею впереди остальных галопом по аллее.

– Куда вы? Куда вы? Уговор был шагом идти, а ты в прыжок! – кричал Митя, спешно подставляя калачиком руку Наде.

– А я вашего брата отлично знаю. Сергей Таиров, семиклассник, ведь ваш брат? – неожиданно обратился он к девочке и, не слушая того, что она пробормотала ему в ответ, продолжал, шагая большими шагами по аллее: Отличный юноша, что и говорить, ваш брат и учится блестяще. Начальство на него не нахвалится. Директор в пример нам его ставит. И симпатичный какой! Я бы счастлив был с ним сой-

тись поближе, хотя мы и разных классов. Вы далеко живете от нас?

– Недалеко, – сорвалось у Нади, которая готова была скорее провалиться сквозь землю, нежели позволить себе сознаться в том, что живет она не здесь, в этом великолепном Петергофе, а где-то на задворках, в ничтожной деревушке, где они снимают не дачу, как все добрые люди, а какой-то коровий хлев, как мысленно окрестила она свое дачное помещение.

– А где? На какой улице? – не унимался Митя.

– Я вам дам потом адрес, если хотите, – уклончиво отвечала девочка.

– Господа, да держите шеренгу! Штейн, Nummer eins!³ Нельзя ли не выскакивать из линии? – не унимался Никс, очень прочно вошедший в свою новую роль командира.

– Да, да, я и так стараюсь, ваше превосходительство! – отозвался один из белокурых близнецов, очень торжественно ведущий под руку даму, старшую княжну, в то время, как его брат, такой же белокурый и краснощекий, вел младшую, хохотушку Лоло.

Софи Голубева выступала с Маней Стеблинской, которая за недостатком кавалеров часто исполняла роль мальчика.

Воспитанная с братьями, Маня всей душой сожалела, что ей нельзя поступить в корпус, ездить по-мужски верхом на лошади, лазить по деревьям и играть в футбол. Если что и

³ Штейн – номер первый! (*фр.*).

примирияло девочку с ее девичьей долей, так это спорт, которому она отдавалась с искренним увлечением и любовью.

Наконец, шествие замыкали Ванечка, с одной стороны держа под руку леди Пудлей, с другой же – миловидную Зоиньку Лоренц, красневшую и конфузящуюся каждый момент.

На балконе молодежь уже поджидали. Вокруг чайного, роскошно сервированного, уставленного всевозможным тонким печеньем, тортами, бисквитами и вареньем разных сортов стола сидели хозяева дачи: сам хозяин Петр Васильевич Ртищев, очень представительный седой генерал в белом сверкающем кителе; его жена, еще не старая женщина со следами редкой красоты, которую она передала старшей дочери Ноне, находящейся тут же за столом в обществе своего жениха, молодого уланского офицера.

Семью Ртищевых Надя знала давно по институтским приемам, и красавица Нона Ртищева, тонкая, задумчивая брюнетка с атласной матовой кожей, очень тихая и молчаливая, всегда казалась Наде образцом женской красоты, элегантности и изящества.

Кроме хозяев и Владимира Александровича Планова, жениха Ноны, за столом находилась очень оригинальная пожилая особа, рыхло-толстая, небольшого роста, в сером муслиновом платье и с очень дорогой шляпой на голове. Она по минутно утирала пот, катившийся градом с ее лица, и обмахивалась тонким батистовым платочком. Лишь только моло-

дежь появилась на балконе, полная дама навела лорнет на лицо Нади да так и не отрывала его все время, пока девочка обходила стол и приседала перед каждым из присутствующих.

«На воре шапка горит», – гласит русская пословица, так и Наде казалось, что и хозяйева и гости давным-давно знают, что ее, Надю, исключили за нерадение из института и что вряд ли хозяйевам здешнего дома может быть приятно ее появление здесь. Поэтому девочка чувствовала себя далеко не в своей тарелке. Между тем старшие члены семьи Ртищевых встретили ее не менее ласково, нежели Наточка.

– Очень рада, очень рада, – приветливо произнесла генеральша и поцеловала Надю в лоб.

– Ага, нашему полку, значит, прибыло, одним игроком больше стало. Советую обыграть хорошенько вот эту разбойницу, – лукаво подмигивая в сторону Мани, приятным бархатным басом шутливо советовал Наде генерал, дружески пожимая руку девочки.

А полная дама в сером платье все не отрывала по-прежнему от Нади вооруженных лорнетом глаз. И под этим взглядом девочка чувствовала себя очень неловко. Наконец, гостья отложила в сторону лорнет и, наклонившись к плечу генеральши, прошептала, но так громко, что до окончательно растерявшейся Нади долетели ее слова.

– Послушайте, *ma chere*⁴ Елена Дмитриевна, откуда вы до-

⁴ Моя дорогая (*фр.*).

стали эту Сандрильону?

– Какую Сандрильону? – не поняла в первую минуту хозяйка дома.

– Ах, Боже мой! Неужели вы не находите, что эта очаровательная девчурка похожа на переодетую принцессу?

– Кто? Надя Таирова? А вы большой романтик, Анна Ивановна, – улыбалась хозяйка. – Я и не подозревала такого грешка за вами.

– Какой тут грешок, моя милая, уметь отыскать истинное изящество и красоту под самым затрапезным нарядом, – и, опустив лорнет, она кивнула Наде.

– Подойдите ко мне, душечка, я хочу познакомиться с вами.

Красная, как пион, Надя поднялась со своего места и, сконфуженная и обрадованная в одно и то же время этим лестным для нее вниманием незнакомой дамы, робко приблизилась к ней.

Маленькие, быстрые глазки Анны Ивановны с явным удовольствием остановились на раздумяившемся лице девочки.

– Очень мила! Очень мила! Tres comme il fant, tres distinguee!⁵ – бормотала вполголоса оригинальная особа. – И какая скромная! На удивление милая девочка! И так напоминает покойную Веру, – продолжала восторгаться она.

Елена Дмитриевна пришла на помощь к Наде.

⁵ Очень прилична. Очень изысканна. (*фр.*).

– Да полно вам смущать девочку, Анна Ивановна. Видите, как маков цвет, стоит перед вами. Отпустите вы ее к ее юным друзьям, – с улыбкой уговаривала она свою гостью.

– Ну, Бог с вами, деточка, идите уж, отлично понимаю, что с молодежью, с подругами и товарищами вам куда интереснее, нежели со мною, старухою. А только, если когда заскучаете случайно, захотите новенькое что-нибудь повидать, – приходите ко мне в гости. Я живу... – Тут дама назвала улицу и номер своей дачи и кивком головы отпустила Надю.

Вскоре затем она объявила, что ей пора домой, и стала собираться. Хозяева пошли провожать ее до ворот дачи. Нона Ртищева и ее жених присоединились к ним. Молодежь осталась за столом под наблюдением леди Пудлей.

* * *

– Это известная оригиналка и страшная богачиха Анна Ивановна Поярцева, – шепотом объявила своим гостям Наточка, как только рыхлая фигура и серое муслиновое платье госты скрылись за деревьями.

– У нее целый эскадрон мосек, приживалок и канареек, – вторил кузен Ванечка.

– И дом как дворец. А живет она одна-одинешенька, без родных и друзей... – заключила его сестра Маня.

– А ты ей очень понравилась, Надя, – и Наточка сочувственно улыбнулась через стол подруге.

– Удивительно только, как это она так с первого раза вспылала? – проронил Никс.

– Для объединения родственных душ не надо много времени, докторальным тоном объявил басом Ванечка.

Все засмеялись.

Софи Голубева с кислой улыбкой обратилась к Наде:

– Удивительно, чем ты так очаровала ее? – процедила она сквозь зубы.

Надя почувствовала легкую насмешку в тоне девочки. Голубеву она никогда не любила и не пользовалась, в свою очередь, симпатией последней еще в институтские дни. Почуя укол в словах бывшей одноклассницы, Надя вспылала мгновенно и тотчас же отпарировала ее.

– А ты думаешь, чтобы иметь счастье понравиться кому бы то ни было, необходимо выдержать экзамены на круглое двенадцать или зубрить до одури с утра до ночи и с ночи до утра? – насмешливо обратилась она к Софи.

Голубева прищурилась и раскрыла было рот, чтобы ответить Наде, но Наточка очень ловко замяла начавшуюся было ссору и предложила гостям после чая взглянуть на Митин «гадючник».

– Там есть жаба огромная, два ужа и даже ядовитая змея, – с значительным видом сообщила она.

Действительно, позади дома, во дворе, между двумя теплицами, в глубокой яме, прикрытой сверху оконной рамой, дружно делили заключение три змеи и огромных размеров

жаба.

Девочки пищали и ахали, разглядывая «чудовищ». Мальчишки, конкурируя в храбрости, предлагали доказать свое бесстрашие и на пари спуститься в яму. Кончилось тем, что все единогласно решили сыграть партию в крокет.

Поздно вечером, пренебрегая опасностью получить сно-ва выговор от отца, Надя вернулась из гостей к себе на дачу. Она была как в чаду. Голова девочки приятно кружилась от всех пережитых нынче впечатлений. Как чудесно прошел этот день! Какое неожиданное удовольствие подарила ей. Наде, судьба сегодня! Даже ее более чем скромный наряд на этот раз не очень смущал девочку, еще менее смущали язвительные насмешки Голубевой и боязнь того, что «ехида», как мысленно обзывала Надя Софи, не обмолвилась бы о том, что ее, Надю, исключили из института. Вечер в гостях прошел еще лучше дня. Ее оставили обедать у Ртищевых, а вечером при прощанье и сама Елена Дмитриевна, и Наточка просила Надю прийти к ним в ближайший четверг отпраздновать Наточкино рождение. Надя, пунцовая от восторга, разумеется, отвечала согласием и благодарностью. Не слыша ног под собой, вернулась она домой. Отец, на ее счастье, уже спал. Но тетя Таша, Клавденька и Шура ждали ее на лавочке под березой.

Захлебываясь восторгом, Надя передала им все случившееся с нею нынче, не пожалев красок и дополнив действительность вымыслом. Но одна только Шурка с восторгом

внимала ее словам. Тетя Таша откровенно зевала, слушая рассказ Нади, а Клавденька сказала, как отрезала, прямо в лицо сестре:

– Ай, Надежда, не по носу табак, не по тебе это общество. Не советую туда частить. Всяк сверчок знай свой шесток, – предостерегала она сестру.

– Пожалуйста, не учи! – вспылила Надя. – Тебе, кажется, завидно, что меня принимают в таком аристократическом доме, – с надменной миной прибавила она.

– За-вид-но-о-о? – протянула Клавдия с удивлением. – Вы слышите, тетя Таша, что она говорит? Ой, и глупа же ты, Надежда, как я на тебя погляжу. Мне завидовать? И кому же? Уж не в том ли...

– Девочки, не ссорьтесь, ради Бога! Спать пора. Вон скоро светать начинается. Отец опять недоволен будет, если ты проспичь, Надя. Ступай же, милушка, ступай, – примиряющим тоном говорила тетя Таша. И, когда, послушавшись ее дельного замечания, Надя направилась к дому, тетя Таша стала ласково выговаривать Клавдии за ее резкость с сестрою.

– Ты бы поласковее с нею, Клавдюша. Сама видишь, какая она у нас хрупкая, нежная, действительно, словно не из бедной семьи, а принцесса какая переодетая; а ты ее бранишь...

– Ах, тетя, мало того, что вы избаловали вашу белоручку-любимицу, еще и других заставляете ее баловать. Нет, уж увольте, я ублажать Надежду не стану, довольно с нее и вашего баловства. А что она выше своей среды залезает, так

это и вовсе нехорошо; сами хорошо понимаете, только еще ленивее да требовательнее будет, – своим резким тоном говорила, как резала, Клавдия.

Увы! В глубине своей души тетя Таша была вполне согласна со старшей племянницей, но ей было бесконечно жаль «обездоленную», как она мысленно называла свою любимицу Надю, и старушка была бесконечно счастлива, если бы судьба, хоть отчасти, хоть самую маленькую толику, побаловала ее ненаглядную девочку.

И сама Надя в это время, запершись у себя в каморке, сладко грезила о так весело проведенном ею сегодняшнем дне, мешая действительность с небылицами и сама не замечая, веря последним.

В эту ночь самые светлые, самые радостные сны снились Наде... Она перестала быть Надей Таировой, дочерью бедного банковского писца, и в сонных грезах превращалась в богатую девочку из аристократического дома, ни в чем не имевшую отказа, окруженную самыми нежными заботами.

Золотые сны! Как они баюкали Надю, навевая счастливую улыбку на розовые губки спящей девочки!

Глава VI

Розовое платье. Пестрый день начинается

– В чем же ты пойдешь на рождение к твоим Ртищевым? Там ведь все, наверное, расфуфыренные будут, а у тебя ничего нет, кроме выходного коричневого платья... Так как же? – И бойкие глазенки Шурки, устремленные в лицо Нади, так и горят, так и сверкают самым недвуусмысленным, жадным любопытством.

Надя искренно смущена. В самом деле, как она пойдет в коричневом, когда все будут, наверное, в светлых и очень нарядных платьях? Вопрос Шурки застает ее врасплох.

– Я... право не знаю... – мямлит она, и в глазах ее загорается досада, закипающая в сердце досада на бедность, нищенскую жизнь, на нужду. О, эта нужда! Не будь ее, разве бы она, Надя, чувствовала себя такой подавленной, как сейчас, такой несчастной. Откуда же взять ей нарядное платье, откуда? Шурка права: нельзя ей, Наде, быть одетой хуже других, хуже этой противной Софьи Голубевой, которая уже конечно не упустит случая пошпиговать Надю своими насмешками и язвами.

Шурка, которая все последнее время ходит, как собачка, за Надею, готовая по сто раз выслушивать рассказы сестры о

том, как принимали Надю в богатом Ртищевском доме, тоже смущена, не менее самой Нади. Четверг не за горами, а платья нет и денег нет тоже, необходимых сейчас для Нади денег.

– Спросить у Сережи разве? У него завелся снова летний урок здесь, в Петергофе. Он добрый – даст, – делает робкое предположение встревоженный мозг Нади. И, не откладывая дела в долгий ящик, она отправляется на пруд к брату.

Сережа удит с плота рыбу. Ему жарко, он распоясался. Темные волосы прилипли ко лбу. Глаза жадно устремлены на гладкую поверхность воды; загорелая до черноты рука держит удочку.

Надя присаживается подле него и начинает мямлить о том, что через четыре дня рождение ее подруги, барышни из очень большого общества (эти слова Надя произносит с плохо замаскированной гордостью, не замечая широко раскрытого от удивления взгляда Сережи), и ей необходимо иметь нарядное платье к этому дню. А денег у нее нет. Так вот, она пришла просить его, Сережу, не может ли он дать ей хоть сколько-нибудь, чтобы купить необходимую материю с прикладом.

При последних словах Нади Сергей хмурится, сдвигая темные энергичные брови.

– Откуда же мне взять деньги, сама знаешь? – глядя в самые зрачки Нади своими открытыми правдивыми глазами, говорит он, ни на минуту не переставая удить.

– Ах, Боже мой! Да ведь у тебя урок есть, ты заработал же немного, уже не прежним – просительным, а требовательным тоном отвечает брату Надя.

– Нет, у тебя положительно здесь не все слава Богу, – в свою очередь раздражается всегда спокойный и уравновешенный Сергей и легонько стучит пальцем по Надиному лбу. – Ну, да, заработал восемь рублей уроком в этом месяце, и от него всего сорок копеек осталось. Папашина микстура, считай, три шестьдесят за четыре склянки, да козье молоко ему: доктор велел пить, два рубля, потом подметки новые на сапоги мне...

– Довольно, довольно, – не слушая брата и зажимая пальцами уши, сердито кричит Надя. – Избавьте меня от этой прозы, прошу вас.

– Да какая же это проза? Самая насущная потребность... Вот чудачка... И чего ты злишься, я не понимаю, – совсем уже добродушно смеется Сережа. Эх, Надюха, Надюха, и фантазерка же ты, как я на тебя погляжу! Небось поэзией одной сыта не будешь, а тоже туда же, проза да проза... Эх, ты!

Но Надя уже не слышит слов Сергея. С видом развенчанной королевы, оскорбленной в своих лучших чувствах, отходит она от него. Едкая обида жжет ей сердце, обида на бедность, на свою злосчастную судьбу. Она так и повторила про себя мысленно несколько раз.

«Злосчастная моя судьба... злосчастная!»

Все счастливы, довольны в мои годы, а я, такая молодая,

такая интересная (Наде хотелось сказать иначе: «красивая», но она почему-то постеснялась), и вот должна так страдать...

Надутая, недовольная, озлобленная на весь мир, она возвратилась домой.

– Не уходи далеко, Наденька, сейчас обедать будем, – предупредила свою любимицу тетя Таша. – Да что это с тобою, деточка? На тебе лица нет...

И в следующую же минуту тетя Таша искренно раскаивается в вырвавшихся у нее словах. Надя порывисто закидывает на шею руки и, уткнувшись лицом в домашнюю ситцевую блузу тети Таши, рыдает навзрыд.

Тетя Таша совсем растерялась.

– Деточка моя! Крошка моя, ненаглядная, о чем? Кто обидел мою ласточку, мою голубку беленькую, любимую мою? Скажи, детка, скажи... лепечет она, сама готовая разрыдаться.

Но «ласточка» и «крошка» только что-то мычит в ответ на все встревоженные речи тетки. Проходит немало времени, пока «ласточка» и «крошка» может оправиться и пробормотать между всхлипываниями, едва владея собою:

– Меня никто... не... не... обидел... А только... только... мне в чет-верг на-до к Рти-ще-вым идти... К Наточке... на ро-жде-ние... А... а... у ме-ня надеть нечего... платья нету-у ни-как-ко-го... – выводит она с трудом.

– Как нет платья? А коричневое? Коричневое же, детка, совсем хорошее у тебя... свежее... – напоминает тетя Таша.

– Свежее?

Слезы Нади высыхают сразу. О, как она сейчас зла! Что за бестолковая, право, эта тетя Таша! Как может она говорить о коричневом платье, которое разве годно только для генеральской горничной, что служит в доме Ртищевых вместе с двумя лакеями у стола. Явиться на семейный праздник в коричневом платье – значит насмешить всех. Нет, необходимо сделать новое нарядное платье или вовсе не идти, лучше изнывать в тоске дома, лучше забыть про Наталкино рождение.

И при одной мысли об этом Надя снова изливает фонтан слез.

Тетя Таша не может видеть плачущей свою любимицу. Минуту она думает молча, прижимая к груди белокурую головку; потом лицо ее проясняется сразу; улыбка играет на губах.

– Перестань, Наденька, перестань, утри свои глазки... Может быть, твоему несчастью можно еще помочь, дай срок только... К Клавденьке я пойду, поклонюсь ей, челом ударю. Она заказ здесь недавно получила дачный: целую дюжину рубашек да две дюжины платков наметить. Почти готова у нее работа сейчас, сегодня к вечеру отнести сдавать хотела, значит, и деньги получит сразу. Вот и одолжит нам с тобой на время. А как пенсию получу, так и рассчитаюсь с нею. Ну, улыбнись же, прояснись, моя зоренька ясная, поцелуй меня, душка... – ласкала тетка свою любимицу.

Надя сияла и улыбалась, забыв недавние слезы, и целова-

ла тетку, которая казалась ей теперь верхом доброты и совершенства.

* * *

До знаменательного четверга оставалось только три дня времени. Но и в эти три дня тетя Таша при помощи Клавденьки, а отчасти и Шурки сделала чудо или не чудо, вернее, а нарядное розовое платье с таким же поясом из легкой вуали, отделанное кружевами и лентами. Платье вышло, действительно, прелестным при самой микроскопической затрате денег, вверенных в долг Клавденькой. Тетя Таша сама придумала фасон, цвет, отделку. Сама съездила в Петроград в Мариинский рынок и там на распродаже купила, за грош сравнительно, все необходимое. От Ивана Яковлевича скрыли покупку материи и самую поездку тети Таши в город. Раздражать больного было крайне рискованно, да и к тому же Надя так трогательно молила тетю Ташу ни слова не говорить до поры до времени отцу про новое платье, что слабая бесхарактерная Татьяна Петровна позволила себе сделать эту оплошность, сдавшись на просьбы своей любимицы.

Теперь Надино платье шилось в шесть рук ранними утрами и поздними вечерами, пока отец семейства отдыхал у себя в комнате. Тетя Таша и Клавденька торопливо набрасывали стежки за стежками, наматывали, прикидывали отдел-

ку, примеряли нежные облака прозрачной вуали на Наде. Даже Шурка помогала им, как могла: она спарывала наметку, вынимала нитки, пришивала кнопки, приметывала кружева. Одна Надя ничего не делала, слоняясь из угла в угол, мешая работавшим праздными, ни к чему не ведущими расспросами, критикуя каждый штрих, каждую складку.

Уже рано утром в четверг платье было готово и тщательно разглажено на постели в Надиной каморке. Накануне с вечера было испрошено у Ивана Яковлевича разрешение идти Наде к Ртищевым на целый день. Иван Яковлевич разрешил на этот раз безо всяких задержек. Поправившийся было в первое время своего пребывания на даче, он снова почувствовал теперь значительное ухудшение в состоянии своего здоровья и почти не покидал постели.

От волнения о предстоящем ей удовольствии Надя проснулась в четверг чуть ли не с петухами и к двенадцати часам была уже совсем готова. Она, действительно, казалась прехорошенькой нынче. Розовое облако вуали окружало ее хрупкую изящную фигурку, оттеняя легким заревом нежное личико, к которому никак не мог пристать здоровый деревенский загар. Тетя Таша собственноручно расчесала пышные белокурые волосы девочки и, заплетя их в две косы, уложила их двумя венчиками на маленькой головке. Получилась очень эффектная прическа. Надя то и дело заглядывала в зеркало и не могла в достаточной мере налюбоваться собою. От обеда она, разумеется, отказалась, говоря, что ее

ждет великолепный обед в генеральском доме.

– Куда уж нам перед генеральским-то! – не могла не заметить Клавденька, недовольная поведением Нади и ее небрежным отношением к окружающим.

Но ее замечание даже не достигло до слуха Нади. Накинув на голову легкий газовый шарф, из-под которого как-то особенно мило выглядывало белое нежное личико с сияющими от удовольствия глазами, чмокнув на ходу тетку и кивнув головою сестре, Надя быстрой птичкой выпорхнула из скромного домика.

Был уже второй час в начале, а Ртищевы приглашали ее на шоколад ровно к двум. Надо было спешить. Впереди предстоял еще довольно продолжительный путь к Новому Петергофу.

* * *

– Ну, наконец-то! А мы думали, что ты уже не придешь. – И Наточка Ртищева, вся в белом, с белыми розами в волосах и у корсажа платья, веселая, радостная, как в подобает быть новорожденной, протягивает Наде обе руки и звонко целует ее в щеку.

– Да какая же ты нарядная и хорошенькая! – не удерживается, чтобы не сказать, Наточка, окидывая подругу любующимся взглядом.

Сама Наточка совсем нехороша собою: у нее неправиль-

ное лицо, вздернутый нос, слишком толстые щеки. Но глаза очень хороши: карие, добрые, с поминутно зажигающимися в них ласковыми огоньками.

Надя польщена. Все лицо ее вспыхивает румянцем смущения и радости от похвалы подруги. Тем более что кое-кто из присутствующих расслышал лестные для нее, Нади, Наточкины слова.

В большой плющевой беседке, находящейся посреди сада, собралось целое общество. Это по большей части молодежь, подростки. Красавица Нона Ртищева сидит на председательском месте и разливает шоколад из большой серебряной миски в изящные фарфоровые чашечки. Леди Пудлей и Митя помогают ей хозяйничать. Гостей, помимо обычного юного общества, посещающего Ртищевых, кроме обеих княжен Ратмировых, братьев Штейн, Зоиньки Лоренц, Софии Голубевой и «неунывающей тройки удалой», как прозвал своих племянников Стеблинских Петр Васильевич Ртищев, было еще человек двенадцать, совершенно незнакомых Наде. Здесь несколько товарищей по классу Мити Карташевского, двое пажей, одноклассников Никса и Ванечки, и две-три барышни. Все очень нарядно одеты во все светлое, и лица у всех сияющие и довольные.

– Ура! – закричал Ванечка при виде Нади, нерешительно остановившейся на пороге, при виде стольких чужих. – Пришли-таки; а мы думали, что вы уже так и не придете. Я уже взял у кузины Ноны три чайных полотенца на случай

слез неутешных, а вот они и не понадобились. Ура! Вместо слез горьких предпочитаю выпить за ваше драгоценное здоровье чашку сладкого шоколада! – и Ванечка одним духом осушил чашку, самоотверженно обжигая себе рот и делая изумительные гримасы.

– Ой-ой, какой смешной! – раскатилась своим безудержным смехом младшая из сестриц-княжен, Лоло, при виде корчившего рожицы Ванечки.

– А мне так вовсе не до смеха... Этот нелюбезный шоколад пребольно жжется, – отдуваясь и округляя глаза, дурачился мальчик.

– А ты потри себе язык мылом – от ожогов помогает прекрасно, – с невинным видом посоветовал брату Никс.

Все рассмеялись. Сердобольная Нона предложила Ванечке лимонаду со льдом.

– Не хочешь ли фруктов или конфет? – угощала в то же время Надю Наточка.

– А почему вы своего брата не привели с собою? – шепотом осведомился Митя Карташевский, придвигая Наде чашку с ароматичным дымящимся шоколадом.

«Вот еще новости – приводить с собою Сережу: да он двух слов связать не сумеет в обществе, да и костюма у него нет подходящего», – вихрем пронеслось в белокурой головке Нади, но она только любезно улыбнулась в ответ на слова Мити и пробормотала что-то о несуществующем недомогании брата.

– Однако, mesdames et messieurs, я возвращаюсь к прерванному рассказу, – весело провозгласил Никс, обводя сверкающими глазами все юное общество.

– Да, да, Никс, расскажите, расскажите! Как все это интересно! – подхватило хором несколько детских голосов.

– Вы пришли как раз в то время, m-lle Надин, – обязательно пояснила Наде ее соседка княжна Ася Ратмирова, – когда Никс только что рассказывал нам про свою поездку ночью в гондоле по венецианским каналам. Это так очаровательно!

Ася не выговаривает буквы р, и это легкое грассирование удивительно шло к ее типу.

«Непременно надо будет попробовать начать говорить так же, – решает в глубине души Надя, – а манеру ходить и слушать собеседников надо перенять у Ноны Ртищевой, и прическу тоже у Ноны».

– Так вот, господа, – между тем возобновляет прерванный появлением Нади рассказ Никс, – представьте себе кусок синего бархата наверху, над вашими головами, усеянный звездами, точно мантия какого-то императора. Не помню, у какого именно, но у одного из императоров со слов истории была такая мантия...

– Но она была заткана, увы, не звездами, а пчелами, и цвет ее был не синий, а красный, – решается блеснуть своими познаниями Софи, – и была она у Карла V.

– Bravo! Двенадцать с плюсом! – приходит в неожиданный восторг Ванечка и хлопает в ладоши, бурно выражая

свое одобрение.

Софи густо краснеет.

– Я великолепно помню историю! – ни к селу ни к городу вырывается у нее.

– Внимание, mesdames et messieurs, внимание! – команду-ет Наточка и стучит чайной ложкой по столу.

– Так вот, – продолжает Никс, – небо – синий бархат с алмазными звездами. А каналы – вы ведь знаете, что вся Венеция изрезана ими черные-пречерные, как чернила, и по ним снуют не менее черные острокосые лодки, и все с крышами. На носу стоит гондольер, всегда очень небрежно и красиво одетый, и если дадите ему несколько лишних сольди на водку, он вам споет. Голоса у них – ну, просто соловьиные, и самые слова – такая же музыка! Вы плывете, тихо покачиваясь, как в колыбели; по обе стороны канала высятся дворцы, красивые здания; целые арки и кружевные ажурные мосты переброшены с одного берега на другой. В лунные ночи все это кажется какою-то сказочной обстановкой, какою-то декорацией к изумительной волшебной сказке.

– Восхитительно! – хором кричат дети, прерывая рассказчика.

– Pracht schon!⁶ – неожиданно вырывается у братцев-близнецов, всегда в минуты особенно повышенного настроения переходящих на свой родной язык.

Даже застенчивая Зоинька и та бормочет какое-то одоб-

⁶ Великолепно! (*фр.*).

рение себе под нос, увлеченная рассказом.

– А мне, представьте, все это вовсе не нравится, – чистосердечно сознается Маня Стеблинская, вызывая негодующие «ахи» и «охи» у окружающих. – Когда мы были в Венеции, мама и Никс возмущались моей нечуткостью, неумением понимать красоту. Ну, а что же это за народ, что за город, посудите сами, где ни в лаун-теннис, ни в футбол не играют и где единственный спорт это – бестолковое шнырянье по каналам взад и вперед без усталости. Покорно благодарю. То ли дело наша Русь-матушка! – и смуглое лицо Мани проясняется улыбкой.

– Молодчинище сестричка у меня! Я присоединяюсь к твоему мнению, Маня, – и Ванечка так энергично хватает и трясет руку сестры, что та морщится от боли.

– Варвары! – смеется Никс, – не для них красивые памятники искусства: ничего они не понимают, одно слово, чемпионы мира.

Все смеются. Софи с кислой улыбкой обращается к княжне Асе.

– А вы не были в Венеции? – спрашивает она, ломаясь.

– Нет, мы проживаем за границей исключительно только на водах, где в летний сезон лечится наша татап, – отвечает, мило картавя, старшая княжна.

– Да? А мои родные живут почти безвыездно в Ницце, – говорит Софи и принимает гордый вид, поджимая губы. Сейчас она кажется очень смешною Наде. Положитель-

но Софи напоминает ей какую-то нахохлившуюся птицу, и, поймав это неожиданное сравнение, Надя не выдерживает и фыркает в салфетку.

Все смущены. Софи взбешена. Ох, уж эта негодная девчонка! Еще в институте она, Софи, не выносила этой Таировой, лентяйки, каких мало, грубиянки вдобавок и ужасной мужички по манерам. Сейчас же она просто не переносит ее, ее гордого вида, ее розового платья, ее белокурых, вьющихся от природы волос. Как она смеет смеяться, не верить Софи, это ничтожество, эта мешанка! Ее надо проучить, во что бы то ни стало, да, да, проучить, указать ей свое место. Залетела ворона в высокие хоромы... Так подожди же, будешь помнить меня! И, впиваясь в глаза Нади злым, недоброжелательным взглядом, Софи вызывающе спрашивает ее:

– А ты в каких местах бывала за границей, Надин?

Точно варом обдаёт Надю. Из ложного стыда она ни за что не признается в том, что никуда не выезжала из Петрограда, из двух своих крошечных комнаток на Песках. Но как сказать об этом? Как отстать от всех этих богатых молодых людей и барышень, изъездивших, очевидно, всю Европу. Конечно, это позор для нее, Нади, сознаться им всем в своем невежестве. И точно кто дергает в эти минуты за язык Надю. С явным задором смотрит она в лицо своему врагу, Софи, и, краснея, как кумач, отвечает первое, что приходит ей в голову:

– Я была в Дрездене. Ну, да в Дрездене... конечно.

Тонкая усмешка проползает при этом ответе по лицу Софи, и глаза ее насмешливо улыбаются тоже.

– Вот как, успела побывать в Дрездене? Счастливица! – говорит она, окидывая Надю тем же насмешливым, пронизывающим насквозь взглядом. – Ты, значит, видела там знаменитую Сикстинскую Мадонну? Побывала в музее Цвингера? Вот счастливица! Расскажи же нам, расскажи.

– Расскажите, расскажите, Надя! Ведь это одна из лучших картинных галерей мира, – не подозревая злого умысла Софи, подхватывают присутствующие. Даже взрослая Нона принимает участие в общей просьбе. Она так много слышала о музее Цвингера вообще и знаменитой Сикстинской Мадонне в частности, и ей хочется послушать про этот редкий по красоте памятник искусства.

Теперь Надя готова провалиться сквозь землю. Все смотрят на нее в ожидании ее рассказа. Все ждут. И колючая игла раскаяния уже сверлит ее душу. Сердце екает ежесекундно. Зачем она солгала, зачем? Вся малиновая от стыда, с пылающими щеками, с растерянно-мечущимся взглядом, она достойна всяческого сожаления сейчас.

Инстинктом доброй, отзывчивой души Наточка Ртищева догадывается, в чем дело. К тому же она помнит великолепно, что Надя никогда не выезжала из Петрограда, а следовательно, никогда не была в Дрездене, и, стало быть, надо ее выручить во что бы то ни стало, сейчас же, сию минуту. Бедная Надя! Глупенькая! Зачем она выдумывает и лжет?

– Господа, тому, кто желает узнать подробности о редкостях Дрездена, я попрошу рара передать одну очень интересную книгу путевых впечатлений, благо она у него есть. А Надю оставьте в покое. Она, очевидно, совсем еще маленькой девочкой посещала Дрезден и, таким образом, не может помнить Сикстинскую Мадонну, а вы пристали к ней, точно экзаменаторы! – авторитетным тоном заявляет Надина спасительница.

– И правда пристали, – со смехом соглашается с кузиною Никс.

– Как экзаменаторы! – хохочет смешливая Лоло.

– Я предлагаю сыграть партию в крокет! – поднимает голос Маня Стеблинская.

– Отличная идея! – подхватывает Митя Карташевский, – бегу расставлять воротца.

Но Софи не так приятно выпустить из рук свою жертву, раз она имеет возможность еще помучить Надю. Ее глазки, как два жала, впиваются в глаза Нади, а язвительная улыбка снова скользит по губам, когда она говорит громко и раздельно, на всю беседку:

– Не беда еще, Надин, что ты не бывала в Дрездене, потому что, насколько мне помнится, ты там никогда не была, действительно, но зачем ты солгала теперь, вот что скверно!

Надя вспыхивает, как от удара бича, при этих словах Софи. И Нона и Наточка Ртищевы смущены не меньше.

Какая она злая и черствая, эта Софи! Какая безжалост-

ная!

Добренькой Наточке до слез жаль Надю, которая близка к тому, чтобы разрыдаться от стыда и отчаяния. Единственное спасение заключается теперь в том, чтобы занять воображение молодежи чем-нибудь отвлеченным, заставить их забыть поскорее неприятный инцидент с Надей. И, схватившись за крокет, как за последний якорь спасения, Наточка увлекает с преувеличенной суетливостью все юное общество в сад.

Глава VII

Пестрый день кончается самым неожиданным образом

К семи часам вечера съехались взрослые гости. Обед сервировали на огромной террасе с цветными стеклами, сплошь уставленной кадками с цветами.

Наде никогда не приходилось видеть такого пышного убранства. Блестящее, словно только что вынутое из витрин магазина, серебро, тонкий хрусталь, изящный дорогой фарфор, и все это было перемешано с гирляндами цветов, обвивавших стол. Вазы с фруктами, конфетами, ягодами и букетами роз находились посередине. Широко раскрытыми от удивления и восторга глазами Надя смотрела на всю эту роскошь. Она почти забыла, под влиянием новых впечатлений, пережитый ею за шоколадом неприятный инцидент, и только при взгляде на Софи девочка вздрагивает от ненависти и злобы и дает себе мысленно слово отплатить так или иначе этой «противной Голубихе», как она называет про себя Софи.

Приятным сюрпризом является для гостей оркестр военной музыки, спрятанный в соседнем помещении за верандой.

Ровно в семь часов оркестр грянул туш, и все размести-

лись вокруг роскошно убранного стола. Дети заняли места на дальнем конце своею группою, под ближайшим начальством леди Пудлей. Ванечка сел по одну сторону Нади, Ната по другую. Против них поместилась ненавистная Наде Голубева, между старшею княжною и Митей Карташевским, которому Наточка строго-настрога приказала неустанно следить за обеими «враждующими сторонами» и предупреждать во что бы то ни стало возможные произойти инциденты.

В начале обеда Надя чувствовала себя не совсем удобно. История с дрезденской поездкой не выходила у нее из головы. Да и к тому же из самолюбия она отказывалась от некоторых блюд, которых она совсем не умела есть, и искренно боялась признаться в этом окружающим. И настроение ее заставляло желать лучшего. Однако веселый, жизнерадостный Ванечка, ее сосед, сумел-таки снова возвратить Наде ее прежнее оживление. И к десерту Надя разошлась совсем. Пришлось выпить бокал искрящегося шампанского, которого, ради торжественного случая, предложили и детям, и вино с первого же глотка с непривычки ударило Наде в голову.

– Не пейте, не пейте больше, – голова заболит, – предупредила Надю по-французски леди Пудлей, незаметно, но зорко следившая со своего места за молодым поколением.

Но остановить Надю было уже не так легко. Ванечка по-минутно чокался с нею до тех пор, пока девочка не осушила всего бокала до дна.

– Вот это по-нашему, по-молодецки! – похвалил девочку

пажик.

Теперь Наде стало весело-весело, как никогда. Неудержимо хотелось болтать и смеяться безо всякой причины.

Оркестр снова заиграл туш. Кто-то из взрослых гостей поднялся с места и провозгласил здоровье молоденькой новорожденной. Смущенная и пылающая румянцем удовольствия, Наточка стала обходить стол и чокается со всеми. Вслед за тем пили за здоровье генерала и Елены Дмитриевны.

С разрешения леди Пудлей дети тоже поднялись со своих мест и пошли чокается с хозяевами дома.

– Боже мой! Какая непростительная оплошность! – вскричал Ванечка, бросая взгляд на пустой бокал в руке Нади. – У вас нет больше шампанского, чем же вы будете чокается с Петром Васильевичем и Еленой Дмитриевной, а? – и, подзвав лакея, Ванечка незаметно для взрослых попросил его наполнить снова Надин бокал.

– Не надо, Ванечка, не надо! – слабо протестовала Надя и вдруг увидела устремленный на нее презрительный взгляд Софи. Этот презрительный взгляд и насмешливая улыбка снова напомнили Наде происшедший нынче неприятный инцидент за шоколадом, и в душе ее закипела буря по адресу виновницы, доставившей ей эту неприятность.

И Надя храбро подставила свой бокал лакею, который и наполнил его до краев. Теперь девочка, высоко держа полный до краев бокал в руке, стала осторожно пробираться, ла-

вируя между присутствующими, к противоположному концу стола, где находились хозяева.

– Вот вы где, наконец, маленькая фея! Наконец-то я добралась до вас! Но вы очаровательны нынче, моя крошка, совсем настоящая маленькая волшебница, соткавшая себе наряд из розовой зари! – слышит позади себя Надя уже знакомый ей голос.

Она быстро останавливается и оборачивается назад.

Анна Ивановна Поярцева, в нарядном шелковом светло-лиловом платье, обшитом настоящими старинными кружевами, которым нет цены, с огромными бриллиантами в ушах и на груди, смотрит на девочку с ласковой улыбкой. Ее полные, рыхлые щеки раскраснелись от жары и обеда, а толстые, белые, все унизанные драгоценными кольцами руки протягиваются навстречу Наде.

– Очень, очень рада вас снова повидать, милушка, – своим певучим голосом говорит Поярцева и, наклонившись к Наде, целует ее просиявшее лицо. – А вот что вы пренебрегаете мной – старухой, так это нехорошо. Чтобы заглянуть ко мне, поглядеть на мое житье-бытье, авось не соскучитесь.

– Мерси, я приду непременно... – сконфуженная и польщенная, говорит Надя и, отвесив традиционный реверанс старой даме, направляется к своему месту.

Ее путь лежит мимо Софи Голубевой. Вот она, эта ненавистная Софья с ее всегда язвительной улыбкой и насмешливыми глазами. Она, кажется, и сейчас все так же насмеш-

ливо смотрит на приближающуюся к ней Надю, и маленькие ее глазки презрительно щурятся на нее. Ага, если так, хорошо же, будешь помнить меня! – неожиданно решает Надя и, поравнявшись со стулом Софи, роняет как бы нечаянно полный доверху бокал с вином на колени последней, на ее белое, все в нарядных воланах шелковое платье.

– Ах! – вырывается изо рта испуганной Софи. – Ах, мое платье, мое бедное платье! – кричит она с неподдельным отчаянием.

– Воды! Льду сюда! – отдает коротко приказание не менее своей дамы смущенный Митя засуетившимся около них лакеям.

Софи делается сразу центром внимания «детского конца» стола. Леди Пудлей помогает ей оттирать мокрые пятна салфеткой. Нона передает лед. Наточка советует переодеться после обеда в одно из ее платьев, а это тотчас же, не теряя ни минуты, отослать в чистку. Все волнуются, спорят, горюют, подавая советы. Одна Надя нимало не смущена; она преспокойно садится на свое место и отсюда следит за Софи, мстительно радуясь ее несчастью. Случайно глаза Голубевой встречаются с ее, Надиными, глазами. Еще секунда наблюдения, и Софи догадывается обо всем.

Конечно, Надя вылила умышленно ей, Софи, на колени свой бокал с шампанским. Конечно, она хотела причинить крупную неприятность ей, Софи. Теперь уже в этом для нее нет никакого сомнения. Ее лицо бледнеет от негодования и

гнева, маленькие глазки сверкают бешенством.

– Ты сделала это нарочно! Ты сделала это нарочно! – говорит она, прожигая Надю злым, негодующим взглядом.

– Вот выдумала! Какой вздор! – смеется в ответ не совсем естественным смехом на такое обвинение Надя.

– Но ты даже не извиняешься! – продолжает возмущаться Софи.

– А ты разве извинилась передо мною, когда... – начинает вызывающе Надя и неожиданно обрывает на полужизне свою речь: говорить дальше, значит, напоминать снова, оживить в памяти присутствующих происшедший в беседке случай, а это ей, Наде, не улыбалось вовсе.

Но Софи уже догадалась, о чем хотела напомнить ей Надя, что она хотела сказать.

– Ну да, не извинилась, – говорит она резко, – ну да... В чем же тут моя вина? В том, что я сказала правду, что ты не бывала за границей, а солгала, что была. Теперь скажу еще больше: ты злая и скверная девочка, и тебя за дело исключили весною из нашего института. За нерадение и леность исключили. Но, кроме того, ты еще и зла. Завтра же я расскажу твоей сестре Клавдии о том, как ты поступила со мною. Она каждую неделю бывает у нас, приносит белье, которое метит для моей мамы. Она очень милая, твоя сестра Клавденька, и совсем не похожа на тебя. Тихая, обходительная, вежливая такая... Да, я ей все расскажу, потому что вижу отлично, что ты умышленно, по злобе испортила мой костюм.

Как хорошо, что в эти минуты музыка играет особенно громко и гости, по приглашению хозяев, отодвигают стулья, оставляя обеденный стол. Никто, кроме ближайших соседей, не слышит взволнованной речи Софи. Но и тех, кто успел уловить краем уха ее слова, слишком достаточно. Наде кажется в эту минуту, что пол выскальзывает у нее из-под ног и вся веранда с обеденным столом и нарядною толпою гостей заколыхалась, как корабельная палуба. О, негодная, злая, противная Софья, как она метко отомстила ей!

Надя стоит в нерешительности, раздавленная, смущенная, совершенно уничтоженная, не зная, что делать, что предпринять. Жгучий стыд, обида и гнев, овладевают целиком ею и лишают девочку всякой сообразительности.

Так проходит минута, другая... Вдруг она неожиданно вскакивает со своего места, закрывает руками пылающее лицо и, опрокинув подвернувшийся ей под ноги стул, стремительно убегает за дверь террасы.

* * *

Все так же стремительно несетя Надя по аллее к выходу из сада Ртищевых; и ее мысли несутся вместе с нею, мысли, которые жгут мозг и заполняют мучительным стыдом всю ее душу.

Нет, нет, она умрет скорее, нежели позволит себе вернуться назад. Какой стыд! Какой ужас! Эта ненавистная Голу-

бева не пощадила ее, Надю. Так и отрезала: «исключили из института», и про Клавденьку еще ужаснее вышло: «она метит для моей мамы белье». Какой срам! Какой срам! Все это слышали, все: и взрослые и дети. Никто не пожелает теперь общества Нади – сестра портнихи-метельщицы, да еще выключенная из института. Куда как хорошо! Блестящее знакомство для Наточки Ртищевой и ее друзей, нечего сказать!

Нужно сознаться, к стыду Нади, что не столько факт огласки ее исключения из института мучает девочку, сколько то обстоятельство, что Софи открыла нелестное, по мнению Нади, общественное положение Клавдии. Метельщица, которой платят деньги за ее работу богатые люди! Вот так сестра! Мелочная, изуродованная чтением пустых книжонек и не менее их пустыми мечтами о несуществующей жизни, избалованная бездельем праздная натура Нади сейчас ярко высказалась во всей ее неприглядной наготе. Невыносимо страдая от ложного самолюбия, она готова была действительно умереть сейчас после разоблачения Софи или, по крайней мере, убежать далеко-далеко куда-нибудь на край света, где она не увидит никогда больше ни Наточки, ни Стеблинских, ни Ртищевых, никого из тех, кто был свидетелем «ее позора».

– Надя! Наденька! Да куда же вы? Вот так приткось! Едва догнал... Что с вами? Да вы, кажется, серьезно расстроены, Надя? Вздор какой! Неужели же из-за Софи? Но ведь всем известно, что это за язвительная особа! Бросьте обращать

на нее внимание, Наденька, давайте-ка лучше вашу лапку, и идем обратно. Скоро танцевать начнут.

И Митя Карташевский, взяв Надю за руку, всеми силами старается увлечь ее назад к даче. Девочка уже успела добежать до калитки... Уже распахнула ее, когда Митя, словно из-под земли, вырос перед нею. Надя видит доброе честное лицо юноши, его сочувствующую улыбку и колеблется на минуту.

«Что, если пойти, вернуться обратно? Может быть, никто и не слышал, кроме этого Мити да ближайших соседей по столу, что говорила Голубева. А между тем там будут танцевать, веселиться... О, танцы, бесспорно, рассеют ее. Она еще и в институте так любила кружиться под музыку. Что, если...»

– Ну же, решайтесь поскорее, Надя. А я прошу вас оказать мне честь протанцевать со мною первую кадрили. – И шутливо, с улыбкой, Митя подставляет калачиком руку Наде.

Эта улыбка и шутливый тон как-то сразу меняют настроенные девочки. Что это? Новая насмешка? «Оказать честь» ей, сестре метельщицы, ничтожной, бедняге, нищей... Ей, исключенной из института? Нет, она не позволит так смеяться над собою! Она им покажет, что с нею нельзя так говорить!

И, снова закипая беспричинной уже на этот раз обидой и гневом, Надя с силой отталкивает от себя Митю, нимало не ожидавшего такого ответа, и резко кричит ему в лицо:

– Отстаньте! Я никого не хочу видеть, слышите? Все вы

гадкие, противные, насмехаться умеете только. Ненавижу вас всех. Ненавижу, да, да, да, да! – сильно рванув калитку, она не менее сильно хлопает ею и вихрем несется дальше.

«Вот тебе раз! Что за странная особа! – опешив и совершенно смущенный от неожиданности, недоумевающе глядя вслед удаляющейся фигуре, мысленно резюмирует Митя. – И однако, с чего она взбесилась снова? А Бог с нею. Не понимает доброго отношения, пусть сама кается потом... Пусть скучает одна дома, пока мы будем веселиться. Сама виновата во всем, капризная, взбалмошная девчонка!» И, совершенно успокоенный, с чистою совестью, Митя возвратился на дачу к своим друзьям.

Между тем Надя, выскочив за калитку Ртищевой дачи, понемногу приходит в себя. Отбежав еще немного, она успокаивается. Здесь неподалеку, на бульваре, под деревом стоит скамейка, на нее и опускается девочка. Ей не хочется домой. Как бы то ни было, здесь все же лучше, нежели дома. Дома увидят ее расстроенное лицо, будут допытываться, конечно, о причине такого раннего возвращения. Что она им всем скажет? Чем это все объяснит? Но что это, однако? Не музыка ли? Ну, да музыка, конечно, – играют вальс там, на даче Ртищевых, начались, очевидно, танцы. А она здесь одинокая, забытая всеми, такая несчастная Надя... Господи, какая тоска! Никому, решительно никому нет до нее дела. Она точно пленная принцесса из заколдованного замка слышит в своей башне, как веселятся и радуются люди там, за стеной.

Совсем как пленная принцесса! Нестерпима ее тоска, ее мука... Когда-то еще суждено прийти за нею доброй волшебнице, ударить магическим жезлом и разрушить оковы чародея!

И мечты уносят девочку далеко-далеко от действительной жизни. Она принцесса. Дача Ртищевых – дворец ее короля-отца. Там ждут ее, молодую принцессу. Но злой колдун держит ее в плену. Эта скамейка – ее темница. Пока не явится ее крестная мать, добрая фея, – прочны будут цепи плена бедняжки-принцессы и долго-долго будет томиться она в замке злого колдуна.

Мечты плывут за мечтами в белокурой головке девочки... Грезы, одна другой пленительнее, одна другой замысловатей, проносятся в ней пестрой, радужной вереницей. Целое царство грез, целый мир их. В него покорно и трепетно погружается Надя.

Теперь она уже ничего и никого не видит и не слышит. Не замечает, как от дачи Ртищевых, мягко шурша шинами колес, отъезжает коляска, как неслышно катится она по бульвару, как неожиданно останавливается она перед скамьей, на которой сидит в глубокой задумчивости Надя... Из коляски выходит полная пожилая дама в лиловом платье, отделанном дорогими брюссельскими кружевами.

– О чем задумалась, моя очаровательная розовая фея? – слышит словно сквозь сон Надя знакомый голос и, точно просыпаясь, внезапно вскакивает со скамейки. Перед нею стоит, склонившись, Анна Ивановна Поярцева.

– Вы что же это, деточка, здесь мечтаете одни? Я даже глазам своим не поверила... Все там танцуют, веселятся, а она, самая очаровательная, самая прелестная из них, здесь скучает в одиночестве. Я-то раньше домой собралась, устала, признаться, душно там у них, гостей много, ну а вы-то, малютка почему сбежали сюда?

– Голова болит... – солгала сконфуженная Надя.

– Голова болит? – сочувственно протянула Поярцева. – Бедняжечка... – и она положила на лоб Нади свою большую пухлую руку.

От этой мягкой руки на девочку повеяло приятной теплотой, а от слов Поярцевой – лаской и сочувствием. Долго напряженные нервы не выдержали, и Надя неожиданно разрыдалась навзрыд.

Глава VIII

Во дворце доброй волшебницы

– О чем, деточка милая, о чем?

Глаза Анны Ивановны, устремленные в лицо Нади, полны тревоги и нежности. Ей бесконечно жаль эту хорошенькую, очевидно, кем-то обиженную девочку, завладевшую симпатией ее, Анны Ивановны, с первой же минуты встречи.

– Наденька, милая, о чем?

Ласковый голос Анны Ивановны, ее нежная рука, осторожно и любовно поглаживающая белокурую головку, – все это лучше всякого целебного лекарства успокаивает Надю. Ее слезы постепенно высыхают; всхлипывания прекращаются мало-помалу, и улыбка, делающая ее капризное личико таким прелестным, снова появляется на губах...

– Ну, вот. Так-то лучше. Проглянуло солнышко ясное. И зачем плакать, спрашивается, когда жизнь так хороша? Если и обидел кто, так есть же и другие люди на свете, которые помогут позабыть обиду. А от головной боли я найду для вас средство. Вы сядете сейчас со мною в экипаж и прокатитесь по свежему воздуху, потом заедем ко мне на дачу, я вам дам лекарство, ментола – натереть виски и крепкого чая непременно, а потом отвезу домой. Согласны, Наденька?

Еще бы не согласна! Острая радость, целая волна безграничной радости заливают сердце девочки. Как она счастли-

ва, как безумно счастлива сейчас! Все обиды и унижения – все забыто. Явилась добрая волшебница, взмахнула палочкой и в один миг разрушила все черные оковы злого колдуна. Теперь она повезет в свой дворец ее, Надю, повезет в своем нарядном экипаже... Все будут смотреть на них, завидовать ей. Анну Ивановну Поярцеву все знают здесь в Петергофе; она богачка, миллионерша, знакомства с нею добиваются очень многие важные господа. А она. Надя Таирова, скромная, бедная Надя, проедется в ее экипаже, будет пить чай в ее доме и пользоваться гостеприимством и заботами такой значительной особы!

И белокурая головка Нади начинает приятно кружиться.

«Как жаль, что Ртищевы и их гости, с этой противной Голубихой включительно, не увидят ее, Надиногo, триумфа, не увидят ее триумфального отъезда в нарядном экипаже миллионерши! Но зато свои увидят: тетя Таша, Клавдия, Шурка, Сергей... Вот-то разинут все рты от удивления! Вот вам и Надя, вот вам и лентяйка и выключка, а какое знакомство завести сумела!»

И, не чувствуя ног под собою, Надя, при помощи выездного лакея, села в коляску подле своей новой приятельницы. Кучер-англичанин слегка тронул бичом лошадь, и коляска мягко покатилаcь по аллее бульвара.

Наде искренне казалось теперь, что добрая волшебница увозит в своей дворец освобожденную от чар злого кудесника принцессу. Действительность исчезла снова, и начинались

Эти мечты продолжались и тогда, когда модная нарядная коляска Анны Ивановны Поярцевой, объехав весь Петергоф, к полному удовольствию Нади, остановилась перед роскошной дачею, похожею на дворец.

Действительно, на дворец доброй волшебницы! Когда Надя, легко и быстро выпрыгнув из коляски, под руку с Анной Ивановной шла по длинной аллее, усыпанной гравием, обитой с обеих сторон тонкими обшивками цветочных куртин, со статуями среди них мифологических богинь и богов, – девочке искренно казалось, что она из реальной жизни переселяется в мир мечты и сказки.

Два лакея во фраке встретили их на пороге красивой зеленой двухэтажной дачи затейливой архитектуры, с балкончиками, башенками, с цветными стеклами и бельведером. Стеклянная терраса, вся заставленная бочками с красивыми тропическими растениями, с прелестною, несколько вычурною мебелью, показалась верхом совершенства в смысле убранства совершенно ошалевшей от радости Наде. Лишь только она вместе с хозяйкой переступила порог этой террасы, как целая свора маленьких собачонок, самых разнородных пород, с заливчатым лаем бросилась к ним навстречу.

– Ай! – вскрикнула от неожиданности Надя, инстинктив-

но хватаясь за руку Поярцевой.

– Не бойтесь, не бойтесь, деточка. Эти прелестные зверьки вас не тронут, – поспешила успокоить свою гостью Поярцева. – Ами! Бижу! Леда! Тубо! На место! Где ваше место? – прикрикнула на собак Анна Ивановна.

И белые шпицы, и миниатюрная левретка Заза, и мопсы Пупсик и Нусик, и черный пудель Макс, и мохнатая болонка Леди – все сразу поджали хвостики при этом властном окрике хозяйки.

– Входите, моя милушка, входите. Они не кусаются, – любезно говорила, обращаясь к Наде, Анна Ивановна пропуская девочку вперед.

В освещенной ярким электрическим светом гостиной Надя остановилась как вкопанная. Никогда еще ни в одном из прочитанных ею романов не приходилось девочке встречать что-либо хоть сколько-нибудь похожее по описанию на такую окружающую ее теперь обстановку. Если на стеклянной террасе количество цветов поразило Надю, то здесь в гостиной, огромной комнате, с нежными, изумрудного цвета тоном под стать свежей молодой зелени, диванами, кушетками, креслами и пуфами, с таким же пушистым, похожим на газон, ковром во всю комнату, – количество пальм, рододендронов, олеандров и других экзотических растений делали помещение похожим на сад. А по стенам ее, между картинами в золотых рамах, изображающих по большей части животных и пернатое царство во всех видах и позах, висе-

ли клетки с канарейками, большие и маленькие, но все безусловно красивые и изящные, под стать обстановке этой удивительной комнаты. Посреди нее находился высокий стол с огромною клеткою, похожею на игрушечный дом. В ней, на жердочке, важно чистя себе клюв лапкой, сидел большой пестрый попугай.

Лишь только переступила порог этой комнаты Надя следом за хозяйкой, как попугай закричал резким голосом, заглушая голоса щебечущих, несмотря на позднее время, канареек:

– А попочке нынче не дали молочка! Не дали молочка попочке! Не дали! Не дали!

– Неужели без молока оставили Кокошу? – тревожно обратилась Анна Ивановна к сопровождавшим ее лакеям.

– Никак нет-с, барыня, они-с все получили, что им полагается, поспешил ответить один из слуг.

Анна Ивановна посмотрела на него строгим взглядом.

– Ой, не путаешь ли? Позови-ка лучше сюда Лизаньку; я добьюсь от нее толку.

– Я тут, благодетельница, чего изволите? – услышала Надя чей-то тонкий, сладко-певучий голосок.

– Послушай, Лизанька, ты поила Коко молоком нынче? – так же строго осведомилась Анна Ивановна у невысокой, худой, даже костлявой девушки лет восемнадцати, с некрасивым веснушчатым лицом и маленькими беспокойно бегающими глазками.

Одета она была очень чисто, но просто в темное платье и черный передник с карманами, а жиденькие бесцветные волосы девушки были закручены небольшим жгутом на макушке.

Лизанька вдруг стремительно нагнулась и, подобострастно схватив пухлую руку Поярцевой, прижалась к ней губами.

– Как можно, как можно мне манкировать своими обязанностями, благодетельница? Да что я ума лишилась разве? Разве не помню я денно и ночью о том, что мне надо о вас вечно Бога молить, что вы меня, бедную, сирую призрели, напоили, накормили... Так ужели же я вам черною неблагодарностью отплачу? – певуче затянула девушка.

– Ну, довольно, довольно, пошла-поехала... скучно это, – нетерпеливо отмахнулась от нее благодетельница. – Вот познакомься-ка лучше с Наденькой Таировой, нашей милой гостьей.

Лизанька, все время, с первого же появления Нади, не спускавшая с нее зорких, словно нащупывающих глаз, теперь вся так и всколыхнулась, так и заходила ходуном вокруг Нади.

– Ах, красавица! Ах, душенька! Ах, ангелочек Божий! – простонала она в избытке восторга и, стремительно бросившись к Наде, подобострастно чмокнула ее в плечико.

Надя сконфузилась.

– Что вы! Что вы! Лучше так поздороваемся... – пробормотала она, протягивая руку Лизаньке.

Но та, не поняв умышленно или случайно этого движения, чмокнула ее и в руку, Надя растерялась совсем.

Между тем под тьяканье не совсем еще угомонившихся собачек, под оглушительный щебет канареек, принимавших, очевидно, яркое электрическое освещение комнаты за дневной солнечный свет, и под назойливые крики не перестававшего жаловаться попугая, Анна Ивановна рядом других, менее оригинально, но еще более роскошно убранных совсем не по-дачному комнат провела свою юную гостью в столовую.

Здесь, в огромной горнице, отделанной под дуб, с массивными буфетами и горками, сплошь уставленными дорогим фамильным серебром, тонким хрусталем и фарфором, за длинным, убраным для чая обеденным столом, освещенным ярко горящей люстрой, сидели три женщины в скромных, темных, но таких же изысканно чистых, как у Лизаньки, платьях.

При появлении Анны Ивановны и Нади они встали со своих мест и вереницей двинулись им навстречу.

– Добрый вечер, благодетельница, – запела седая, подслеповатая старушка в очках и в старомодном, с широкой пелериной, платье, с чепчиком-наколкой из черных же кружев на голове, какие носят мелкими чиновницами. – А мы-то ждали вас!

– Ждали-ждали! – в тон ей проговорила другая пожилая женщина, удивительно напоминающая уже знакомую чита-

телям Лизаньку, с такими же, как и у той, бегающими, беспокойными глазками.

– Нынче Пупсик чуть не заболел, – отрывисто проговорила еще очень молодая, но очень толстая, не по возрасту рыхлая особа, с наивным, ничего не выражающим румяным лицом и выпуклыми большими, тоже ничего не говорящими глазами.

– Пупсик? болен? – вся так и встрепенулась Анна Ивановна.

– Чуть не заболел, благодетельница, – запела седая старушка в очках, перебивая толстушку, открывшую уже, было, рот для отчета. – А все Кленушка эта пучеглазая, опять обкормила крендельками собачонку.

– Ничего не обкормила, уж вы сочините тоже! – буркнула Кленушка, и красные, как румяные яблочки, щеки ее стали еще краснее.

– Ей бы только о своем желудочке думать, а о любимчиках ваших и горя мало, – съязвила вторая приживалка, как две капли воды похожая на Лизаньку.

– Да что вы привязались ко мне? – сердито забормотала Кленушка. Здоровехонек Пупсик, что вы придумываете? Только при гостье срамите меня, и толстушка, мельком взглянув смущенными глазами на Надю, протянула ей руку дощечкой, как обыкновенно это делают простолюдины.

– Вот, Наденька, мой друг, познакомьтесь с моей гвардией, – беря за плечи девочку и подвигая к трем женщинам,

проговорила Анна Ивановна. – Вот Домна Арсеньевна, за хозяйством моим смотрит, – указала она на старушку в очках. – А вот Ненила Васильевна, мать Лизаньки, она за канарейками ухаживает. А это Кленушка, она немногим разве старше вас, ей всего шестнадцать лет только; я ее поставила присматривать за собачками. А это Наденька Таирова, моя любимица, – назвала она присутствующим Надю.

– Ангел-барышня! Красоточка! Конфетка бонбоньерная! Ах, душенька, с каким вкусом платьице сшитое на вас! И волосики-то, ровно лен! Королевна, одно слово! – восхищались наперегонки Надею обе старушки, льстиво заглядывая ей в глаза, в то время как Лизанька уже хлопотала у чайного стола, а Кленушка самым бесцеремонным образом разглядывала Надю.

Самой Наде было и неловко, и приятно в одно и то же время от такого рода похвал. Головка ее кружилась все больше и больше с каждым мгновением. Ей положительно все нравилось здесь: и сама оригинальная хозяйка, оставившая в своем доме пережитки русской барской старины с суетливою льстивою толпою приживалок и прислуг; нравилось и само убранство дома и этот чайный, ярко освещенный и заставленный всевозможными вкусными яствами стол. Она успела проголодаться во время прогулки в экипаже и теперь с удовольствием убирала за обе щеки и вкусные сэндвичи, то и дело подкладываемые ей на тарелку Лизанькой, и печенье, и варенье, и сладкие пирожки, предлагаемые экономкой Дом-

ной Арсеньевной.

Пока Надя ела и пила чай, приживалки продолжали в это время восторгаться, не сводя с нее глаз:

– Господи, глазки-то, глазки какие!

– А цвет лица! А волосы! Неужели же сами по природе так вьются?.. Не завиваете?

– Ах ты, Создатель мой, и рождаются же такие на свет хорошенькие да пригоженькие!

– Вот видите, Надин, как вас принимает моя гвардия, – ласково улыбалась девочке Анна Ивановна и погладила ее по головке.

Надя только краснела в ответ и сияла от удовольствия. Она чувствовала себя в положении рыбы, попавшей из маленькой банки в большой студеной бассейн. Покончив с чаем, позабавившись вдоволь собачками, теперь уже окончательно притихшими здесь в столовой и в чайной подачки разместившимися вокруг Надиного стула с виляющими хвостиками, – девочка сказала, что ей пора домой.

Анна Ивановна протянула было руку к звонку, но не успела позвонить, так как четыре руки предупредили ее желание.

– Вели шоферу подать машину, – приказала хозяйка дома появившемуся в дверях лакею.

– Слушаю-с, барыня.

– Лизанька, ты проводишь нашу гостью до дома, – приказала вслед затем Поярцева бесцветной, сухопарой Лизаньке.

– Провожу, благодетельница, провожу, – поспешила изъ-

завить свое согласие та. – Не извольте беспокоиться, в целостности и сохранности доставлю барышню.

– А теперь, моя душечка, пойдем с вами по душе побеседуем. Хотите, Надин? – обратилась хозяйка снова к своей юной гостье, сопровождая свои слова самой милой, самой любезной улыбкой.

В массивном, крытом кожей кабинете Анны Ивановны, где находились высокие шкапы, набитые доверху книгами, хозяйка дома опустилась на диван и указала подле себя место Наде.

– Есть люди, которые с первой встречи чувствуют такое влечение, такую привязанность друг к другу, как будто они знакомы и дружны между собою целые долгие десятки лет, – беря в свои пухлые, выхоленные руки худенькую лапку Нади, заговорила Поярцева. – Особенно же тогда, когда одна из сторон напоминает другой кого-нибудь из давно утерянных, но дорогих сердцу, близких. Когда я была маленькою девочкою, у меня была младшая сестренка. Ее звали Верочкой. Она очень походила на вас, Надин; те же серые глаза, те же вьющиеся белокурые волосы, та же изящная милая фигурка и та же внешность переодетой принцессы, такая же, как и у вас, прелесть моя. Увы! Верочка скончалась приблизительно в вашем возрасте. Если бы вы знали, Наденька, как я страдала, потеряв обожаемую сестру! Я точно чувствовала, что всю мою жизнь буду одинокой. Так оно и вышло. Родители мои умерли; замуж идти я не пожелала, родственни-

ков у меня нет. Ну, вот и окружила себя поневоле льстивыми угодливыми приживалками или безгласными покорными зверушками, которые в моем одиночестве хоть отчасти развлекают меня. В тот день, помните, Надин, когда я встретила вас у Ртищевых, такую милую, изящную, мечтательную, совсем как моя покойная Верочка, меня сразу потянуло к вам и я полюбила вас, как родную. Мне бы хотелось сделать вам что-нибудь очень большое и приятное. Приезжайте ко мне почаще, доставляйте это удовольствие одинокой старухе, у которой так мало радостей на земле. Я знаю, что вы очень небогаты... Не краснейте же, дитя мое: бедность не порок и стыдиться ее нечего. Стыдятся бедности только самые ограниченные люди, вы же такая умница, такая развитая головка, я думаю, что у вас есть какие-нибудь сокровенные мечты, какие-нибудь желания, которые я могла бы помочь вам осуществить?

Голос Поярцевой звучит такой бесконечной ласковостью, таким безграничным участием и добротой, что сердце девочки невольно раскрывается ей навстречу и целая исповедь непроизвольно выливается из уст Нади.

О, она так несчастна. Так несчастна она, Надя. Ее никто не понимает дома! Старшие смеются над нею, бранят ее... Одна тетя Таша сочувствует ей еще и балует ее по-своему. Но зато отец ворчит и сердится на нее все время: «Она-де, Надя, и белоручка, и лентяйка, и фантазерка пустая и легкомысленная». А чем она виновата, что судьба, предназначая

ее, очевидно, для другой, более яркой, более возвышенной доли, создала простою, бедною девочкой. Недаром же днями и ночами она грезит о волшебной жизни, полной роскоши, богатства, комфорта. Она не может работать, искалывая себе иглою руки, как Клавдия, или бегать по урокам, как Сергей, или целыми днями возиться на кухне, как тетя Таша. Ей противно все это, омерзительно!

Надя говорит так горячо, с таким захватывающим душу волнением, что это волнение не может не передаться ее собеседнице.

«Да, она вправе рассуждать так, эта девочка, вправе требовать от своей судьбы и счастья, и исключительных радостей, – мысленно решает Поярцева, не проронившая ни одного слова из пылкой, горячей речи Нади. – Она, с этими глазами ангела, с белокурыми локонами феи, со всею ее внешностью и манерами прирожденной аристократки».

И Анну Ивановну теперь уже неудержимо тянет порадовать чем-нибудь эту «очаровательную девчурку», как она мысленно окрестила Надю, заставить засиять радостным блеском эти серые мечтательные глазки и весело улыбаться прелестные, капризные губки.

– Идем, детка моя, я имею кое-что для вас, – говорит она неожиданно и поднимается с места.

Как автомат, с предчувствием чего-то неизъяснимо приятного, Надя встает с дивана и следует за нею.

В просторной, залитой электричеством спальне Поярце-

вой она видит красивую, из карельской березы, под стать всему убранству комнаты, шифоньерку. Анна Ивановна открывает ее ключом, вынутым ею из кармана. Еще минута ожидания, нестерпимого ожидания для Нади, и ей на руки падает великолепный кружевной шарф тонкой работы.

– Вот это для вас. Я заметила, что вы пришли к Ртищевым с покрытой головою, а потом я уже не видела шарфа на вас, очевидно, вы его забыли второпях там. Так возьмите же этот вместо утерянного; он из испанского кружева, и я вывезла его из Гранады. Смотрите, какая прелесть! – И быстрые, ловкие, несмотря на излишнюю припухлость, руки Поярцевой набрасывают легкое воздушное кружево на белокурую Надину головку.

В большом трюмо зеркального шкафа из такой же карельской березы Надя видит свое лицо, выглядывающее из рамки желтоватых кружев. Как оно красиво и поэтично сейчас! Как меняет его этот удивительный шарф – любуясь собою, как посторонней, восторгается мысленно девочка.

– А вот это, чтобы закалывать шарф, на память от меня, – говорит Поярцева, в свою очередь любуясь оживившимся, сияющим личиком Нади.

Положительно Наде кажется сейчас, что добрая волшебница пришла к ней на помощь, узнав про ее печальную долю. Никто другой, как только добрая фея разве, может подарить такой царский, по щедрости, подарок в виде очаровательной золотой пчелки с бриллиантовыми глазками и крылышками,

усыпанными бирюзою. Ах, какой восторг!

– А вот вам и зонтик, в случае дождь пойдет и застанет вас в дороге. Хотя автомобиль у меня и крытый, а все-таки не мешает иметь такую вещь всегда во время прогулок при себе.

Надя совсем теряется. Прелестный, с перламутровой ручкою двусторонний зонтик, черный с желтым, очутился у нее вместе с испанским шарфом и золотой брошью в руках. Она хочет поблагодарить Поярцеву за подарки и не может. Волнение ее слишком велико. От радости слова застревают в горле, и только глаза сияют восторгом, да губы счастливо улыбаются навстречу взгляду Анны Ивановны.

– Автомобиль у крыльца. Извольте отпустить барышню, благодетельница? – со своей сладкой на поджатых губах улыбочкою певуче говорит появившаяся на пороге Лизанька. А глазки ее так и нащупывают, так и выискивают взглядом по комнате, желая все изведать, все разузнать.

Растерянное, смущенно-радостное лицо Нади, довольная улыбка «благодетельницы», нарядные вещи в руках первой, – все это не минует зорких глаз Лизаньки.

«Ишь ты, готово уж! Вся подарками завалена, – проносится в голове Лизаньки завистливая мысль. – Небось ни я, ни маменька за все время нашей службы подарков таких и не видывали, а это невеста откуда явилась и околдовала „нашу“ так сразу, вдруг».

Но хитрая девушка знает отлично, что здесь отнюдь нель-

зя проявлять свое неудовольствие, еще менее зависти, и еще с большею любезностью и предупредительностью относится к Наде, когда роскошный автомобиль Поярцевой мчит их к Надиному летнему жилью.

* * *

– Батюшки светы! Никак Надежду нашу на моторе сюда доставили! Вот-то важная птица! Так и есть! Из автомобиля выходит, словно настоящая барышня. – И Клавденька, оттолкнув от себя тарелку с кашей, разогретую к ужину, во все глаза глядит на появившуюся сестру.

Впрочем, глядит не одна Клавденька. Сегодня, против своего обыкновения, и сам глава семьи присутствует за поздним ужином. Иван Яковлевич тоже сидит тут же за столом вместе со свояченицею и детьми.

– Ты откуда? – бросает он сурово дочери в первый же миг ее появления в крошечной горнице их «дачи».

Надя вздрагивает от неожиданности. Она менее всего ожидала встретиться сегодня с отцом.

Тетя Таша смущенно спешит к ней на выручку. Она рассказывает деверю о приглашении Ртищевых, о проведенном у них Надею дне, о розовом платье, сшитом за грош.

Но ее слова как будто и не достигают до слуха больного. Воспаленные, глубоко запавшие глаза Ивана Яковлевича теперь буквально впиваются в нарядный шарф, золотую брошь

и дорогой зонтик, находящиеся в руках Нади.

– Это еще откуда у тебя? – глухим, прерывающимся от кашля, голосом строго спрашивает Надю отец.

– Это... это... одна богатая барыня... мне... нынче... подарила... Анной Ивановной Поярцевой ее зовут... Я у нее после Ртищевых была на даче в гостях... Она и подарила, – смущенно и растерянно лепечет Надя.

Иван Яковлевич весь выпрямляется. Губы его трясутся от волнения; исхудалые до неузнаваемости за время болезни руки дрожат, а желтое, изнуренное недугом, давно небритое лицо подергивается нервной судорогой.

– Отдай! Сейчас же отдай назад все эти игрушки! – закричал он глухим, взволнованным голосом. – И не стыд тебе побираться и нищенствовать у чужих? Мы, Таиловы, бедны, правда, но никто из нас никогда не пользовался подачками даровыми от непрошенных благодетельниц. Сам не брал и тебе не позволю! Сейчас же изволь отослать все обратно, благо машина еще не уехала. Сию минуту. Слышишь? Одним духом отдай!

У Нади слезы готовы брызнуть из глаз при этом неожиданном приказании. Но послушаться отца она не смеет.

– Сергей, – приказывает Иван Яковлевич сыну, болезненно морщившемуся во все время происшедшей сцены, – отбери чужие вещи у Надежды и отнеси их к той мамзели, что в машине сидит...

– Слушаю, папаша.

И Сережа, которому мучительно жаль сестру и досадно за бестактность Нади в одно и то же время, спешит исполнить поручение отца.

Когда мотор отъезжает от домика, снимаемого Таировыми, к немалому удивлению крестьянских ребятишек, сбегавшихся поглазеть на машину, Наде кажется, что он увозит вместе с Лизанькой и кусок ее собственного сердца. У нее такое несчастное и растерянное лицо в эту минуту, что Ивану Яковлевичу вдруг неожиданно делается жаль дочери.

«Бедная, исковерканная, жалкая девчурка, – думает про себя старик. Было бы время у меня да здоровье, занялся бы я тобою хорошенько, твоим воспитанием и направил бы тебя на истинный путь. Да вот горе, недуги одолели вдобавок к службе».

– Ну, чего, Федул, губы надул? – шутливо смазан рукою по лицу Нади с тенью улыбки на измученном и суровом лице, ласково пошутил он, желая немного утешить дочь.

От этой неожиданной шутки главы семейства прояснились лица и у всех присутствующих.

«Шутит, значит, не сердится, значит, гроза миновала и Надя прощена», мелькнуло в голове у каждого из членов семьи.

Одна Надя не реагирует только на отцовскую шутку. Враждебно смотрит она исподлобья, как затравленный волчонок, в лицо отца. Смотрит без тени улыбки, сумрачно и серьезно. Ей кажется в эти минуты, что она несчастная жертва

отцовского деспотизма и что с нею более чем несправедливо поступили сейчас.

– Надя... Надежда... Наденька, что ж ты! – лепечут ей усиленно тетя Таша, Клавденька и Сергей, делая ей какие-то знаки глазами, губами и бровями.

Но Надя и глазом не ведеет, точно не слышит их слов. Она вся ушла в переживание своей воображаемой обиды, нанесенной ей чужой несправедливостью. Не глядя ни на кого, она встает со своего места, холодно целует, как бы отбывая повинность, руку отца, потом небрежно обнимает тетю Ташу и, не взглянув даже на остальных, обиженная и надутая, уходит к себе.

– Совсем избаловали девочку! Сладу с ней нету! – говорит ей вслед Иван Яковлевич, и тяжелый вздох поднимает его впалую грудь. – Надо придумать что-нибудь. Надо вовремя исправить Надю. Ну, да утро вечера мудренее, авось что и придумаем, сестрица, с вами сообща, – обращает он усталые глаза в сторону свояченицы. – А пока что спать пора. Спокойной ночи, – и, тяжело поднявшись со своего места при помощи Клавдии и Сергея, слабой, усталой походкой старик Таиров побрел в свою горницу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Тяжелая утрата. На пути к счастью

В середине августа начались дожди, и Таиоровы переехали в город. Здоровье Иван Яковлевича ухудшалось с каждым днем. Разрушительный процесс в легких шел быстрыми шагами к концу. Больной теперь не только не ходил на службу, но целые дни проводил в постели с глазами, неподвижно устремленными в одну точку. Тетя Таша, Клавдия и Сергей поочередно дежурили около кровати. Шурке была поручена кухня и хозяйство, и расторопная девочка мастерски справлялась с этой задачей. Правда, хозяйство стало еще примитивнее, еще несложнее за последнее время. Все крохотные получения семьи шли теперь на лечение, лекарство и на доктора, столь необходимого больному. Приходилось еще сократиться на обед: ели одну кашу, картофель с салом, запивали снятым молоком, забираемым за полцены у чухонки. Тетя Таша из сил выбилась, сводя концы с концами. Впрочем, измучились не менее ее и дети. Сергею пришлось оставить уроки, Клавдии работу – все их время поглощал больной. Да и страшно было уходить из дому: несчастье с отцом

могло случиться в их отсутствии, и одной этой мысли не могли допустить дети. С трепетом и затаенной надеждой следили они за каждым изменением в лице дорогого больного. Что отец умирал, для них не было уже никакого сомнения. Иван Яковлевич так пожелтел, исхудал и осунулся, что походил скорее на покойника, нежели на живого человека. Синие кольца и глубокие впадины окружали его глаза. Мука и отчаяние смотрели из этих глаз на детей. Куда девалась обычная суровость и непреклонная воля этого энергичного человека! Болезнь и страх за будущее, за судьбу любимых детей тяжело угнетали больного. Мучительные мысли терзали его мозг поминутною тревогой: «Что будет, что станет с ними, когда я умру? Как они смогут при таких крохотных средствах пробиться в люди? Клавденька, Сереженька, бедные мои, такие еще юные, а как много, как неустанно придется работать им. А Шуренок, так ведь и вовсе не на дороге... Бедная девчурка, при каких обстоятельствах придется ей подниматься в люди... А Надя? О, за эту страшнее всего... Бабочка, мотылек, мечущийся вокруг огня и рискующий спалить себе крылышки вот кто она, их пустенькая, легкомысленная Надя». И тяжелые вздохи рвутся один за другим из хриплой, мучительно выдавливающей дыхание, груди больного.

* * *

Вторая половина лета промчалась одним сплошным розо-

вым оною для Нади. «Добрая волшебница» не ограничилась одним обещанием быть приятной и полезной так полюбившейся ей девочке. Каждый день нарядный автомобиль или английская коляска Поярцевой заезжают в соседнюю с Петергофом деревушку и «похищают» Надю на целый день с тем, чтобы только поздно вечером возвратить ее снова домой.

Можно было часто-часто видеть белокурую головку и сияющее удовольствием Надино личико подле пухлого приветливого лица Анны Ивановны. Прогулки в моторе или в коляске бывали обыкновенно очень продолжительными. По желанию Нади они проезжали мимо дач Ртищевых, Голубевых, Стеблинских, Ратмировых, и девочка с радостью отмечала удивление на лицах детей при виде ее скромной фигурки, откинувшейся на эластичных подушках экипажа. Как досадовала та же Голубева, как завидовала ей, не имея возможности кататься так ежедневно в нарядном собственном моторе. Так, по крайней мере, думает Надя, даже и не трудясь кланяться при встречах с Софи, демонстративно поворачивая ей спину! А Наточке и Стеблинским она с высоты своего достоинства кивает небрежно головой. Единственно, две княжны Ратмировы пользуются ее симпатией. С ними Надя изысканно любезна. Она даже старается подражать во всем старшей княжне, держится, как Ася, щурит глаза, а иногда пробует грассировать, умышленно не выговаривая «р», что кажется ей высшим доказательством хорошего тона.

После катанья в экипаже Надя обедает ежедневно у Анны Ивановны. Эти обеды – истинное наслаждение для девочки. Помимо тонких блюд изысканной кухни, девочке приходится удивительно по душе постоянная, непрерывная лесть и восторги по ее адресу приживалок, их неустанные льстивые похвалы ее внешности, ее красоте, ее манерам. Все трое (Кленушка, за молодостью да еще, может быть, по исключительному свойству ее натуры, льстить не научилась) осыпают Надю на каждом шагу поощрениями и похвалами.

– Королева наша! – прозвала ее как-то Ненила Васильевна, и это прозвище сразу привилось к Наде, да так и осталось за ней.

А вечером – музыка в роскошном Ново-Петергофском парке. Под звуки музыки, под шум фонтанов Надя грезит, мечтает, убаюканная радостями, полным довольством жизнью.

Еще причудливее, еще пестрее стали теперь ее мечты.

Зато возвращение домой, после чая в богатой столовой Анны Ивановны, всегда несносно, мучительно для нее. После комфорта, неги, удовольствий убогий домик, стоны, кашель отца, недовольные, косые взгляды брата и старшей сестры за ее, Надино, опоздание.

С переездом в город Надя почувствовала себя совсем несчастной. Анна Ивановна имела обыкновение до первого сентября оставаться на даче, и только через три недели Надя могла увидеть снова прежнее привольное житье-бытье. Ко-

нечно, можно было бы претерпеть теперешнюю скуку в чайной близкого счастья... Но терпение было далеко не сродни мятежной натуре Нади. Она искренно страдала все это время дома, целыми днями валяясь у себя за ширмой с книгой в руке.

Книг у нее теперь более чем достаточно. Лизанька передала ей их целый транспорт в день переезда в город. У Нади есть целая серия лубочных изданий Шерлока Холмса, Рокамболь, тайны разных дворов, и ей хватит чтения на все это время. Глаза ее жадно глотают строку за строкой, страницу за страницей. Она ничего не слышит и не видит, что происходит вокруг нее – ни стонов, ни хрипов отца, ни отчаяния домашних, ни того подавленного настроения, неизбежного всюду, где есть умирающий в доме. Время занято чтением, голова – мечтами о скором переезде Поярцевой в город и о возобновлении жизни-праздника, которая так полно радовала Надю летом.

* * *

«Шерлок сажает чучело старика у окошка, сам же помещается позади кресла и, взяв в руки духовое ружье...»

– Надя! Надя! Вставай скорее! Папаше совсем плохо. Папаша умирает...

Как бледна Клавденька! Как дрожит и подергивается ее рот, с трудом выговаривающий эти слова!

Волнение сестры передается Наде. Девочка вскакивает с постели, в которой валяется до полудня каждое утро. Книга падает у нее из рук. Надя бледнеет.

– Умирает, говоришь? – плохо повинующимся языком, вздрагивая, спрашивает Надя.

– Плохо, совсем плохо бедному папаше... – шепчет Клавдья и, неожиданно прильнув к плечу младшей сестры, раздражается тихим, подавленным рыданием.

Между Клавдией и Надей нет дружбы. Сестры живут, как чужие. Клавдья пыталась несколько раз заинтересовать Надю своею работою, своими целями и интересами, но все тщетно. Идеал девушки-труженицы так чужд и далек душе Нади!

Но сейчас, при виде плачущей сестры, что-то невольно вздрагивает в эгоистическом Надином сердечке, и оно сжимается жалостью и страхом потерять отца, которого она. Надя, по-своему все-таки любит и уважает бесспорно.

В несколько минут девочка умыта, причесана, одета и робко пробирается к постели отца. Ввиду гигиенических условий и по настоянию доктора, кровать больного вынесли из темной комнаты и поставили в столовой. Здесь было больше воздуха и свету.

При виде отца Надя вздрогнула. Как он изменился! Какие странные тени легли на его осунувшееся лицо! И какие у него стали желтые, маленькие, совсем высохшие руки! Он уже не смотрит на детей. Глаза глядят, ничего не ви-

дя... Пальцы судорожно перебирают складки одеяла. Но губы все еще движутся, силясь произнести что-то. Одного Сергея нет здесь среди присутствующих – он побежал за священником: умирающий еще накануне изъявил желание пообщаться Св. Таин.

Клавденька по-прежнему тихо, беззвучно рыдает, уткнувшись лицом в убогий матрац, на котором лежит ее умирающий отец. Шурка судорожно всхлипывает у окна. Тетя Таша держит руку больного, стараясь разобрать то, что силятся произнести его посиневшие губы.

Хрипло дышит обессиленная недугом грудь... Какое-то клокотанье переливается при каждом ее движении в горле. Вдруг глаза умирающего открываются с усилием и, обведя взглядом присутствующих, останавливаются на лице свояченицы.

– Сестрица... голубушка... – с трудом разбирает тетя Таша и прильнувшая к ней плечом к плечу Надя чуть внятный шепот умирающего, – не оставьте детей... Вам их поручаю... Сироты... Клавденьку, мою труженицу убогенькую... Сережу моего... Надю бедняжку... Шуренка моего маленького... Сберегите их, сестрица... Вас Господь за сирот благословит.

Никогда никто еще не слышал таких ласковых, полных захватывающей нежности слов у этого сурового, с тяжелым характером, огрубевшего под ударами жизни человека! И острая жалость сжимает сердца присутствующих.

– Все сделаю, все, братец... Господом Богом вас заве-

ряю! – рыдает навзрыд тетя Таша в ответ на эти слова.

Клавденька, Надя и Шурка вторят ей неутешными слезами.

Когда бледный, встревоженный Сергей появляется в сопровождении священника на пороге комнаты, сердце у мальчика падает внезапно, стесненное страхом.

– Скончался? Папаша скончался? – хватаясь за голову, шепчет он.

Но Иван Яковлевич еще жив. Еще хрипит и клокочет что-то говорящее о жизни в его изнуренной груди; еще вздрагивают синие веки... трепещут ресницы. Священник еще успевает приобщить Святых Таин умирающего и прочесть над ним отходную. И только в середине молитвы кровавая пена выступает на синих ссохшихся губах умирающего, и тяжелый, предсмертный вздох в последний раз поднимает его иссохшую грудь.

* * *

Три дня проходят в мучительном напряжении для маленькой семьи Таировых. Крошечной квартирке нельзя узнать. Вынесли стол из первой комнаты и на его место поставили гроб. Иван Яковлевич, изменившийся до неузнаваемости, лежит со скрещенными на груди руками и со спокойным, как бы умиротворенным лицом, глубоко тая в себе неизведанную никем еще из живых тайну смерти. По утрам и вечерам

у гроба служат панихиды. Приходят сослуживцы покойного, появляются чужие незнакомые люди, приносят венки, говорят, советуют тете Таше, детям, что-то о пособии, о пенсии... А ночи напролет читают монашки. Это уже желание тети Таши. Пусть это дорого, не по их средствам, но необходимо, чтобы все было так, как это у людей бывает в таких случаях.

В первую же ночь монотонного чтения монашенки проснулась Надя. Прислушалась и, ничего не поняв спросонья, с ужасным криком, напугавшим всех, кинулась к тете Таше.

– Боюсь, боюсь! Не могу больше одна оставаться в кухне! – истерически выкрикивала она, дрожа всем телом. И напрасно уверяла тетя Таша и проснувшаяся под эти крики Клавденька, что бояться дорогого покойника грешно и стыдно, Надя протряслась всю ночь.

Она искренне переживала всю горечь потери. Глядя на мертвое, измененное до неузнаваемости лицо отца, она плакала неудержимыми слезами. О, как она жалела теперь, что недостаточно внимательна была к отцу за время его болезни, что ни разу не приласкалась к нему, ни разу не поговорила с ним просто, по-дочерински, искренно и откровенно. Да, она мало любила его, мало слушалась его приказаний, а если и слушалась, то только под страхом наказаний, под угрозой. Как тяжело, как тяжело ей было сознавать все это теперь, когда ничего нельзя ни вернуть, ни поправить!

В день похорон шел дождь, была слякоть... Немногие из сослуживцев пришли проводить покойника на кладбище; одних испугала непогода, другим помешала служба. За скромными дрогами, кроме своих, шло всего несколько человек. Клавденька, зеленая от пережитых ею волнений и страданий, с убитым лицом и вспухшими веками, энергично шагала под руку с братом. На бледном, замкнутом лице Сережи, помимо горя по горячо любимому отцу, к которому сын, кроме сыновних чувств, питал исключительное уважение, как к труженику-человеку, – отражалась упорная забота о предстоящей им всем новой жизни. Теперь, как-никак он, Сережа, оставался единственным мужчиной в семье, единственным защитником и покровителем сестер и тетки. Надо было подумать о том, как возможно легче устроить их жизнь. Пособие, выданное им на похороны от банка, иссякло с поразительной быстротой; панихиды, гроб, траур – все это стоило денег. Сейчас он заплатит на кладбище последние оставшиеся у них рубли. Тетиной пенсии едва хватит платить за квартиру. Клавденьке совсем нельзя так много работать; у нее и так ослабли глаза, да и горб ноет от продолжительного сиденья над машинкой. Значит, более чем необходима его поддержка, его помощь. Надо завалить себя уроками без передышки, без пощады к самому себе. Надо работать, не покла-

дая рук с утра до ночи. Надо спасти семью от страшного призрака нужды, которая грозит ей ежеминутно.

* * *

– Со святыми у-по-кой... – еще звучит в ушах Нади, когда, вернувшись с кладбища, она вместе с остальными членами осиротевшей семьи поднимается к себе в четвертый этаж, где находится их убогая квартирка, и на последней площадке останавливается, как вкопанная. Легкий радостный крик срывается у нее с губ.

Знакомая полная фигура в нарядном мантио, с мехом на шее, отделяется от стены и протягивает ей навстречу руки.

– Слышала, слышала о горе вашем... Как только узнала, тотчас же приехала к вам... Милушка, бедняжка, родная моя, как вы настрадались, – и пухлые руки Анны Ивановны обнимают Надю.

Слезы непроизвольно выкатываются из глаз девочки и капают на грудь Поярцевой. Как хорошо переживать снова сочувствие друга! О, как она страдала все эти дни! Как отрадно посетовать на судьбу в объятиях сочувствующего ей всею душою человека!

Тетя Таша приглашает гостью к себе. Она страшно стесняется их бедности и в то же время очень польщена визитом такой знатной барыни.

В маленькой столовой еще не прибрано после покойника.

Сережа и Клавденька исчезают куда-то. Гостья берет тетю Ташу под руку и мягко усаживает ее подле себя на рваном клеенчатом диване.

– Я приехала, собственно говоря, к вам по делу, – говорит Анна Ивановна. – Вы разрешите переговорить с вами наедине?

– Дети, выйдите в кухню, – коротко обращается тетя Таша к Наде и Шурке, не спускавшим все время глаз с модно и дорого одетой фигуры гостьи.

Девочки повинуются неохотно. В кухне они обе, не сговариваясь, приникают к дверям. Остренькая лисья рожица Шурки с заплаканными глазами и вздувшейся от слез губой теперь вся олицетворение самого жгучего любопытства.

– О тебе, о тебе говорят, Надя, – захлебываясь, шепчет она сестре.

Действительно, Анна Ивановна говорит о Наде, и тетя Таша с замиранием сердца вслушивается в ее слова.

– Вам будет тяжело после кончины главы семейства, – своим мягким голосом говорит Поярцева, – семья не маленькая. Детям надо будет дать приличное образование; средств же на это нет. Да и, помимо этого, жизнь требует расходов. Вот я и хочу предложить вам: не найдете ли вы возможным отдать мне вашу Надю? Ну, да, отдать мне ее совсем. Я так полюбила вашу прелестную девочку, полюбила, как родную дочь, и буду заботиться о ней, поверьте. Средства позволят мне окружить ее довольством и комфортом, дать ей хорошее

образование, воспитание. Соглашайтесь, Татьяна Петровна, в видах Наденькиного же благополучия на мое предложение, право, – закончила Анна Ивановна свою речь.

Нет, больше Надя не в силах оставаться немою свидетельницей в те минуты, когда решается ее судьба, когда на карту поставлено ее благополучие, счастье! Оттолкнув от себя руки Шурки, пытавшейся удержать ее, она быстро распахивает дверь и вихрем вносится в столовую, испугав своим неожиданным стремительным появлением обеих женщин, и хозяйку и гостью.

– Тетя Таша, милая, отпустите меня! Отпустите жить совсем к Анне Ивановне! Я хочу к вам! Я хочу к вам! Возьмите меня к себе, душечка, дорогая, милая! – и Надя, как иступленная, бросается целовать руки Поярцевой.

Она вне себя. Ее щеки горят, глаза сверкают.

– Я хочу жить у вас... быть с вами... – лепечет она, как в забытьи. Мне тяжело оставаться дома после смерти папаши... Я не хочу жить здесь... Увезите меня, увезите отсюда... – почти криком заканчивает она свою иступленную речь.

Тетя Таша совсем растерялась. Она буквально не знает, что делать. Едва только успели схоронить главу семейства, а семья его уже распадается на части. Что бы сказал на это покойный Иван Яковлевич, если бы был жив? На тетю Ташу жаль смотреть в эти минуты, так она несчастна, так смущена. Ей жаль огорчать отказом Надю, тем более жаль, что –

кто знает? – может быть, жизнь в роскоши и довольстве и есть истинное счастье для Нади, и в то же время ей жутко подумать о том, что такой поступок был бы противен воле покойного Таирова.

И вот, в ту самую минуту, когда волнение тети Таши достигает высшего предела, с порога комнаты слышится молодой энергичный голос.

– Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но судьба сестры близка и мне. Конечно, было бы для нас много приятнее, если бы Надя осталась жить с нами, в родной семье, но раз она так неудержимо стремится из дома (тут голос Сережи Таирова предательски вздрагивает), то удерживать ее мы не станем. Только я буду вас очень просить от имени покойного папаши не баловать Надю. Рано или поздно я надеюсь отдать вам все, что она будет стоить вам, то есть жизнь и воспитание Нади в вашем доме. Так сделал бы папаша, если бы был жив, так должен сделать и я. Тетя Таша, соберите Надины вещи, она, наверное, пожелает уехать сегодня же, – с плохо скрытой горечью добавил, обращаясь к тетке, Сергей.

Тетя Таша с невольным уважением взглянула на племянника.

О, он вырос на целую голову сейчас, этот мальчик! И из нежных юношеских черт его лица на нее неожиданно выглянули энергичные черты его отца, выражающие суровую, непреклонную волю. И как он умно все это придумал! Даже Анна Ивановна с невольной почтительностью взглянула

в это умное, энергичное юношеское лицо.

Из груди Нади вырвался вздох облегчения. Какой славный, какой милый этот Сережа! Как он все это хорошо придумал. Положительно, она никогда не любила так сильно брата, как сейчас.

Потом сразу поднялась суета, начались сборы. Тетя Таша, Клавдия и Шурка с лихорадочной поспешностью укладывали вещи Нади в старенький сундучок. А Сережа говорил в это время Анне Ивановне, слушающей его с тем вниманием, с каким слушают речи вполне сложившихся взрослых людей.

– Сейчас у меня нет источника, из которого я мог бы платить за сестру. Но когда я окончу учение и поступлю на службу, я выплачу все, что будет стоить жизнь Надя в вашем доме. Покойный отец не разрешил бы на иных условиях отпустить сестру в чужой дом. Когда же сама Надя поступит на место, я надеюсь, что она поймет всю необходимость вносить деньги за себя. Я уверен, что она не пожелает висеть на чужой шее. Ведь так, Надя?

– Так, – машинально срывается с улыбающихся губок девочки в то время, как мысли ее особенно далеки сейчас от мыслей Сережи.

Как интересно! Как удивительно романтично все это вышло! Добрая волшебница похищает ее, маленькую Сандрильону, из дома мачехи и дает ей возможность попасть в королевский дворец. Ну, не сказка ли это? Совсем сказка!

Эта сказка продолжается и тогда, когда Надя в своем

скромном траурном платье наскоро целует благословляющую ее и плачущую тетю Ташу, обнимает брата и сестер...

– Не забывай нас, Наденька, – просит тетка.

– Приезжай почаще, – вторит ей Шурка.

– На могилу отца ездить не забывай, – наставительно и строго говорит Клавдия, недружелюбно глядя на сестру.

– Что за бесчувственная уродилась у нас эта Надя! – думает Клавдия. В самый день похорон, когда гора должно было бы сблизить еще теснее осиротевшую семью, она покидает их с таким легким сердцем... А о папаше даже и не вспоминает совсем... Черствая, холодная эгоистка! И Клавдия холодно отвечает на поцелуй сестры.

Сережа дает последние наставления Наде.

– Учись хорошенько. Вы ведь будете учить ее, не правда ли, сударыня? – почтительно, но энергично спрашивает он Поярцеву. – Ее надо подготовить хоть в прогимназию. Если позволите, я сам буду приходить заниматься с нею.

Конечно, Анна Ивановна соглашается на все.

– Как можно не доверить занятий девочки ее энергичному, умному брату? – мягко говорит она Сереже.

Но молодого Таирова не так-то легко усыпить лестью.

– Я буду приходить после гимназии ежедневно и заниматься с тобою по два часа в день, – тоном, не допускающим возражений, говорит он сестре, держа ее за руку.

За другую руку Надю тянет к себе Шурка.

– Надюша, милая, позволь мне прибегать к тебе хоть из-

редка, – шепотом молит она сестру. – Посмотреть на твое житье-бытье.

– Хорошо, приходи, – с высоты своего величия бросает Надя.

Печальная рожица Шурки оживает сразу. Ей так хочется посмотреть на новую жизнь Нади в «Поярцевском дворце», как она мысленно окрестила дом Анны Ивановны. Сколько захватывающе интересного слышала она уже про него от Нади! И вот она увидит своими глазами «дворец». И осунувшееся от горя за последние дни личико Шурки уже сияет.

Тетя Таша в последний раз дрожащей рукой крестит Надю, целует ее глаза, щеки, губы...

– Не забывай, не забывай нас, деточка... – слышится ее надорванный голос.

Надя вырывается наконец из ее объятий. Уж эти минуты прощания! Только нервы треплют даром, – мысленно негодует она. – Точно Бог весть куда отправляют, на край света. И, еще раз кивнув всем головою, она выскакивает за порог маленькой квартирки в сопровождении своей новой покровительницы, веселая и щебечущая, как птичка.

– Вот и нет нашей Нади! Была и исчезла, как сон, – говорит по ее отъезде тетя Таша и, опустив седеющую голову на руки, глухо рыдает.

Сережа, Клавденька и Шурка хлопчут около нее.

– Эх, тетя Таша, тетя Таша, не стоит она того, чтобы о ней

так убиваться, – внезапно раздражаясь, говорит Клавденька. – Право не стоит! Сами поймете это потом.

Сергей молчит. Но в душе он согласен с сестрою. Эгоизм и черствость Нади поразили и его.

Глава II

Мечты сбылись. Волшебная сказка

Петроградская квартира Анны Ивановны Поярцевой помещается в небольшом доме-особняке на Каменноостровском проспекте. Это, действительно, целый маленький дворец. Здесь, как и на даче в Новом Петергофе, есть «зеленая» комната с тропическими растениями и зеленым же, похожим на пушистый газон, ковром. Но здесь это помещение еще менее напоминает комнату. Это – целый сад, иллюзию которого добавляют мраморные статуи и комнатный фонтан из душистой, пахнущей хвоей, эссенции, освежающей комнату и поразительно напоминающей запах леса. Все остальное помещение особняка представляет собою ряд прелестно и богато обставленных горниц. Внизу живет хозяйка. Наверху размещены приживалки и прислуга. На дворе находится кухня, конюшня, гараж. Позади дома – сад, небольшой, но тенистый, с качелями и лаун-теннисом. И здесь, словно где-то на даче или в деревне, шумят значительно старые липы. И совсем забывается, что тут уголок столицы, что этот великолепный старый сад – кусочек шумного Петрограда, почти что центр его.

Надя в восторге и от сада, и от дома, и от своей комнаты, похожей на голубую бонбоньерку. Изящная, в стиле модерн мебель, хорошенький письменный стол, крытая шелковым

одеялом и батистовым бельем постель, ковер во всю комнату, масса красивых картин и безделушек – все это делает удивительно милым и уютным этот уголок. И самая жизнь Нади теперь является венцом желаний всех ее требований. Это та самая волшебная сказка, тот идеал, о котором она так мечтала всегда. Она поднимается поздно, потому что и хозяйка поднимается поздно. Только приживалки, прислуга, собаки и птицы встают с восходом солнца в этом доме. Только в двенадцать часов дня слышится первое движение в комнате Анны Ивановны; в час она пьет чай с Надей и завтракает в столовой. Приживалки и собаки, а часто и говорливый ручной Коко – все это группируется тут же вокруг них. Надю очень забавляет всегда это утреннее чаепитие. Собаки рассаживаются вокруг хозяйки, умильно вертят хвостиками и просят подачек. Неугомонный Коко несет всякую дичь, выкрикивая ее кстати и некстати своим резким голосом. Приживалки – Домна Арсеньевна и Ненила Васильевна громко восхищаются Надей. Это вошло даже в привычку: восторгаться за утренним чаем и завтраком ее красотой, ее свежестью, даже ее скромным траурным платьем, которое, по их мнению, так прелестно оттеняет чудное личико «златокудрой королевы». Лизанька вторит старухам, певуче растягивая слова и поджимая тонкие губы. Она любит употреблять высокопарные книжные фразы, бесцеремонно выхватывая их из тех макулатурных изданий, которые поглощает девушка не менее рьяно, нежели Надя. Ее обязанности Кокошиной нянь-

ки очень несложны и оставляют Лизаньке много свободного времени, которое она и посвящает чтению. Но кроме бульварных романов, девушка очень любит читать божественное и потом долго рассказывает матери о прочитанном, о муках того или другого угодника, о святых подвигах отшельников, и обе вздыхают или плачут тихо у себя в комнате, где пахнет лампадным маслом.

Лизанька и ее мать не нравятся Наде, несмотря на их льстивую угодливость. Что-то враждебное чудится Наде в их заискивающей предупредительности по отношению к ней. К Домне Арсеньевне Надя вполне равнодушна. Старуха Арсеньевна, вполне бесцветная личность, правда, льстиво заискивающая и угодливая не меньше Лизаньки и ее матери, но без того чуть уловимого духа неприязни, который проглядывает в тех двух. Кто больше всех нравится Наде – так это Кленушка. Бестолковая, примитивная, недалекая и грубоватая по виду «собачья нянюшка» представляет собою ценность нетронутой натуры. На собак она кричит и сердится безо всякого зазрения стыда и совести.

– Чтобы вы пропали! Удержу на вас нету. Макс, ненавистный ты этакий! Будешь ты слушаться, Заза? Ледка, вот я вас кнутом, дождетесь вы у меня! – разносится ее голос по всему двору во время прогулок с бедовой сворой.

Но угроз своих никогда Кленушка не приводит в исполнение. Никогда еще ее рука не поднималась на всех этих левреток, мопсов, пуделей, шпицов. А слезы Кленушка проли-

вала и не раз, когда заболела та или другая собачонка. Когда же мопс Пупсик объелся пышками, незаметно похищенными им из кухни за спиною повара, и едва не околел вследствие своего обжорства, Кленушка «выла белугой», по выражению Лизаньки, у себя в мезонине, ухаживая за собачкой.

По происхождению своему Кленушка была крестьянкой. Ее десятилетней девочкою привезла из деревни судомойка, служившая у Поярцевой и которой Кленушка приходилась племянницей. Судомойка умерла, и, через два года, Клену, не имевшую родных, оставила жить у себя Анна Ивановна, призрев круглую сиротку и дав ей новую обязанность ухаживать за ее собачками, также приютила она в свое время и бедную овдовевшую чиновницу Ненилу Васильевну с малолетней дочкой и бывшую просвирню Домну Арсеньевну, хозяйничавшую другой десяток лет в ее доме.

Надю положительно забавляла Кленушка. Забавляли ее рассказы про деревню, которую прекрасно помнила Кленушка и к которой стремилась всей своей душой.

– Ну, какая я городская? Поглядите-ка на меня, деревенщина я, как есть деревенщина: толстая, нескладная; щеки – ишь как надулись, словно лопнуть хотят, – разглядывая себя в зеркало, часто иронизировала на собственный счет Кленушка. – А платье-то городское идет ко мне, как корове седло. То ли дело, сарафан на плечи да серп в руки да в поле ржаное под самое солнышко. Небось, жир-то бы живо согнало... То ли бы дело: и квасок тут тебе и хлебушко. Смерть

не люблю разносолов ваших...

– А сама досыта разносолов-то этих кушаешь, – ехидно замечала в таких случаях Лизанька.

– Ну, да и кушаю, ну, и что ж из этого? – огрызалась Кленушка. – Надо же кушать что-нибудь. Не помирать же голодом.

– Ты-то помрешь! – язвила Ненила Васильевна, в свою очередь недружелюбно поглядывая на толстую, здоровую фигуру Кленушки.

«И ведь родятся же такие крепкие да гладкие, кровь с молоком, тогда как у ее бедняги Лизаньки все ребрышки, все косточки наперечет», – мысленно негодовала старуха.

* * *

Ежедневно после завтрака Анна Ивановна велит подавать автомобиль и едет с Надей в магазины. Они останавливаются у пассажа, у Гостиного двора и всюду Поярцева покупает массу всяких нужных и ненужных вещей. Стоит только заикнуться Наде, что ей нравится та или другая вещица, выставленная в магазине, как вещица тотчас переходит в полное, неотъемлемое владение девочки.

– Ах, зачем это! Не нужно, – слабо протестует Надя, в то время как сердечко ее замирает восторгом, а лицо так все и сияет от удовольствия.

Эти часы объездов магазинов и покупок – самые лучшие

в жизни Нади. Она совершенно забыла о том, что говорил недавно Сергей. О том, о чем предупреждал юноша: отнюдь не брать подачек от ее новой покровительницы. Такой соблазн иметь у себя все эти прелестные вещицы, которыми щедрыми руками награждает ее добрая Анна Ивановна. Эти длинные шелковые чулки, эти тонкие эластичные лайковые перчатки, эти прелестные гребенки из настоящей черепахи. Потом веер, потом еще серебряную сумочку-кошелек, потом перламутровый с золотой, ее, Надиной, монограммой бинокль. Как жаль, что она в трауре! Как жаль, что нельзя прикинуть на себя все эти прелестные шляпы и платья, которыми она целыми часами готова любоваться у окон магазинов. Но Сережа, а за ним и тетя Таша строго-настрого наказали ей носить это траурное платье, обшитое крепом, по крайней мере, месяц со дня смерти отца, и она должна волей-неволей подчиниться их требованию.

К трем часам Надя возвращается нагруженная покупками, блаженная, улыбающаяся, усталая от массы пережитых только что ею радостных впечатлений.

Ровно в три раздается звонок в прихожей. Лакей несется открывать. За ним несутся с оглушительным лаем собачонки. Канарейки трещат; попугай выкрикивает какое-то бессмысленное приветствие.

Входит Сережа. Юноша является сюда прямо из гимназии, он смертельно устал. Шутка ли, прийти с Песков на Каменноостровский! На трамвай же нет денег – каждая копей-

ка нужна в доме. Бросив в угол свой ранец, юноша сразу приступает к уроку. Занимаются они с Надей в кабинете Анны Ивановны. Сама хозяйка дома присутствует неустанно на этих уроках с работою в руках. Надя всегда рассеянна, всегда невнимательна и ленива на этих уроках отвечает невпопад, делает непростительные ошибки.

Сережа при всей своей сдержанности начинает раздражаться, сердиться на сестру.

– О чем ты думаешь? – повышает он голос. – Где твоя голова?

Он прав. Голова Нади далеко от занятий. Мысли ее там, в голубой бонбоньерке-комнате, где разложены на столе только что приобретенные покупки. Одна мысль о том, что она их полновластная владельница, приводит Надю в дикий восторг, заставляя выскакивать из головы все эти скучные правила на буквы «ъ» и названия рек Российской империи, и пояснения Символа Веры, и басню Крылова, которые она подготовила к этому дню.

– Очнись! Очухайся! Что ты за чушь болтаешь! – чуть ли не в голос, потеряв всякое терпение, уже кричит Сережа.

– Сереженька, голубчик, – вмешивается Анна Ивановна, откладывая на минуту работу в сторону (она вяжет бесконечный шарф на двух спицах). – Вы бы не так строго. Ведь смотреть на вас обоих жалко. Вы и себя волнуете и Наденьку.

– Ей надо волноваться, Анна Ивановна, она бедная девушка, почти нищая. Ей необходимо хорошо учиться, запастись

знаниями, чтобы потом легче было найти место, службу, занятия, уроки. За ученого двух неученых дают, сами знаете, – говорит сдержанно, волнующимся голосом Сережа и снова переводит глаза на сестру.

– Приведи мне эти дробы к одному знаменателю. Надя, – приказывает он, начертив цифры и знаки карандашом в тетрадке своей ученицы.

А сам отваливается на спинку стула, побежденный усталостью. Если бы можно было не заниматься самому с этой лентяйкой, нерадивой Надей! Если бы можно было пригласить учителей, чтобы себя и свою энергию сохранить для более прилежных учеников. Но, увы! нельзя этого, нельзя! Учителя стоят дорого, а он и так кругом в долгу у Анны Ивановны за жизнь Нади в ее доме. Когда-то все выплатит он – ведает один Бог.

В пять часов уроки кончаются и Надя облегченно вздыхает. Еще бы! Два часа занятий с таким небольшим, пятиминутным перерывом!

– Оставайтесь обедать у нас, Сережа, – неизменно каждый день приглашает юношу Анна Ивановна по окончании уроков.

Но тот неизменно отказывается каждый раз.

Он очень благодарен, но ему надо спешить домой. Вечером у него еще есть уроки и необходимо самому подготовиться к завтрашнему дню. У них в гимназии очень требовательны к знанию предметов.

Уходя, он наставительно замечает Наде:

– Внимательнее будь. Смотри, чтобы завтра знать все у меня назубок. Ведь ты не маленькая, Надежда, можешь понять, кажется, всю пользу и необходимость учения. И на могилу отца не забудь съездить в будущее воскресенье. Слышишь? В прошлое тебя не было на кладбище. Какой стыд, опять проспала?

Наконец-то он уходит, такой, по мнению Нади, требовательный, суровый, несправедливо строгий к ней, еще такой юной, такой хрупкой девочке.

Радостная, с легким сердцем, напевая какую-нибудь веселенькую песенку, Надя вприпрыжку бежит в зеленую комнату полюбоваться канарейками, подразнить Кокошку. За нею бегут Ами, Бижу, Заза, Леда, Пупсик и Нусик, всегда неравнодушные к суетливым движениям человека. Меланхолично выступает за ними величаво спокойный черный пудель Макс.

Из зеленой комнаты вплоть до самого обеда несутся испуганные крики Коко, смех Нади, лай собачек...

– Кушать подано, – докладывает лакей, и, прискакывая и смеясь беззаботным смехом, Надя снова бежит в столовую.

– Королевна златокудрая наша! Явилось наше красное солнышко! Ишь как разгорелась вся! Так и пышет, ягодка вы наша! – сладко запекает Ненила Васильевна, умильно заглядывая в лицо девочки.

– Наденька совсем у нас надменная принцесса, сказочная

богиня, алебастровая красавица! – обычными бессмысленными комплиментами и некстати скомпонованными фразами вторит ей, вычурно поджимая губки, Лизанька.

А Домна Арсеньевна спешит наложить на тарелку девочки лучшие куски.

Анна Ивановна довольно улыбается. Ее бесконечно радуется такое преклонение перед ее любимицей. Надя нравится ей все больше и больше с каждым днем. Ее прелестное личико кажется совсем кукольным в массе белокурых волос. А Анна Ивановна любит такие кукольные головки, которые можно хорошо причесать к лицу, которым удивительно идут наряды. Вообще Надя ей кажется очаровательною, живую куколкою, подаренной ей судьбой в утешение под старость. Она и имя ей придумала другое. Надя – слишком вульгарно звучит. Имя Нэд гораздо более подходит к белокурой поэтичной головке и тонким, точно изваянным, чертам девочки. Скорее бы проходили эти дни строгого траура. О, она сумеет одеть, нарядить Надю так, что все ахнут от восторга. К ней должны идти все нежные цвета: розовый, голубой, зеленый. Но и в черном она прелестна.

После обеда к Наде приходит учитель музыки. Девочка учится у него играть на рояле. Это желание самой Анны Ивановны. Она более чем уверена, что ее очаровательная Надя должна обладать каким-нибудь талантом, который необходимо найти и развить. И Анна Ивановна «находит» и развивает талант Нади при помощи учителя и рояля, несмотря на

заверения честного немца, что у «фрейлейн Нади абсолютно мало слуха», не считаясь с жалобой клавиш, стонущих и плачущих под совсем бездарными, деревянными пальцами Нади.

В семь часов уходит учитель, в достаточной мере истерзанный исполнением гамм и экзерцициев своей ученицы. Тут-то и начинается едва ли не лучшее время для Нади. В голубой комнате-бонбоньерке, в коридоре, в апартаментах Анны Ивановны поднимается в этот час веселая суматоха. Бегают приживалки, бегают прислуга, с оглушительным лаем носятся следом за бегущими собачонки, попадая под ноги и с громким визгом отскакивая назад.

Это Надю собирают в театр, куда почти ежедневно возит ее Анна Ивановна. Впрочем, иногда театр заменяется кинематографом, цирком, иногда же простым катаньем по островам и поездками в гости. Но все одинаково требует прически, туалета, «прихорашивания», как говорят поярцевские приживалки. Анна Ивановна собственноручно причесывает и завивает Надю. Приживалки хлопочут тут же, подают нагретые щипцы, шпильки, бантики в голову, гребенки и громко ахают и восторгаются роскошными волосами Нади к полному удовольствию последней.

И опять искренне сожалеет Анна Ивановна, что нельзя снять с ее Нади этого черного печального платья и заменить его более изысканным светлым туалетом, в котором еще рельефнее, по ее мнению, выступила бы красота девочки. Но

пока приходится только скрасить, оживить это черное платье живыми цветами и свежим кружевным воротником. Зато стройные маленькие ножки Нади ничто не мешает обуть по своему усмотрению. На них дорогие шелковые чулки и щегольские туфельки. На тонких руках девочки – изящные перчатки. Черный прелестный веер и живые белые розы довершают туалет Нади.

Счастливая, сияющая входит она в ложу бельэтажа рядом со своей благодетельницей. За ними робко прокрадывается Лизанька с Ненилой Васильевной или Кленушка с Домной Арсеньевной по очереди. Надя плохо слушает то, что говорится или поется на сцене. Она больше занимается самой собою: заметив устремленные на нее из других лож взгляды, она начинает принимать самые эффектные, по ее мнению, позы. Ей так приятно быть центром всеобщего внимания, так удивительно интересно. А позади нее Лизанька и Ненила Васильевна шепчут ей на ушко:

– Королевна наша, поглядите, вон барышни из ложи напротив глаз с вас не сводят. Небось лопаются от зависти, на красоту вашу глядя.

– Ангел нетленный... Томная принцесса наша, – приводит совсем уже неосновательное и бессмысленное сравнение Лизанька и с деланной восторженностью чмокает Надю в плечо.

Когда вместо них в театре «дежурят» Кленушка и Домна Арсеньевна, восторгов бывает меньше со стороны этих двух. Кленушка вытаращенными глазами смотрит на сцену. Ее рот

открыт; брови подняты. Игра актеров, а особенно пение действуют на нее изумительно. Под звуки голосов, раздающихся с эстрады, Кленушка забывает весь мир и погружается в мечты о деревне. Никогда ей так не хочется, как в эти часы, вернуться туда. А Домна Арсеньевна клюет носом и дремлет все время спектакля...

И снова действительность исчезает для Нади, и снова она погружается в мир грез, центром которого является она, конечно, сама Надя, и не Надя Таирова, а новая Надя – сказочная принцесса Нэд.

Но гораздо более театра любит Надя кинематограф. Еще бы! Там всегда бывают такие мало действительные комбинации, такие захватывающие неожиданности, такие страшные приключения! Там она часто видит своего любимца Шерлока Холмса или Рокамболя. Там получается такой богатый материал для фантазии. Девочка еще слишком молода, слишком легкомысленна, чтобы уметь отличать истинную красоту искусства от грубой фальсификации.

Но больше всего Надя любит ездить со своею благодетельницею в гости. Теперь редкую неделю она не бывает у Ратмировых, Ртищевых, Стеблинских. Анну Ивановну уважают все и дорожат ее знакомством, а чтобы сделать удовольствие Поярцевой, все очень любезны и предупредительны к ее любимице. Но Надя принимает такие знаки внимания к себе исключительно ради своих собственных достоинств и гордо поднимает голову и надменно задирает свой крошечный

носик, видя расточаемое ей любезное гостеприимство. Она усвоила даже особую манеру говорить с равными ей, особую – с высшими и с низшими. Ее тон приобрел в разговоре с прислугою неприятную резкость, зато в своем отношении к Поярцевой и девочкам-аристократкам мало чем отличается от приторно льстивой Лизаньки и ее мамы. С Наточкой Ртищевой она «раздружилась», зато старшая княжна Ратмирова, Ася, занимает теперь Надины мысли. Ее тянет к Асе, чтобы иметь право говорить: «Я подруга старшей Ратмировой. Мы с Асей закадычные друзья».

Но Ася уклоняется от этой дружбы. Она всегда держится как-то сама собою в стороне, да и старше она Нади почти на три года.

Тогда Надя меняет тактику и притягивает к себе хохотушку Лоло. Эта проще и доступнее и скоро попадает целиком под влияние Нади.

Желание последней исполняется: у нее теперь есть закадычная подруга-княжна.

Глава III

Неприятный визит. 17-е сентября

– Батюшки мои! Неужто Надя? Вот-то не узнала! Нарядная какая, скажите, пожалуйста! – и Клавденька, только что стиравшая белье на кухне, обтирает мыльные руки о передник и обнимает Надю.

– Тетя Таша! Шурка! Надя приехала! Идите скорее!

– Я ненадолго, – говорит Надя, – там внизу ждет Лизанька в автомобиле. А Сережа дома? – оглядываясь с некоторой опаской, спрашивает она, хотя и знает отлично, что в эти часы Сережа ежедневно в гимназии. Но все же излишняя предосторожность никогда не мешает, тем более что Сережа, наверно, отравил бы всю радость ей, Наде, если бы увидел ее новую, очень нарядную, чересчур нарядную даже для маленькой четырнадцатилетней девочки шляпу и модное дорогое пальто. Опять бы пришлось выслушивать выговоры о том, что Надя не должна позволять Анне Ивановне тратить на себя столько денег, которые ему – Сереже – будет трудно отдавать ей впоследствии. Слава Богу, его нет, значит, можно поболтать без помехи о своем житье-бытье в поярцевском доме.

Откуда-то из дальнего угла квартирки выходят тетя Таша и Шурка. Первая со слезами на глазах обнимает Надю и ласково пеняет свою любимицу.

– Забыла ты нас, Наденька, забыла совсем.

А Шурка сразу впивается в элегантный костюм Нади, в ее щегольской зонтик и сумочку.

– Неужто серебряная? – пожирая взглядом последнюю, замирающим голосом шепчет Шурка.

– Конечно, – небрежным тоном роняет Надя. – Ну, как поживаете без меня? – тем же тоном, прищуривая глаза (манера, заимствованная ею у кого-то из ее знакомых взрослых барышен), осведомляется она у сестер и тетки и оглядывает критическим взглядом окружающую, более нежели скромную, обстановку комнаты.

Боже, до чего все ничтожно и нищенски жалко все кругом! И как только могла она здесь жить столько времени! Эта поломанная разношерстная мебель, эти крохотные клетушки, эта убогая лампа! О, она не вернется никогда к этой жизни, никогда! И эти будничные серые интересы семьи! Удивительно забавно слушать про то, что теперь дела как будто чуточку получше стали, потому что Клавденька получила определенный, постоянный заказ на магазин, а у Сережи появились вечерние занятия в конторе одного купца-мебельщика, и он будет получать жалованье каждый месяц да два урока вдобавок ко всему. А Шурку в профессиональное решено отдать нынче.

Все это тетя Таша с Клавденькой говорят по очереди, стараясь как можно скорее посвятить во все Надю.

Последняя слушает одним краешком уха. Какое ей, в сущ-

ности, дело до всего этого! Ее волнует и тревожит совсем другая мысль.

– В это воскресенье мои именины, – улучив удобный момент и перебивая сестру, говорит Надя, – и вот...

– Ах, Боже мой! Конечно, конечно, помним, – волнуется тетя Таша. Ведь 17-е уже послезавтра. А я тебе подарок приготовила, Наденька. Уж какой – не взыщи, не поярцевским чета, мы – бедняки, не можем тратить столько, сколько тратит Анна Ивановна.

– Она мне часы обещала подарить на именины, – не слушая слов тетки, небрежно роняет Надя.

– Золотые? – вся вспыхивает любопытством Шурка.

– Понятно, – не никелевые, – усмехается Надя.

– Неужели с цепочкой? – почти стонет от восторга и нетерпения узнать Шурка.

– Понятно, с цепочкой. Не на шнурке же носить их, – пожимая плечами, отвечает Надя.

– А я тебе дюжину платков наметила, – говорит Клавденька. – В воскресенье после обедни и принесу.

– И я принесу мой подарочек, – кивая и улыбаясь, говорит тетя Таша.

– А я тебе пастилы рябиновой, твоей любимой куплю. Ты ведь позволишь принести мне, Наденька? – трогательно просит сестру Шурка.

Надя молчит. Ее брови сдвигаются; ее лоб хмурится. Она неприятно поражена. В день ее именин позваны гости. Бу-

дут Ратмировы, Стеблинские, Ртищевы, даже Софи Голубеву позвала Анна Ивановна, предварительно посоветовавшись с Надей и заручившись ее согласием. (Пусть Софи полюбуется теперь на ее новую жизнь. Пусть попробует теперь съязвить или затронуть ее, Надю. Небось не посмеет задеть ее теперь!)

И вот, при всех этих богатых детях из лучших домов Петрограда ей придется принять своих бедных, обносившихся родных. Придется подчеркнуть свое ничтожество, свое незнатное происхождение, свою прежнюю, полную нужды и бедности, жизнь дома. Нет, слуга покорный, на это она, Надя, не пойдет ни за что.

– Тетя Таша... Клавдия... Что, если вы заглянете ко мне в другой раз когда-нибудь?.. Я буду очень рада... – мямлит Надя, избегая смотреть на тетку и сестру.

Тетя Таша теряет. Ее милое морщинистое лицо покрывается багровой краской густого старческого румянца. Она боится, не хочет поверить своим ушам. А между тем, где-то в мыслях мелькает смутная догадка: «Неужели она стыдится нас, своих близких? Неужели стесняется показать нас своим новым друзьям?» И сама испугавшись своих мыслей, уходит поспешно за подарком для своей ненаглядной Надюши.

Чтобы приобрести этот подарок, полдюжины настоящих тонких фильдекосовых чулок (тетя Таша знает, что грубых, бумажных, не выносит ее Наденька), она отказывала себе во всем самом необходимом за эти две последние недели:

ходила пешком с Песков на Сенную за провизией каждое утро, вместо того, чтобы ехать в трамвае, пила по утрам кофе без булки, не покупала «Петербургской Газеты», которую так любит читать; словом, урезывала себя во всем. И вот, вместо того, чтобы вручить этот с такой любовью купленный ею подарок в день ангела имениннице, что особенно ценится тетей Ташей, она передает его ей сейчас.

Надя мельком бросает взгляд на чулки.

– Мерси, – бросает она небрежно и словно случайно вытягивает свои, изящно обутые в шелк и тонкое шевро, ножки.

– Я привыкла к шелковым, Анна Ивановна покупает мне их еженедельно. Они очень непрочны, их приходится менять каждый день, – тянет она, щурясь на свои ажурные шелковые чулки.

Это уж слишком! Точно что-то ударяет Клавдию в самое сердце при этих словах, и горбунья вскакивает со своего места. Она бледна сейчас, как может быть только бледно человеческое лицо в минуту самого тяжелого душевного потрясения. И глаза ее сверкают гневом, когда она говорит дрожащим голосом, обращаясь к Наде:

– Молчи, молчи лучше, бессердечная, черствая девчонка! Как у тебя язык поворачивается говорить так? Ты думаешь, что я не раскусила тебя? Не поняла твоих кривляний? Ты нас стыдишься! Стыдишься своих родных, единокровных тебе близких!.. Этого ангела, тетю Ташу, твоих сестер, твоего брата, всех нас! Ну и Бог с тобою и стыдись, сделай милость.

Не нужно нам твоей привязанности, твоей любви. Если у тебя заглохло к нам родственное чувство, здесь ничего уж не поделаешь. Слава Богу, что папаша не дожил еще до этого, не видит тебя, такую глупую, такую напыщенную, такую пустую!

Последние слова вырываются почти что криком у Клавденьки.

Надя сразу закипает гневом. Как смеет Клавдия третировать ее так?

– Ну и радуюсь, что глупая, что напыщенная и пустая, – кричит она в свою очередь, уколотая словами сестры. – А все-таки многие желали бы быть на моем месте, на месте пустой и глупой Нади... И ты первая изо всех... И ты... Конечно... Потому-то ты и злишься, что завидуешь мне. Ну, да завидуешь и злишься, что ты горбунья, уродка, калека...

Надя сама не помнит, как сорвались у нее с губ последние слова. Она тут же пожалела, что позволила себе произнести их. Но что делать, сказанное вернуть нельзя. Она видит, как потемнело сразу лицо Клавдии, как наполнились слезами большие выразительные глаза горбуньи и как, точно подкошенная былинка, опустилась голова Клавдии на грудь тети Таши, обвившей ее своими худенькими, дрожащими ручками.

– Надя! – с упреком и горечью вырвалось у Татьяны Петровны. – Как могла ты сказать это, Надя?

Но Надя только молча отворачивает голову. Она спешит

уйти, ей здесь больше нечего делать. Да к тому же скоро уже два часа – надо еще успеть повторить уроки к приходу Се-режи.

– Прощайте. Теперь я не скоро приеду опять, некогда, – буркает она себе под нос и, на лету чмокнув тетку в голову, поспешно бежит к дверям.

– Чулки, Надя, чулки забыла! – кричит ей вслед Шурка.

Но Надя не слышит ничего. Проворно сбегает она с лестницы, выходит за ворота и садится в автомобиль около ожидавшей ее Лизаньки.

– Домой, – хозяйским тоном командует шоферу девочка.

Когда машина отъезжает от недавно еще дорогого Надиному сердцу дома, в этом сердце плотно и настойчиво укладывается жестокое, недетское решение: долго-долго, а может быть и совсем не возвратится она больше сюда.

* * *

В воскресенье 17 сентября Надя просыпается с тяжелым чувством. Всегда в этот день, до институтского периода ее жизни, девочка неизменно встречала около своей постели любящий ласковый взгляд тети Таши, ожидавшей ее пробуждения. При одном воспоминании о домашних, сердце Нади болезненно сжалось.

Бесспорно, она была не права тогда в свое последнее посещение своих. Но и Клавденька хороша была тоже! Как смела

она так кричать на нее – Надю? А что произошла такого рода ссора, так это даже и к лучшему, пожалуй: по крайней мере, Надя гарантирована, что никто из домашних не придет поздравлять ее в этот день. А все же тяжело как-то не видеть их нынче.

Со вздохом девочка обводит глазами свою голубую комнату-бонбоньерку и громкое радостное «ах» вылетает из ее груди. На столе, плотно приставленном к изголовью постели, она видит небольшой зеленый плюшевый футляр, потом японский ящичек, потом еще футляр поменьше и легкое белое шелковое платье с черным широким поясом и таким же галстуком у отложного воротничка.

С криком радости Надя вскакивает с постели и бежит рассматривать подарки. И вся ее горечь, все сомнения и печали рассеиваются, как дым. Какие часики! Какая прелесть! Душа Нади загорается восторгом. Действительно, миниатюрные золотые часы-браслет, о которых так мечтала Надя, прелестны и изящны, как могут быть только изящны такие вещицы. Замирая от радости, девочка надевает их на руку. В другом футляре поменьше, она находит кольцо, очаровательное колечко с бриллиантом, о котором также давно мечтала Надя. А в японском ящичке дивной работы красиво уложены кружевные платки, перчатки и ажурные шелковые чулки. Тут же стоит коробка с изящной почтовой бумагой от Ненилы Васильевны и Лизаньки. На коробке прикреплена бумажка с начертанными на ней словами:

«Королевне нашей от ее преданных слуг Н. В. и Л.».

А рядом большая коробка конфет от Домны Васильевны и именинный крендель от Кленушки.

Но на все эти приношения Надя даже и не смотрит. Все ее внимание поглощено теперь белым платьем. Что за догадливая, что за умница эта милая, добрая Анна Ивановна! Именно такое белое с черным поясом только и может надеть нынче Надя в месяцы ее траура. Когда только успели снять с нее мерку, вот забавно-то! Только бы лишь пришлось оно ей впору. Ведь так редко бывает, чтобы платье хорошо сидело без примерки.

Надя так увлечена рассматриванием подарков, что не слышит, как открывается дверь ее бонбоньерки-комнаты и Анна Ивановна тихо, на цыпочках, приближается к девочке.

– Ну, что, милая Нэд, довольны ли вы моими подарками? – спрашивает она, вдоволь полюбовавшись счастливым личиком девочки.

Та вздрагивает от неожиданности, потом с радостным криком падает на грудь своей «доброй волшебницы».

* * *

К трем часам дня съехалось приглашенное юное общество: явились Ратмировы, Стеблинские, Каргашевский, Зонька Лоренц и даже, к великому Надиному удовольствию,

Софи Голубева, перед которой Наде так хотелось блеснуть и своими подарками и своим нарядом.

Прелестная в белом полутраурном платье (Анна Ивановна настояла на своем желании видеть в нем нынешний день Надю), причесанная к лицу и вся сияющая от удовольствия, Надя казалась прехорошенькой нынче.

– Мы извиняемся, но танцев и музыки у нас не будет нынче, – я в трауре, – с любезной улыбкой встречая своих юных гостей, говорит каждому Надя. – Вместо танцев устроим после обеда *petits jeux*,⁷ будем играть в мнения, в почту. Согласны?

– Согласны. Конечно, согласны! – спешат ответить юные гости. В сущности, танцевать или играть – не все ли равно, лишь бы весело было, лишь бы быть всем вместе.

Чтобы не стеснять молодежь, та же предусмотрительная Анна Ивановна просила родителей детей не присылать с ними гувернеров и гувернанток, и те охотно пошли навстречу ее желанию.

До обеда Надя свела своих юных гостей в зеленую комнату. Никто, кроме Ратмировых, не бывал еще здесь, поэтому убранство оригинального помещения, фонтан, статуи, обилие клеток с канарейками, а главное, с пестрым Коко, привело в полный восторг юных гостей и целиком овладело их вниманием. Особенно понравился детям Коко. Он был нынче особенно в ударе и казался очаровательным со своею без-

⁷ Здесь: тихие игры (*фр.*).

удержною болтовнёю.

– Здравствуй, братец! – по настоянию Нади, обратился Ванечка к забавной птице.

– Здравия желаю, ваше высокородие! – прикладывая лапку к клюву и как бы отдавая честь, отчеканивая каждое слово, ответил забавный попугай мальчику.

– Ха, ха, ха! – весело залились дети.

– Ха, ха, ха! – вторил им Коко. – Что тут смешного, не могу понять! – перекрикивает он их.

Смех при этих словах усиливается.

– Кто его выучил? Какой он забавный... – спрашивает Маня Стеблинская Надю.

– У него есть своя собственная воспитательница, одна из приживалок Анны Ивановны, – отвечает небрежным тоном девочка, не замечая присутствия Лизаньки тут же в комнате, около клетки.

Зато ее замечают другие дети. От них не ускользнул румянец гнева и негодования, вспыхнувший на щеках Лизаньки, ни полный злости и обиды взгляд, брошенный ею в сторону Нади.

«Приживалка! Скажите, пожалуйста! Да как она смеет так? Сама не лучше, сама живет из милости. Ах, ты фря этакая, выскочка, как зазналась!» мысленно злобствует уязвленная девушка, предусмотрительно пряча, однако, под ресницами все еще сверкающий злостью и негодованием взгляд.

Наточка, мягкая и чуткая по натуре, заметив создавшее-

ся положение, спешит рассеять его. Она очень любезно разговаривает с Лизанькою; участливо расспрашивает ее о привычках Коко, восторгается ее терпением и усидчивостью, заставившей научиться глупую птицу так чисто и так много говорить, а главное, ответить так кстати.

Потом появляется Кленушка со своими питомцами, и собачки теперь овладевают вполне вниманием детей. Как забавна Заза, умеющая ходить на задних лапках! А флегматичный Макс, на лету подхватывающий кусочек сахара, положенный ему на нос! А Нусик и Пупсик, стоящие по пяти минут в ожидании подачи на часах!

– Да у вас тут целый собственный цирк. К Чинизелли и ездить не надо, говорит Никс, большой любитель всяких цирковых зрелищ.

– Они прелестны, – картавит княжна Ася, лаская то одну, то другую собачку.

Даже смущающаяся ежеминутно Зоинька Лоренц и та решается расспросить Кленушку о том, как живут между собою, не ссорятся ли, не грызутся ли все эти четвероногие живые игрушки.

– А мне все-таки больше всего нравится Коко. Искренне признаюсь в этом, – говорит Софи, снова возвращаясь к клетке с попугаем. – Что он, однако, ест? – обращается она с вопросом к Лизаньке.

– Зерно, подсолнухи, молоко с булкой... – с готовностью перечисляет та.

– И даже сыр, вообрази, сыр, Софи, – вмешивается в их разговор Надя. Я это сейчас продемонстрирую на ваших глазах. Лизанька, принесите кусок сыра от Домны Арсеньевны, – тоном хозяйки тут же приказывает Надя девушке.

– Но, Надежда Ивановна... – заикается было Лизанька.

– Пожалуйста, извольте слушать, что вам говорят, – отрывает Надя, награждая девушку ледяным взглядом.

Лизанька потупляет глазки и смиренно поджимает губы. Она не узнает нынче Нади. Правда, у любимицы их общей благодетельницы есть привычка «задавать тон» и выставить себя хозяйкой в присутствии посторонних, но так повелительно, так властно она еще не говорила никогда. Однако, во избежание неприятных столкновений, Лизанька покорно идет исполнить поручение Нади с целой бурей в душе. Она возвращается вскоре, неся кусок сыра на тарелке и нож.

Надя нетерпеливо вырывает у нее из рук и то и другое.

– Как вы долго прохлаждаетесь, Лизанька! Куда вы пропадали? – с капризно надутыми губками роняет она.

От этого замечания Лизанька вспыхивает до ушей.

– Скверная зазнавшаяся девчонка! – награждает она мысленно далеко нелестным эпитетом Надю и смотрит ей в глаза недоброжелательным взглядом.

Но Надя не замечает этого взгляда. Не замечает ничего, кроме сгруппировавшихся вокруг нее детей, с самым живым интересом следивших, как жадно хватает Коко мелко нарезанные куски сыра из рук Нади.

– В первый раз вижу такого гастронома-попугая, – усме-
хается Митя Карташевский.

– Ха, ха, ха! – вторит ему Лоло, всегда готовая посмеяться
кстати и некстати.

– И такого прожору! Смотрите, смотрите, десятый кусок
убирает! – удивленно роняет Маня.

– Он может съесть целый фунт, если хотите, – хвастливо
говорит Надя, чувствуя себя центром общего внимания не
менее самого Коко и, отрезав кусочек побольше, вкладывает
его в жадно раскрывшийся ему навстречу клюв попугая.

– Будет, да будет же, правда, Надежда Ивановна, – испу-
ганно шепчет Лизанька, в понятном страхе следившая все
это время за процедурой этого кормления. – Не было бы ху-
до нашему Коко.

– Не ваше дело, – резким шепотом отвечает ей Надя. –
Пойдите, принесите ему свежей воды, – снова повышая го-
лос, приказывает она.

Ей хочется во что бы то ни стало подчеркнуть перед юны-
ми гостями свою хозяйскую власть в этом доме, а сегодня
у нее и с Лизанькой, и с Кленушкой, и с прислугой совсем
особенный тон, особенная манера говорить и даже, как это
ни странно, какой-то особенный голос.

Дети замечают это и конфузятся. Одна Софи Голубева ка-
жется довольной. Ей как нельзя более приятны все промахи
Нади, все ее ошибки и плохое воспитание, особенно резко
подчеркнутое нынче. Она терпеть не может эту «выскачку из

мещанок», как давно уже окрестила про себя Надю Софи. И если она втайне и завидовала ее теперешней жизни и окружающей Надю роскоши и богатству, то видя в таком смешном и глупом положении эту напыщенную, зазнавшуюся мещаночку, Софи удовлетворена вполне. «Богатство глупому не впрок», – решает она, поглядывая на Надю насмешливыми глазами.

К счастью, Надя не замечает ничего... Весь сыр с тарелки перешел, наконец, в зоб Коко. Сытый, наевшийся до отвала, попка теперь почувствовал приятную сонливость и завел глаза, вполне довольный угощением. Как раз в это время детей позвали к столу. За столом Надя старалась выказать себя самой гостеприимной хозяйкой. Анны Ивановны не было; она решила дать детям полную свободу действий и велела подать обедать к себе в комнату.

И опять Надя, почувствовав себя полновластной хозяйкой, опять командовала Лизанькой и Кленушкой, хлопотавшими тут же у стола, и покрикивала на прислугу.

Лакеи и горничные с удивлением посматривали на разошедшуюся «маленькую барышню», никогда не проявлявшую до сих пор такого странного задора.

К концу обеда, когда был подан десерт, в столовую неслышно вошла Ненила Васильевна.

– Королевна наша, красавица-душенька, – своим быстрым шепотком заговорила она, наклоняясь к Надиному уху, – сестрица ваша там пришли из дома, вас спрашивают.

– Какая сестрица? – нетерпеливо передернула плечами Надя.

– Да ваша родная сестрица. Шурочкой звать.

О! Вся кровь бросилась в лицо Нади, и она густо покраснела от неожиданности и смущения. Покраснели даже лоб, шея, даже маленькие уши, окруженные завитками белокурых волос.

Как посмела она прийти сюда, эта Шурка, вопреки ее, Надиному, желанию! Ведь, кажется, русским языком наказывала Надя ей и всем домашним не приходите поздравлять ее в этот день!

Бросив пытливый взгляд на гостей (слышали или не слышали?), Надя тоже шепотом отвечает Нениле Васильевне:

– Скажите ей, что сейчас мне некогда, сейчас я занята с моими гостями. Пусть завтра придет... Завтра утром часов в одиннадцать... Тогда уже, наверное, не будет никого.

– Ахти, красавица, а ведь я не знаючи-то впустила сестрицу в комнаты. Неловко как-то отказывать ей теперь, – сокрушенно качая головою, снова шепчет Ненила Васильевна.

Гримаса нетерпения морщит лицо Нади. Она бросает мимолетный взгляд на дверь... Так и есть. Этого еще недоставало! Из залы ей умильно кивает с улыбкой во всю ширину рта сияющая Шурка.

Надя вскакивает, как ужаленная, со своего места и, забыв извиниться перед сидящим за столом юным обществом, несется, как на крыльях, в залу.

– Ты зачем пришла без разрешения? Кто тебе позволил? – сразу накидывается она на Шурку.

Та, вся сиявшая улыбкой удовольствия за минуту до этого, сразу как-то потускнела при первых же словах сестры.

– Наденька, – жалобно тянет девочка, складывая губы трубочкой, готовая заплакать от смущения и испуга.

– Что Наденька? Что Наденька? Я тебе толком говорила: не смей приходить. Ума хватило пустить тебя у наших. У меня гости-аристократы: княжны Ратмировы, Ртищевы, Стеблинские, а ты такой ободрашкой пришла. В ситцевом платье. Как тебя отпустили только, как отпустили?

– Да меня... меня и не пускали, Наденька. Я сама пришла. Захотелось поздравить, вот и пришла... Думаю, вызову тишком Наденьку, никто и не увидит. Я тебе рябиновой пастилы принесла, Наденька, твоей любимой... заикаясь от волнения, бормотала Шурка, протягивая Наде коробку с пастилой.

– Сама пришла? Без спросу? Так убирайся вон! Сию же минуту уходи. И дрянь эту уноси скорее. Не хочу я твоей пастилы. Сейчас гости перейдут в залу. Беда, если застанут тебя здесь. Ну же, уходи, уходи скорее!

И Надя без церемонии подталкивала сестру к двери.

– Ухожу, Наденька, ухожу... – роняя слезы, совсем огорченная и несчастная лепетала Шурка.

Еще минуту, и ее жалкая маленькая фигурка скрылась за дверью... Маленькая фигурка в чистеньком ситцевом платье

и холстинковом фартучке, тщательно вымытом и выутюженном собственными проворными руками специально для дня Надиного рождения, для нынешнего дня! И вот надо же было так случиться!..

Совсем уничтоженная Шурка с поникшей головой сходит с лестницы и выходит на улицу. Как тяжело, как гадко все это произошло! А виновата она сама. Никто другой, как сама Шурка. Убежала без спроса, не посоветовавшись со старшими, вот и поделом тебе, глупая, несмышленная девчонка, — уже негодуя на самое себя, мысленно укоряет себя девочка. Где-то в глубине ее души, в самых тайниках, закипает негодование и на Надю. Но это мимолетное чувство. Надя права. Куда же ей, Шурке, такой простушке, знакомиться с важными барами, только Надю срамить своим затрапезным ситцевым платишком. Ну, конечно, осрамила бы только. И очень хорошо, что Надя не приняла ее. А какой дом-то у Поярцевой, какие комнаты! Дворец, сущий дворец! А швейцар-то какой важнейший. Шурка книксен ему сделала по нечаянности, когда он открыл дверь перед нею. А теперь домой торопиться надо, а то хватятся. Попросилась к подруге сходить у тети Таши, а сама сюда... Бежать надо бегом.

И Шурка, машинально прижимая к груди коробку с злополучною пастилою, о существовании которой она совсем позабыла в этот миг, быстрым ходом направляется вдоль Каменноостровского проспекта.

Глава IV

Знаменательный вечер

– Что это вы нас покинули, Надин? Кто похитил вас на такой продолжительный срок из нашего общества? Я решительно протестую против такого злодейства.

И Ванечка при этих словах так грозно и сурово сдвинул брови, придав комическое выражение своему детскому лицу, что все остальные дети покатались со смеху.

– У тебя, кажется, была сейчас твоя младшая сестренка? – с невинным видом, скрывая насмешливую улыбку, обратилась к Наде с вопросом Софи.

Надя, менее всего ожидавшая такого вопроса, вздрогнула от неожиданности. Не удалось ей-таки скрыть прихода Шурки, эта противная Софи успела разглядеть маленькую фигурку в ситцевом платье. Какая досада, право. Что же, однако, отвечать ей? Нельзя же сказать, что это неправда, что это ложь, что Шуркиного духа не было здесь даже.

С минуту Надя колеблется, думает упорно... В голове ее бродят самые упорные мысли... Она ищет, измышляет способ выйти из неловкого, по ее мнению, положения...

А обе княжны Ратмировы, Маня Стеблинская и Наточка смотрят на нее удивленными глазами.

– Почему вы не позвали сюда вашу сестру, Надя? Нам бы очень хотелось познакомиться с нею, – говорит Ася со своей

обычной улыбкой.

Знакомиться с Шуркой? И кому же? Этой изящной, нарядной, изысканно-светской княжне? О нет, не так уж глупа она, Надя, чтобы показать такому избранному обществу свою одетую в полинявший ситец и лишенную самых примитивных манер и выдержки сестру-мещанку.

И Надя глубоко смущается от одной такой мысли. Вдруг счастливая идея приходит ей в голову. Благодаря ей Надя может выйти из глупого положения, может вернуть себе нарушенное приходом Шурки спокойствие. Поистине счастливая мысль! И не совсем естественно девочка начинает смеяться.

– Ха, ха, ха! Как это забавно, господа! Вот потеха-то! – так и заливается деланным смехом Надя. – Здесь приняли посланную ко мне прислугу-девочку за мою сестру. Как вам нравится это? Моя тетя и сестра прислали мне поздравление с маленькой служанкой, нашей подгорничной. Как это забавно, не правда ли? Ха, ха, ха!

Однако Софи Голубеву не так легко провести, как это кажется на первый взгляд. Она несколько секунд глядит в лицо Наде внимательными, насмешливыми глазами, потом, отчеканивая каждое слово, произносит веско и громко на весь стол:

– Как странно. Действительно, странно, потому что, насколько я помню, в институт на прием к тебе приходила именно эта девочка или удивительно похожая на нее и все

говорили, что она твоя младшая сестра Шура.

Если бы у Нади была возможность зажать рукою этот противный рот Софи, уличающий ее, Надю, с такой удивительной последовательностью, если бы она могла заставить молчать Софи и вывести ее из-за стола! Но увы! Это было невозможно, и Надя принуждена молчать и выслушивать до конца эту противную девчонку. Какое счастье еще, что Наточка и Митя Карташевский пришли так вовремя в эти минуты на помощь.

– Мне жаль, что и сегодня не удастся познакомиться с вашим милым братом, – говорит догадливый Митя, чтобы перевести на что-нибудь другое внимание детей.

– Надя, ты разрешаешь, в качестве хозяйки, встать нам из-за стола? – спрашивает в свою очередь Наточка, с шутливой почтительностью обращаясь к Наде.

– Конечно, конечно! – спешит ответить та.

Она сама рада-радехонька, что можно отвлечь внимание юных гостей от только что случившегося «недоразумения». Приказав прислуге перенести десерт в залу, снова ожившая и успокоившаяся Надя уводит туда своих гостей.

– Mesdames et messieurs! – поднимает голос Никс, – я предлагаю играть в мнения. Кто согласен со мной?

– Отлично, отлично! Блестящая идея! – звучат несколько оживленных голосов.

– Игра во мнение... Гм... Гм... Не привела бы она всех нас в сомнение, – пробует острить Ванечка.

– Ха, ха, ха! – заливается самым звонким смехом Лоло.

– Потому что начнутся счеты и обиды, – подхватывает его сестра Маня. Лучше давайте играть в комнатный крокет. У вас, наверное, есть такой крокет, Надя?

Крокет есть, но желанья играть в него находится у немногих. Большая часть молодежи стоит за *petits jeux*. Большинство голосов принято первое предложение. Бросают жребий, и Ванечка уходит из комнаты, потому что в первую голову мнения будут собираться про него.

– Господа, пожалуйста, щадите мое самолюбие, – прижимая руки к сердцу, молящим тоном посылает он с порога.

– Иди уж, иди! Будь покоен, под орех разделаем, – утешает брата Никс и делает ему вдогонку зловещие глаза.

Ванечка юркает за портьеру, притворяясь испуганным. Когда он возвращается в залу, где комфортабельно устроилось все молодое общество, на него нельзя смотреть без смеха. Скрестив по-наполеоновски руки на груди, сдвинув брови и поджав губы, с мрачным видом и размеренным шагом приближается он к играющим.

Княжна Ася, едва удерживая улыбку, выступает вперед.

– Про вас сказали ваши добрые приятели, – начинает она торжественным тоном, – и очень просили не обижаться, во-первых, что вы прелесть...

– Благодарю покорно. Чувствительно тронут такую любезностью... склоняется чуть ли не до пола Ванечка.

– Во-вторых, что вы – шалун, каких мало. В-третьих, что

вы сорви-голова.

– Сорви-голова, это Маня сказала, она всегда меня называет так... неожиданно прерывает Асю Ванечка и с тем же зловещим видом грозит пальцем сестре, которая отрицательно трясет головой и лукаво смеется в свою очередь.

– Pardon!⁸ я еще не кончила... – останавливает Ванечку Ася. В-четвертых, что вы – хорошенький и пригоженький. В-пятых, что вы сказочный принц.

– Ого! – знаменательно роняет Ванечка, поднимая палец кверху, – прошу почтительно обращаться с его высочеством.

– В-седьмых, что вы – рубаха-парень. В-восьмых, что вы – башибузук.

– Протестую. Я питомец моего родного корпуса, где нет места башибузукам, и я православный, – дурачится Ванечка.

Еще целый ряд эпитетов сыплется на его голову. Он и милый, и добрый, и веселый, и красавчик алебастровый.

Последнее вызывает взрыв смеха всего юного общества, а Лизанька смущается и краснеет. Это она «книжным» и «мудреным», по ее мнению, словом наградила Ванечку.

Лизанька и Кленушка, по настоянию Наточки Ртищевой и обеих княжен, тоже приглашены участвовать в играх.

– А ведь я знаю каждого автора отдельного мнения, – неожиданно изрекает Ванечка и, ударив себя пальцем по лбу, действительно, совсем неожиданно для детей, угадывает кто что про него сказал:

⁸ Извините (*фр.*).

– Сказочный принц – это вы изволили сказать, Надя, потому что вы сами похожи на принцессу... – смеется он. – Бова Королевич – Кленушка сказала. Лизанька – конечно, «красавчик алебастровый». (Пожалуйста, не краснейте, Лизанька, мне очень лестно быть таковым.) А бранил меня свой брат-мужчина: Никс башибузуком, Митя разбойником, Маня (pardon, но мою дражайшую сестричку я, к ее полному удовольствию, впрочем, считаю тоже своим братом-мальчуганом) и так братец-Маня, повторяю, назвал меня сорви-головой.

– Bravo, Ванечка, bravo! Всех разгадал, – под взрыв веселого смеха восклицают дети.

– Вот маг и волшебник, действительно, угадал! – разводила Ася руками. – Надин, теперь ваша очередь, прошу удалиться.

– Ну, мы же и зададим вам! – смеясь, послала вдогонку Наде Маня Стеблинская.

– Чур, не обижаться! – предупредил Митя, собиравший мнения на этот раз. – Пожалуйста! – крикнул он через три минуты, предупредительно раздвигая перед Надей полосы портьеры.

Надя впорхнула легко и грациозно, как птичка, в залу.

– Про вас говорят ваши друзья с покорною просьбою не обижаться, что вы чрезвычайно милая, что вы любезная хозяйка, что вы очень хорошенькая, что вы удивительно изящная... – вызывая на губы Нади самую приятную улыбку, пе-

речислял собиравший теперь мнения Митя, – но что вы легковверная и часто принимаете комплименты и лесть за истинную правду, что вы очаровательны и что вы, простите, иногда немножко бываете вороною в павлиньих перьях. Еще раз просим не обижаться, ведь это шутка, игра.

Увы, последнее предостережение опоздало. Лицо Нади, улыбавшееся до сих пор самой очаровательной улыбкой, сейчас искривилось неприятной, кислой гримасой злобы и негодования.

– Как вы смеете передавать мне это? – топнув ногою, накинулась она на Митю.

Тот недоумевающе поднял глаза. В первое мгновение мальчик подумал, что Надя шутит, нарочно представившись рассерженной. Но нет, это уже не шутка эти пылающие гневом глаза и красная сердитая физиономия.

– Вы не смеете так говорить про меня... Я не позволю... – совершенно забывшись, лепечет она, топя ногами с тем же красным, как вареный рак, лицом.

– Но ведь это же шутка, игра, поймите! Здесь никто не может обижаться. Ведь это же глупо в конце концов... – пробуют разубедить расходившуюся Надю Никс, Маня, Ванечка, Ася и Лоло.

– Конечно, нельзя обижаться, – решается поднять голос в защиту «мнений» даже и тихая Зоинька.

– Нельзя быть такой обидчивой, Надюша, – шепчет ей Наточка, приникая губами к Надиному ушку.

– Перестаньте! Это же право смешно, Надя! Неужели тебе хочется обязательно выставить себя в таком смешном виде?.. – напоминает ей с другой стороны Софи тихим, чуть слышным шепотом.

Этот шепот, казалось, переполнил Надино сердце обидой и гневом. Она, как ужаленная, отскакивает от Софи.

– Это ты про меня сказала! Ты сказала! Я узнала сразу тебя! – в запальчивости кричит ей Надя.

Софи теряется. Все смущены. Проходит добрая минута времени, пока Голубева находит в себе возможность ответить.

– Во-первых, это сказала не я; а во-вторых, я не позволю тебе кричать на меня, – говорит она сдержанно, – и лучше уеду домой. Прощай, до более удачной встречи, Надя, – насмешливо добавляет она и, обратившись к Лизаньке, просит девушку узнать, не прислали ли из дому горничную за нею.

Следом за Софи собираются по домам и остальные гости. У каждого из них находится вдруг какое-нибудь оправдание для такого быстрого и внезапного ухода, тем более, что коляска Ратмировых давно стоит у подъезда, а от Ртищевых и Стеблинских уже прислали прислугу. А Зоиньку Лоренц давно ждет ее англичанка в комнате Ненилы Васильевны.

Надя робко и смущенно просит их остаться, подождать. Но ни у кого нет охоты видеть сердито-взволнованную и неосновательно будирующую именинницу. Гости разъезжаются. Сконфуженная девочка остается одна.

Как прекрасно начался и как печально кончился этот вечер!

И подумав об этом, Надя чувствует себя в самом деле несчастной. Она бродит по комнатам унылая и печальная и в душе бранит уехавших детей. О, какие противные! Оставить ее одну в день ангела. Этого она никогда им не простит! Никогда в жизни!

Анны Ивановны нет дома. Чтобы дать полную свободу детям, она уехала на лекцию в Соляной Городок.

Если бы она знала, что сейчас переживает ее любимица! Бедная Надя так одинока сейчас... И всячески стараюсь разжалобить себя такими мыслями, девочка направляется в зеленую комнату. Здесь ей, однако, тоже невесело. Канарейки затихли, собираясь на покой. Но пестрый Коко еще с открытыми глазами сидит на жердочке. Но какой у него странный, нахохлившийся вид! Что это? Получается такое впечатление, как будто Коко чем-то подавился. Как неровно дышит его грудка; как усиленно движется зоб.

Тут Надя вспоминает внезапно: да ведь он объелся! Неужели же этому причина сыр? Неужели она перекормила его сегодня?

Девочка холодеет при одной этой мысли. Недоставало еще того, чтобы заболел Коко! Он – любимец Анны Ивановны,

подарен ей еще покойной матерью и уже пятнадцать лет живет у нее в доме. Его болезнь будет большим ударом для старухи. А если еще Лизанька откроет истинную причину ее, то, Бог знает, как рассердится тогда Анна Ивановна на Надю. Надо во что бы то ни стало бежать за Лизанькой, привести ее сюда, предупредить опасность.

И быстрыми, легкими шагами Надя мчится по лестнице в мезонин, где живет Ненила Васильевна с дочерью.

Еще на первом повороте круглой лестницы Надя слышит громкие голоса. Через открытую дверь комнаты эти голоса доносятся особенно отчетливо, тем более, что собеседницы не стесняются и говорят громко. Надя замирает, как вкопанная, при первых же услышанных ею словах.

– Нечего сказать, хороша! Всех гостей повыгнала! А еще барышня-институтка бывшая, благодетельница на любимица, – сердито, слово за словом роняет Лизанька. – А кабы вы послушали, мамаша, как она командовала нами нынче! – То принеси, это унеси. То подай да это. Да как еще – все с покриком, будто и век здесь жила. Кокошку обкормила сыром. Я останавливать было сунулась, так она-то как закричит: «Молчите, мол, не ваше дело, сама знаю». По правде сказать, не стерпела я и как играть-то сели, стали мнения собирать про фрю эту, выскочку, так, думаю, отплачу ей, отведу душу. Ну, вороной в павлиньих перьях ее и обозвала. А она-то как зайдется, как зайдется...

– А будто и не ворона? И то ворона, – подхватила слова

дочери Ненила Васильевна. – Неужто ж и впрямь королева она? Да не люби ее так благодетельница наша, ужели бы возились мы с нею все так? Королева подумаешь тоже! Судомойкой ей впору быть, а не королевой! Глупа она, видно, что вообразила себя не Бог весть чем. Правда, взлюбила ее Анна Ивановна, благодетельница наша, обряжает как куклу, подарками заваливает, балует напропалую. А надолго ли? Ведь и любит-то за то, что рядить ее да выводить на люди ей можно, да хвастаться ею лестно. А на самом-то деле, небось, Кокошка и тот дороже Надежды ее сердцу... А Наденька-то прекрасная на положении собак да канареек у нее, вроде Зазы да Леды... Небось, тешится ею, как куклой, покуда не надоела, да покуда нашей-то в глаза смотрит, а чуть станет противоречить благодетельнице в чем ни на есть, живо охладает к ней Анна-то Ивановна наша... Видали мы уж такие примеры не раз!

Что такое? Наде кажется, что ступени шатаются у нее под ногами и вся лестница вертится под нею, как выюн. В глазах даже потемнело у девочки, и сердце совсем перестало биться, замерло, как не живое, бедное маленькое уязвленное сердце. Все, что услышала сейчас Надя, совсем сразило ее. Да нет, не может этого быть, они лгут там обе! Как разобраться во всем этом, как докопаться до истины? Ах, если бы тетя Таша, Сережа и Клавдия были здесь, очутились бы чудом с нею сию минуту на этих самых ступенях, на этой лестнице и прослушали бы весь этот разговор Ненилы Васильевны с

дочкой! Они сумели бы посоветовать ей, Наде, конечно, что делать. Они бы научили, как поступать их Наде. Но она одна, совершенно одна, не с кем поговорить ей, не с кем посоветоваться. А поговорить надо, необходимо даже, чтобы разобратся с более опытными людьми в ее положении. Ведь если подумать только, что часть, самая незначительная часть их беседы Ненилы с Лизанькой – правда, то и тогда можно с ума сойти от уколов самолюбия и обиды. Как? Она, Надя, и вдруг представляет собою только ничтожную игрушку, что-то среднее между собачонкой и канарейкой в этом доме? Игрушка, кукла, слепое орудие забавы! Нет, нет, она должна узнать, в конце концов, насколько все это правда, она должна докопаться до истины! Если ей не с кем сейчас посоветоваться, то она знает, что надо делать: теперь она будет внимательной и наблюдательной с этого дня; она должна уметь отличить истинную любовь к ней людей от пустого тщеславия. Она не маленькая. Ей уже четырнадцать лет! А все же как хочется ей сейчас увидеть хоть одним глазком милую тетю Ташу, ее истинного друга, в любви которой она уже не может сомневаться. И даже Клавденьку, даже Сережу, хотя они были часто суровы к ней, и Шурку. (Ах, зачем она, глупая, прогнала ее нынче от себя!) Ведь они – ее единственные близкие, родные... Им она близка как племянница, как сестра... И дорого бы дала она сейчас, чтобы очутиться в их маленькой квартирке среди ласково сияющих ей улыбками приветливых лиц.

Когда Анна Ивановна возвращается домой, она неприятно поражена, не найдя у себя в доме юных гостей Нади, для которых, уезжая, приказала сервировать ужин и десерт.

– Что у вас за расстроенное лицо, Нэд, моя крошка, и где же ваши гости? – озабоченно спрашивает она, близкая уже к догадке о случившемся.

В первую минуту Наде хочется броситься к ней на шею и вылить все свои жалобы, все обиды на груди у благодетельницы.

Но Анна Ивановна удерживает девочку. При виде ее искаженного страдальческой и слезливой гримасой лица, Поярцева говорит, слегка недовольным тоном, сразу расхолодившим весь порыв Нади.

– Не плачьте же, Нэд, не портите ваши милые глазки. Завтра надо быть свежей и хорошенькой, а слезы истощают и душу и тело. Я повезу вас на детское литературное утро. Это будет прелево. Я чувствую, что вас снова обидела эта гадкая Софи! Не обращайтесь на нее внимания, деточка, она из зависти делает все это. И зачем только мы ее пригласили? Зачем я, старая профанка, послушала вас! Разве вы не заметили, как она завидует вам?

Увы, Надя заметила... Но заметила не то, о чем говорила Анна Ивановна, а нечто иное, чего совсем не заметила она

раньше. Заметила, что Анне Ивановне нет почти деда до ее тоски, до ее горя. Ей только хочется видеть Надю веселой, довольной, радостной и хорошенькой, чтобы все любовались ею там, куда, нарядив как куколку, ее повезут завтра.

И глубокий вздох вырвался из груди Нади. И ее снова неудержимо потянуло домой, под родную кровлю, к дорогим близким, к тете Таше, Клавденьке, Шурке и Сереже, которые все-таки больше всех любят ее, строптивую и капризную Надю, любят искренно, всей душой, прощая все ее, Надины, слабости и недостатки.

Глава V

Мечты разбиты! Конец волшебной сказки! Новая Надя

– Надевайте ваше белое платье, Нэд, мы едем к Ратмировым. Лизанька или Кленушка, кто там? велите подавать шоферу машину.

– Я не могу ехать сегодня в гости, Анна Ивановна... – слышится тусклый голосок Нади.

– Но почему нет, моя крошка? Насколько я заметила, у вас наилучшие отношения с обеими княжнами.

– О да, княжна Ася очень мила и Лоло тоже, но... мне просто не хочется ехать, у меня голова болит, – так же апатично роняет Надя.

– Опять болит голова? Но это странно, у вас теперь почти каждый день что-нибудь болит, моя милая, а от доктора вы упорно отказываетесь. Что это значит? Тогда вы тоже не поехали из-за головной боли на детское утро. Право, мне кажется, дорогая Нэд, что эти ежедневные, то головные, то зубные боли – один предлог только, чтобы избежать поездок в гости и в театр, говорит Анна Ивановна, пронизывая Надю внимательным взглядом.

Последняя опускает глаза. Действительно, Поярцева права. Она, Надя, выдумывает эти ежедневные головные или

зубные боли потому только, что ее не тянет никуда, потому что ей опротивели сразу после подслушанного ею нечаянно разговора на антресолях все эти поездки в гости, в театр, даже за покупками в Гостиный двор. Опротивели с той самой минуты, как она узнала, какую жалкую роль, роль игрушки, временной забавы, какой-то куклы-манекена или декорации приходится ей играть в доме Поярцевой. Да, именно игрушки и забавы. Теперь особенно рельефно вспоминается Наде все пережитое ею здесь. Как она была глупа и наивна, не замечая раньше много того, что теперь прямо-таки бросается ей в глаза. Зато сейчас, когда она «прозрела», воспоминания ее жизни в этом доме не оставляют ее в покое. Картины, наглядно подтверждающие слова Лизаньки и Ненилы, теперь не выходят из головы. Ну, конечно, Надю ублажали, баловали и лелеяли, пока она представляла собою интересную игрушку. Ее причесывали к лицу, наряжали, везли в театр...

– Какая прелестная девочка! – слышался вокруг восхищенный шепот, заставляющий Анну Ивановну расцветать улыбкой удовольствия.

– Как мила ваша Нэд! Что за прелестное личико! И как она всегда изящно одета! – тонко льстили друзья и знакомые Поярцевой, когда старуха возила к ним в дом Надю.

И сама Надя была весела, забавна, беспечна и щебетала, как птичка, потешая свою благодетельницу много больше канареек, собачек и Коко в первое время пребывания ее здесь. Но вот теперь, с некоторого времени, девочка круто измени-

лась. Она никуда не ездит, ссылаясь на всевозможные причины. Не хочет ни причесаться, ни одеться, как прежде. Она точно устала. И характер ее изменился к худшему. Это уже не прежняя веселая шепетунья-птичка; она все время или молчит, или отвечает односложно на вопросы окружающих. И прежняя жизнерадостная улыбка уже не озаряет ее юного личика, и ничто не развлекает, ничто не тешит ее теперь.

– И так она подурнела за это время, – с неудовольствием отмечает Анна Ивановна, глядя в изменившееся угрюмое лицо Нади. – Неужели болезнь Коко так действует на нее?

Действительно, Коко болен. С семнадцатого сентября едва прошло четыре дня только, а Коко сделался неузнаваемым. Коко, или, вернее, тень Коко теперь, неизменно сидит на жердочке, печально нахохлившийся, и никто в доме уже не слышит его прежней громкой болтовни. Приходил ветеринар, тщательно и долго осматривал птицу и назвал какую-то болезнь желудка непонятным для окружающих латинским термином.

– Это очень серьезно и требует упорного лечения, – произнес он, пряча в карман полученную от Анны Ивановны трехрублевку.

Последняя совсем расстроилась при этом известии. Коко, ее любимцу Коко, грозит опасность! Его болезнь серьезна и требует упорного лечения. Неужели ей суждено потерять Коко, последнюю память матери? Коко, умевшего так мило забавлять ее своею болтовнею? Нет, нет, этого допустить нель-

зя.

– Почему заболел Коко? Что с ним случилось? – допытывается Поярцева у Лизаньки.

Но та только со значительным видом поджигает губки и опускает глаза. Ни за что не откажет себе Лизанька как можно дольше промучить ненавистную ей Надю. Ведь если сказать теперь же их общей благодетельнице, кто и что послужило причиной болезни Коко, эта негодная девчонка получит выговор и все успокоится постепенно. Анна Ивановна, добрая по природе, скоро простит ее, конечно, не в тюрьму же посадят Надю за то, что она обкормила сыром этого несчастного Коко. А так, куда приятнее и лучше, по крайней мере, мучить Надю как можно дольше, заставляя ее сердце трепетать от постоянного страха за то, что вот-вот она, Лизанька, донесет на нее Анне Ивановне, укажет на причины болезни попугая. Тем более, что сама Анна Ивановна заметно изменила свое отношение к Наде эти дни. Она уже не так ласкова к ней последнее время, как бывало прежде, и, конечно, Надя уже успела наскучить ей... Надо выждать еще и нанести последний удар Наде тогда, когда Анна Ивановна окончательно охладет к своей новой любимице.

Впрочем, холодок в отношениях Поярцевой к Наде замечает не одна Лизанька, замечают его и Ненила Васильевна, и Домна Арсеньевна и долгими часами совещаются об этом между собою за неизменным кофе, который пьют у себя на антресолях по несколько раз в день. Теперь они уже не

льстят, как прежде, Наде, не называют ее «златокудрой королевной», не смотрят ей в глаза. Ненила Васильевна и Лизанька, те даже идут дальше: они зачастую тонко язвят Надю, отпуская на ее счет колкие намеки и замечания. Не отстает от них и Домна Арсеньевна, заведующая хозяйством в поярцевском доме.

Надя и за столом даже замечает перемену к ней со стороны приживалок. Теперь лучшие куски переходят на тарелку Лизаньки. Домна Арсеньевна видит отлично, что их общая благодетельница стала особенно ласкова к Лизаньке за последнее время, с тех пор, как заболел ее любимец Коко и Лизанька неустанно ухаживает за ним. Кто знает, не займет ли вскоре Лизанька место заметно попавшей в опалу «королевы», так уж лучше пораньше заручиться ее, Лизанькиною, благосклонностью. И недалекая, но хитрая Домна Арсеньевна заранее заручается этим расположением, усиленно угощая Лизаньку за столом.

Одна только Кленушка остается тою же, что и раньше в отношении Нади; она точно не замечает Надиной «опалы» и по-старому ласкова, разговорчива и предупредительна с нею, по-прежнему делится с Надею своими заветными мечтами о деревне, забегая поболтать к ней в ее голубую комнату-бомбоньерку. При всей своей наивности, Кленушка не может не заметить угнетенного состояния Нади.

– Эх, Надежда Ивановна, зачем грустить? Что вы одинокая, что ли? Никого родных разве нет у вас на свете? – гру-

бовато, но искренне срывается у нее при виде грустно поникшей белокурой головки. – Ведь тетенька у вас недалеко, сестрица, братец. Да захотите только – начихать вам на всех здешних, на Ненилу Васильевну, на Лизу эту, язву, на Домну-скаредницу. Завейте горе веревочкой и поминай вас как звали. Небось, тетка-то с раскрытыми объятиями вас обратно возьмет.

Под эти речи Кленушки сердце Нади вздрагивает, и сама Надя оживляется сразу. Но ненадолго. Правда, ее теперь, как никогда, тянет домой, к ласкам и нежности тети Таши, без которых так изголодалась ее маленькая душа, к суровой заботливой Клавдии, к серьезному, замкнутому, но безусловно любящему ее Сергею, к Шурке, наконец, к милой суетливой Шурке, так трогательно привязавшейся к ней.

Но ложный стыд, извращенное самолюбие запрещает Наде вернуться туда снова. Как она пойдет к ним? С каким лицом? С какими глазами? Она всех там так больно обидела, оскорбила в свой последний приезд. Клавдию так несправедливо уязвила ее убожеством, Шурку просто прогнала от себя... Тетю Ташу обижала все время своею небрежностью и эгоизмом, резкостью и невниманием к ней. Серезу сердила, раздражала своим дурным, нерадивым учением. И потом, как вернуться домой такой, обманувшейся в своих лучших мечтах и надеждах? Она – Надя – так хвастала им всем радостями своей чудной, «волшебной» жизни, так подчеркивала свое призрачное кажущееся счастье. Так неужели же те-

перь ей придется расписываться в противном, признать свое поражение, показаться в смешном и жалком виде! Нет, нет, нет! ни за что, ни за что! Уж пусть лучше она станет мучиться здесь, в этом опротивившем ей донельзя, ненавистном чужом доме. Пусть будет страдать одна, но домой она не вернется ни за что!

* * *

С самого утра моросит нудный мелкий дождик. Хмурое небо задернулось серой непроницаемой пеленой. Извозчики с мокрыми верхами пролеток, забрызганные грязью колеса автомобилей и раскрытые зонтики над головами прохожих – все это довершает унылую картину петербургской осени.

И в роскошном особняке Поярцевой тоже царит уныние, тоже тоска. Несмотря на то, что только пробило два часа пополудни, уже зажгли электричество во всем доме. В зеленой комнате вспыхнули большие матовые шары и лампы, эффектно приютившиеся между широкими листьями пальм и платанов. Здесь, около клетки попугая, похожей на игрушечный домик, сгруппировалось почти все население этого дома. Сама Анна Ивановна в белом фланелевом капоте с усталым от бессонницы лицом (она за эти сутки головы не прикладывала к подушке, ожидая с часа на час катастрофы с ее любимцем), обе старые приживалки, Ненила и Домна, Лизанька с распухшими от слез веками, Кленушка с ее спокой-

ным, обычно флегматичным видом, лакеи, горничная...

Ветеринар только что ушел. Он как честный человек не пожелал даром брать денег с владельницы умирающего Кoko и объявил решительно, что делать ему здесь больше нечего, что гибель птицы неизбежна и что больному попугаю грозит заворот кишок.

Впрочем, его слова явились теперь лишними: каждому из присутствующих и так было слишком очевидно, что минуты Кoko сочтены. Уже несколько часов несчастный попугай лежит с ощетинившимися перьями в углу клетки на спине с поднятыми вверх и судорожно движущимися лапками. Его грудка бурно вздымается под прерывистым дыханием. Его клюв широко раскрыт, и глаза подернуты предсмертной пленкой. Вот он сделал снова судорожное движение лапками и глубоко вздохнул.

– Никак кончается, благодетельница? – прошептала Лизанька и залилась слезами.

Насколько были искренними эти слезы, ведает только один Бог. Если бы не присутствие Анны Ивановны, наверное, дальновидной Лизаньке и в голову не пришло бы так плакать. А теперь она буквально разливается рекой на глазах Поярцевой. Ей вторят Ненила Васильевна и Домна Арсеньевна.

– Кокушка! Голубчик ты наш! Солнышко красное, на кого ты нас покидаешь... – тянут они раздирающими душу причитаниями, не забывая, однако, в то же время подавать ню-

хательные соли и нашатырный спирт Анне Ивановне, которой буквально делается дурно при виде предсмертных мучений ее любимца.

– Дайте мне его сюда! Дайте голубчика моего! – шепчет Поярцева, протягивая к клетке дрожащие руки.

Три пары рук устремляются вперед привести в исполнение ее желание.

Лизанька опережает всех и со всякими предосторожностями извлекает бьющееся в агонии тельце Коко из клетки и кладет его на колени Поярцевой.

– Бедный ты мой, голубчик ты мой... – захлебываясь слезами, шепчет Анна Ивановна, нежно лаская его перышки.

Но этих нежных слов, этих слез не видит и не слышит умирающая птица. Стараясь захватить побольше воздуха, широко раскрывает свой клюв Коко, потом вздрагивает еще раз, беспомощно взмахивает лапками и валится на бок, как сраженная бурей ветка.

* * *

– Убила! Как есть убила! Помер голубчик наш! Из-за нее, злодейки, убийцы, помер... – неожиданно проносится по зеленой комнате, по всему особняку Поярцевой резким отчаянным криком.

И Лизанька делается совсем как исступленная в эти минуты. Она рвет на себе волосы, громко рыдая, и выкрикива-

ет во весь голос:

– Убила! Убила! Убила!

Все вздрагивают, замирают от неожиданности. Что значит этот крик? Кто кого убил? В уме ли она, Лизанька? Не помешалась ли с отчаяния и страха ответственности за смерть дорогой птицы!

– Что такое? Кто убил? Кого? – срывается и с уст взволнованной до последней степени Анны Ивановны, вскинувшей на плачущую и иступленно-кричащую девушку испуганные, тревожные глаза.

– Да она... она... Надя!.. Кому же и быть другому... Она уморила, убила солнышко наше, Кокошу ненаглядного, сокровище мое... Радость мою единственную... Печальную любовь сердца моего! – не забывает вплести в этот букет нежных терминов высокопарную по своему обыкновению фразу Лизанька.

Но никто не обращает внимание на эти причитания, никто, кроме горничной и двух лакеев, отвернувшихся в сторону и незаметно фыркнувших под шумок.

– Как убила? Когда убила? Чем? Что ты путаешь? Говори толком, повышает голос Анна Ивановна.

– Нет, не путаю, не путаю я, благодетельница. Кокошку нашего она на самом деле убила, Наденька... Обкормила его сыром в день своих именин. Целые полфунта на него скормила. Я уж и так и сяк усовещевала и отговаривала, а они только ножкой топнули: молчи, мол, не в свое дело не суйся.

А с той поры Кокочка и заболел. Я-то все боялась докладывать вам. Все думала, перемелется, обойдется как-нибудь... Гнева вашего справедливого боялась, благодетельница, а вот и не обошлось. Погиб он, злосчастный мученик, томный любимец наш, жертва безгласная!.. Простите меня окаянную, в тюрьму меня заточите за это, в темницу на хлеб и на воду! – и Лизанька грохнула на колени, воя и причитывая и рыдая в голос под аккомпанемент ахов и охов двух других приживалок.

Словно бич, ударили ее слова Поярцеву; Анна Ивановна выпрямилась, слезы ее высохли мгновенно, глаза блеснули сухим огоньком.

– Позвать сюда Нэд! – коротко приказала она лакею.

* * *

– Позвать сюда Нэд, – услышала эти слова и сама Надя у порога зеленой комнаты, куда спешила идти узнать о причине громких криков и отчаянного плача, разносившихся по всему дому.

– Я здесь, Анна Ивановна. Что прикажете? – произнесла, появляясь на пороге, девочка.

Пустая клетка-домик, мертвое тельце Коко, распростертое на коленях Поярцевой, взволнованное лицо последней, слезы в глазах приживалок и их притворно прискорбные физиономии – все это сразу дало полное освещение Наде о слу-

чившемся.

Как бы в подтверждение догадки Лизанька истерическим жестом подняла руку, указывая ею Наде на безжизненное тельце Коко, и взвизгнула во весь голос:

– Убийца!

– Тише, Лизанька, – болезненно морщась и зажимая уши, проговорила Поярцева, потом добавила, обращаясь к Наде: – Полюбуйтесь на дело рук ваших, Нэд.

Надя опустила голову. В голове ее промелькнула мысль о том, что она действительно виновата в случившемся с Коко непоправимом несчастье.

– Виновата, Анна Ивановна... – прошептали дрогнувшие Надины губки. Виновата... – еще тише прошептала она.

Поярцева посмотрела на нее теми же холодными, полными укора и сурового осуждения глазами.

– Что мне в вашем запоздалом извинении, Нэд? Оно не вернет мне уже моего бедного Коко к жизни... Такой незамеченной потери мне не вернуть никак. Он мне был дороже всего на свете. А вы погубили его. И вообще должна сознаться, что я очень ошиблась в вас, Нэд. За последнее время вы стали неузнаваемы. Вы – эгоистка и самая неблагодарная девочка в мире. Вы не сумели оценить оказанных вам много благодарностей. Вас так радушно приняли у меня; я сама отдавала вам свою душу. А чем вы отплатили мне? Как вы капризничаете, как упрямитесь все последнее время, ставите меня в глупое положение перед всеми нашими друзьями, беспри-

чинно отказываясь продолжать с ними знакомство, неосновательно ссоритесь с юными вашими сверстницами... Все это мне очень не нравится, Нэд! А главное, зачем вы скрыли свою вину от меня? Зачем не сознались вовремя, что были причиной болезни этого бедняжки? – указала Поярцева на трупик, беспомощно распростертый у нее на коленях. Ведь его можно было бы еще спасти! Нет, вы предпочли обречь Коко на гибель. Это доказывает, что у вас нет сердца, Нэд, что вы черствая и жестокая натура. Я не хочу и не могу видеть вас сегодня... Пока я не успокоюсь, прошу не показываться мне на глаза. Ступайте в вашу комнату, вам подадут туда обед и ужин... А когда я приду немного в себя после этой ужасной потери, я позову вас снова. Но помните, я позову прежнюю Нэд, а не эту капризную и упрямую девочку, которая испортила мне столько крови за последнее время и сделалась причиной гибели моего... моего ненаглядного... моего един...

Анна Ивановна не договорила и зарыдала, откинувшись на спинку кресла. Приживалки засуетились вокруг нее с нюхательными солями, нашатырным спиртом и одеколоном.

– Ступайте уж. Чего стали? Или вовсе уморить хотите благодетельницу нашу? – зашипела Лизанька на Надю, пронизывая девочку злым, ненавидящим взглядом.

– Дождались, королевна, ваше величество, – съязвила вслед шарахнувшейся за порог комнаты Нади и Ненила Васильевна.

Надя не чувствовала пола под ногами. В эти минуты точно под нею горела земля. Жгучий стыд, обида и боль оскорбления – все это вместе взятое темной волной налетело на нее и заполнило все существо девочки, все ее мысли, всю ее душу. Эта отповедь, данная ей высокомерным тоном «благодетельницей» при всем сонме приживалок и прислуге, прожгла ее сердце жгучим стыдом.

Нет, ни минуты не останется она здесь больше! Бог с нами со всеми, с их роскошью, комфортом, богатством! Ей они теперь противнее самой страшной, самой потрясающей нужды. Пускай она будет питаться одним черным хлебом, только не слышать этих обвинений, уличающих ее в неблагодарности, не слышать попреков за оказанные ей благодеяния.

– Сережа! – отчаянно и радостно вскрикивает Надя, увидя входящего в комнату с ранцем под мышкой брата, явившегося давать ей обычный ежедневный урок. – Сережа, голубчик, милый, увези меня сейчас отсюда. Увези скорее!

Натянутые нервы не выдерживают. Надя раздражается плачем, судорожно прижимаясь к груди брата.

Сережа, взволнованный и потрясенный не менее сестры, не спрашивает ничего. Зачем? Она все равно расскажет ему все, когда успокоится немного, бедная девчурка! А сейчас пусть она плачет, бедняжка, этими глубокими, душу облегчающими слезами, которые так неожиданны у нее – знающей только одни капризные слезы до сих пор! Предчувствие говорит на этот раз Сереже, что эти Надины рыдания не плод

капризов и воображения прежней взбалмошной и легкомысленной мечтательницы и что в них выливается сейчас неподдельное, настоящее, недетское горе...

– Домой! Скорее домой! Ради Бога, скорее, Сережа, – слышит он сквозь всхлипывания надломанный печальный голос сестры.

Ему остается только исполнить ее желание. Через несколько минут они выходят, ни с кем не повидавшись, из дома Поярцевой. Сергей оставляет записку у швейцара, в которой благодарит вежливо и спокойно Анну Ивановну за гостеприимство, оказанное его сестре, и обещает еще раз возвратить со временем истраченные ею на Надю деньги.

Дождь, слякоть и ветер встречают брата и сестру на улице. Против своего обыкновения Сережа нанимает извозчика. Он точно предугадывает желание Нади. Под поднятым верхом пролетки девочка прячет заплаканное личико на груди брата и прерывистым шепотом чистосердечно рассказывает ему все: и про свои прежние мечты о волшебной жизни-сказке, и грезы о богатстве и роскоши, и про те призрачные радости в доме Поярцевой, которые она, Надя, так ценила раньше. И про ее разочарование в них... Про все то, что так болезненно пережито ею за последние дни...

– А теперь домой. Скорее домой, ради Бога!

Надя так захвачена своим волнением, так потрясена им сейчас, что не видит, не замечает, как с каждым ее словом светлеет и проясняется угрюмое, суровое лицо Сережи, как

все крепче и крепче сжимает его рука ее маленькие дрожащие пальцы, и глубокая радость за сестру охватывает все существо благородного юноши...

* * *

– Вот вам ваша Надя... Новая Надя! Я вам привез ее домой и навсегда. Эта Надя не пожелает уже больше вырваться из рук родного дома. Поцелуйте же ее хорошенько, обнимите ее, тетя Таша, Клавденька, Шурок! – с тем же радостным, просветленным лицом говорит Сережа, переступая порог крошечной квартирки и легонько подталкивая вперед робеющую, смущенную Надю...

Что-то есть в смущенном лице этой, как будто и в самом деле новой, преобразившейся Нади, что заставляет убедиться сразу и тетю Ташу, и Клавденьку в правоте Сережиных слов, заставляет сразу забыть нанесенные им обоим прежней Надей обиды и крепко, горячо обнять прильнувшую к ним всем по очереди белокурую головку «новой Нади»...

* * *

Теперь в крошечной квартирке Таировых царит небывалый еще мир и покой. Слова Сережи сбылись: прежняя Надя исчезала, исчезала с каждым днем, а новая, такая желанная

и милая постепенно приучается к трудовой жизни, которую все живут в этой семье.

Истинно любящие и заботящиеся о ней от всего сердца люди окружают теперь Надю. Их чувство глубоко и ласки искренни. Они любят в Наде не забаву, не игрушку, а человека Надю, Надю – разумное существо.

Под влиянием окружающих ее людей и здоровой трудовой обстановки, прежние бредни и чтение глупых, пошлых, бульварных романов совсем заброшены Надей. Помня нанесенный ей жизнью урок, она не забывает и того, что именно эти мечты и книги были ему причиной.

Теперь она помогает хозяйничать тете Таше, помогает Клавденьке подрубать платки и простыни заказчиков и занимается с большим рвением на уроках с Сергеем. Осенью она поступает в гимназию вместе с Шуркой. Это решили совместно тетя Таша с Сергеем и Клавденькой. Вечерние занятия и уроки Сергея позволяют последнему подумать серьезно о воспитании младших сестер. Он твердо верит, что теперь Надя пожелает хорошо учиться.

А Клавденька, на которую сейчас буквально сыплются заказы, мечтает совместно с тетей Ташей открыть свою собственную, хотя бы и крошечную, мастерскую белья.

Игрою случая, с возвращением Нади домой, счастье снова повернулось лицом к маленькой семье Таировых. Теперь призрак нужды не угрожал ей больше, и впервые вздохнула свободно тетя Таша, увидя впереди прояснившийся гори-

зонт их скромной трудовой жизни. И маленькая дружная семья сплотилась еще крепче, еще теснее, готовая делить со-обща и удачи, и радости, как делила недавно еще беспощадные и жестокие удары жизни.

Волшебная сказка, которую грезил недавно Надя, теперь развеялась, расплылась, как призрак.

...Но и среди реальной жизни девочка чувствует себя теперь вполне счастливой и довольной, окруженная любовью и заботами искренне преданных ей людей...

И недавняя «волшебная сказка» не манит больше Надю...